

Александр Ефимович
ПИВЕНЬ

3(15).VI.1872 — 7.IV.1962

ДИНСКАЯ ЦЭС
Колхозного типа

ББК 84Р6
УДК 882
П 32

Тексты печатаются по изданиям И. Д. Сытина, по публикациям в "Кубанских областных ведомостях" (1911—1912 гг.) и "Кубанском казачьем листке" (1912 г.), в журнале "Вольное казачество" (Прага, 1928—1932 гг.).

Редактор А. И. Заричнюк

Художник С. В. Тараник

Пивень А. Е.

П 32 Торба смеха и мешок хохота.— Краснодар:
"Советская Кубань", 1995.— 224 с.

Творчество Александра Ефимовича Пивня (1872—1962) — талантливого поэта и фольклориста — неоценимое достояние самобытной кубанской культуры. Его побрехеньки, пересыпанные народным юмором и остроумием, никого не могут оставить равнодушным. Данное издание, содержащее значительную часть творческого наследия писателя, уникально еще и потому, что в него включены произведения, никогда раньше не издававшиеся в России.

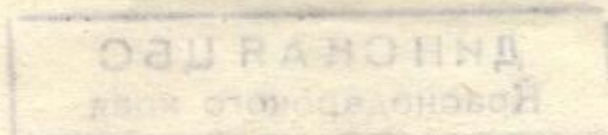
ББК 84Р6
УДК 882

ISBN 5-722-0069-2

© В. П. Бардадым, А. В. Дейневич, Н. С. Шумаков.
Составление. 1995

© В. П. Бардадым. Очерк. 1995

© "Советская Кубань". Оформление. 1995

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО КУБАНСКОГО КОБЗАРЯ АЛЕКСАНДРА ПИВНЯ

Трагична судьба кубанцев, оказавшихся на чужбине, вдалеке от родных куреней, обреченных на разлуку с дорогими людьми, семьей. Как в песне поется, "и некому тоски своей да горя рассказать". Но вдвойне трагична судьба талантливого человека: ни его грустная песня, ни его задушевный рассказ не в силах прорваться сквозь стену чертополоха, отозваться в сердцах... И обречен писатель в чужом краю на одиночество, на забвенье.

К таким творческим личностям с судьбой беженца-эмигранта я отношу одного из самых талантливых, поистине народных кубанских поэтов — Александра Пивня.

Было суждено, что даже его родовая фамилия Пивень (петух, кочет) как бы предвещала славное будущее певцу родного края.

Родился он 3 (15) июня 1872 года в станице Павловской, основанной украинскими переселенцами на реке Сосыке за полвека до того. Отец его, Ефим Григорьевич, служил псаломщиком при местной Успенской церкви. Человек трезвый, исключительно честных правил, личным примером он привил сыну нравственные качества своего старинного запорожского рода. Мать — дочь священника — женщина образованная и начитанная: Библия, сочинения Пушкина и Шевченко были ее лучшими книгами. Мальчик с упоением слушал "Сказку о царе Салтане", певучие стихи Кобзаря, библейские сказания. Пяти лет он умел читать, писать, знал таблицу умножения.

Отец гордился успехами первенца. Частенько при гостях Саша декламировал звонкие вирши. Гости хвалили смышленого хлопчика, предсказывая ему большое будущее, одаривали:

— Возьми, хлопче, грошик на гостинец.

Свалилось горе на семью — умерла мать. Предоставленный самому себе, малыш подружился с соседскими мальчишками, бродил по станице и, голодный, совершал казачьи набеги на чужие сады и огороды. А чуть подрос, его отдали в станичную школу. Учился на удивление всем — круглый отличник.

С самых ранних лет он жил в гуще народной, видел жизнь без прикрас. Слушал раздольное пенье казачек, быстро схватывал и запоминал всякие присказки, побрехеньки, смеховинки и поговорки из казачьего быта. А однажды попал на свадьбу. Тут и песни, и шуточные пожелания, и слезы, и танцы, и припевки. Обряд врезался в память, как интересный школьный урок. В 1882 году отец посадил Сашу в телегу и повез в град Екатеринодар. Двое суток добирались! А чего удивляться? — Надо было на лошадях преодолеть 167 верст! И вот он в Духовном мужском училище, в приготовительном классе. Фамилия Пивень ученикам показалась смешной. И новичка стали хором дразнить — "кукурикалы", "кукурикалы".

Немало слез пролил мальчик... Дух его окреп, почувствовал в себе силу и порыв к сочинительству. И вот в тетрадке появились первые стихи (сказка), и на обложке он аккуратно вывел: "Сочинения А. Е. Пивня". Учитель нашел тетрадь, полистал. Подивился. А товарищам только дай — принялись хохотать над ним и дразнить сочинителем. Больше всех старался Кондратов — сорванец с бородавкой на носу. (За что имел прозвище "чертово рыло". А смотрителя училища, господина Месяцева, обладавшего скрипучим голосом, называли "гарбою"). Шалостей у школяров было немало: то через забор училищного сада бросали желудями в проходившую торговку-молочницу, а та поднимала крик, то у мальчика-пирожника кто-то возьмет два пирожка и скроется, не заплатив 3 копейки, то самовольно уйдет кто-нибудь в город к родственникам. А Пивень имел по поведению пятерку! У него был хороший защитник — преподаватель

русского языка В. А. Щербина (брат будущего кубанского историка). Добрейший Василий Андреевич весьма способствовал интеллектуальному развитию своего воспитанника.

Окончив училище, сделал попытку учиться в Ставропольской духовной семинарии. Увы, семейные обстоятельства (вторичная женитьба отца и болезнь) не позволили продолжить образование. А тут подошел срок военной службы. Пивень оказался снова в Екатеринодаре, в писарской команде Кубанского областного правления. Он не оставлял литературных занятий. Написал украинскую пьесу. Его начальник В. В. Скидан прочитал — похвалил. И познакомил с удивительным человеком — этнографом Митрофаном Алексеевичем Дикаревым, приехавшим, по рекомендациям Ф. А. Щербины, из Воронежа и посвятившим изучению Кубани несколько лет жизни. О нем Пивень говорил: лучший из людей, каких когда-либо знал. Благодаря Митрофану Алексеевичу в 1894 году удалось опубликовать в Чернигове (в сборнике Б. Гринченко) "Різдвяні святки в станиці Павлівській" и другие материалы, собранные и обработанные Пивнем. И хотя эта публикация была не первой, радость его была велика. Велика оказалась и скорбь, когда Митрофан Алексеевич скончался от острого нефрита на 45-м году жизни...

Александр познакомился с дочерью чиновника Серафимой Кандиловской, вскоре женился на ней. Супружество было счастливым: жили они в согласии и дружбе, воспитывали трех сыновей и четырех дочерей.

Все годы Пивень собирал песни и поговорки, особенно любил записывать "побрехеньки", брызжущие народным юмором. Люди не унывали, не теряли бодрости духа, несмотря на тяжелые условия жизни, на повальные болезни (то холера, то чума), стихийные бедствия (то буря, то наводнение, то град с куриное яйцо). И Александр Ефимович заражался этим безунывным восприятием бытия.

Еще в 1897 году он встретился со щирым кубанцем Кириллом Трофимовичем Живило, народным учителем и журналистом, часто печатавшим свои корреспонденции в

"Кубанских областных ведомостях". Отзывчивый казак прочитал рукописный сборник с блестящими образцами народного творчества, собранными Пивнем.

И хліб на столі,
Горілочка льється.
Як выпью я чарку-дві —
Всє лыхо мынеться.
Танцювала рыба з раком,
А пэтрушка з пастэрнаком,
А цыбуля з часныком,
А дівчата с казаком.
Ой, Боже мій, мылостывый,
Якый жэ я удався!
Мого батька повісылы,
А я обірвався.

Живило отдуши хохотал, поражаясь точности, емкости и певучести народного слова.

— Нет, слухай сюды. Это надо все обязательно издать книжкой,— сказал Кирил Трофимович.

— Издать? Книжкой? А на какие шиши? — удивился Пивень. — Где деньги взять?

— Через "Ведомости"!

И Живило обратился к любителям фольклора: "Автор пробовал в Екатеринодаре искать средств, коих требуется около 200 рублей, но неудачно. И поэтому "Сбирнык" едва ли когда появится в печати. Не помогут ли люди добрые?"¹ Увы, охотников помочь собирателю народного творчества не нашлось.

Только в мае 1904 года в Одессе вышла первая книжка Пивня, изданная за счет автора. За 3 месяца разошлись все 5 тысяч экземпляров, потребовалось второе издание.

Талантливым кубанским поэтом заинтересовался знаменитый московский издатель Сытин. И выпустил несколько его сборников для народного чтения: "Торбына смиху та мишок реготу". "Сим ким брехеньок" ("Торбына смиху людям на потиху") (Издание 5-е. 1915 г.). Эти сытинские издания являлись не только публичным при-

¹ Кубанские областные ведомости. 1897. № 237. 2 нояб.

знанием ценности творчества Пивня, но и материально помогли многосемейному автору. Народ с удовольствием читал веселые книжки Пивня — и жизнь казалась не такой уж трудной и мрачной, какой она была на самом деле...

Книжки Александра Ефимовича выходили одна за другой то в Москве, то в Харькове, то в Киеве: "Веселая бандура", "Козача розвага", "Веселим людям на втіху", "Козача Рада", сборники казачьих песен, народные сказки для детей. Много стихотворений печатали "Кубанские областные ведомости" и "Кубанский казачий листок". В 1911 году Пивень написал большую сатирическую поэму против пьянства — "Горілка, як та гарна дівка, хоч кого з ума зведе". Написал не по "заданию сверху", а потому что эта страсть к выпивке много добрых людей и семей погубила. "Зеленому змию" поэт посвятил много произведений, и все они читаются с неослабным интересом, так как написаны талантливо, с искренним желанием искоренить среди казаков этот пагубный порок. Опубликовал он и забавную побасенку "Чи кораблі ідять, чи — ні?", насмешившую читающую публику.

На счету у Пивня уже было 27 книжек, которые он, по просьбе батька наказного атамана М. П. Бабыча, собрал вкупе и послал в подарок Войсковому музею в Екатеринодар.

Александр Ефимович был образованным и начитанным автором, ничего общего не имевшим с некоторыми нынешними, которые, почитая себя талантами, больше издали собственных книг, нежели прочитали... С детства очарованный поэзией Пушкина, Пивень делает "переклад" знаменитой "Сказки о рыбаке и рыбке". Общеизвестно, что перевод с одного родственного диалекта на другой — дело почти безнадежное: ведь даже перевод "Заповіта" Тараса Шевченко, выполненный Александром Твардовским, признаться, читать скучно. Украинского кобзаря, чтобы постичь силу его поэтического слова, надо читать только в оригинале. Тем более примечательно, что "переложение Пушкина", сделанное Пивнем, читается с интересом. Столь же успешно им было переведено стихотворение Алексея Кольцова "Урожай", а также написанное собственное "Летний ранок у степу" в

подражание этому блестящему народному поэту. Наряду с заимствованными "кольцовскими образами" тут же соседствуют оригинальные авторские находки. И удивляться здесь нечему: природа обоих поэтов одинакова — их творчество питала полнокровная духовная и трудовая жизнь русского народа во всех его многочисленных разветвлениях...

Не следует думать, что Александр Ефимович занимался лишь собиранием фольклора да изданием своих книг. Жить на гонорары было невозможно. Казак не бросал службу, не уходил в отставку. Станичный сход выбирал его то писарем, то судьей, то атаманом. Нужно было обладать поистине многогранным талантом, чтобы везде и всюду успевать, не завалить важное общественное дело, которое вверяли ему казаки. И Пивень с честью выполнял обязанности, возложенные на него станичным обществом. Зато и авторитет Александра Ефимовича был непререкаем.

Много лет он проработал писарем в станичных правлениях. Незавидной была тогда судьба человека, посвятившего себя канцелярским занятиям: приходилось сидеть за переписыванием деловых бумаг по 18 часов в сутки! А получать — гроши. Ни выходных дней тебе, ни праздников. И неудивительно, что среди писарей наблюдалась большая смертность, которая, конечно, являлась результатом "убийственного труда". Пивень, испытав всю тяжесть писарской работы на собственной шкуре, выступил в защиту этих забытых и неправых тружеников умственного труда — опубликовал статью в "Кубанских областных ведомостях". Он писал: "Современный тип писаря отличается трезвостью и честностью, усердием и исполнительностью своих крайне сложных обязанностей службы, и хотя не имеет, за редким исключением, хорошего образовательного ценза, но может считаться, в большинстве случаев, достаточно интеллигентным и развитым"¹. Характерно, когда мутная волна "освободительного движения" захлестнула Россию, то почти все слои русского общества были поколеблены и в какой-то степени поддались "искушению и соблазнительным наветам красного революционного дьявола" (слова А. Пивня).

¹ Кубанские областные ведомости. 1911. № 96. 4 мая. С. 2.

именно в это мрачное лихолетье одни лишь казацки писари, к чести их, остались тверды в своих убеждениях и верны своему служебному долгу. И Александр Ефимович хлопочет об улучшении их участи. И его усилия не остаются тщетными. Наказный атаман Кубанского казачьего войска М. П. Бабыч, истинный Кошевый Батько, издал циркуляр, который регулировал труд писаря "сообразно с условием современной жизни"¹.

Станичники Ейского отдела знали и любили его, считали своим родным, природным, настоящим казаком! Но, пожалуй, звездный час Пивня настал в 1918 году, после того, как большевики оставили Кубань.

Назначенный участковым начальником Ейского отдела, Александр Ефимович постоянно был в дороге. Он собирал и записывал новые интересные материалы, выступал со своими стихами и рассказами в школах, народных домах, клубах. Где бы он ни оказался, станичники, обожая своего "ридного поэта", — после выступления устраивали овацию, наперебой приглашали к себе за стол отведать кубанского борща, заправленного салом. Около 200 станиц посетил тогда Пивень. И стал поистине всеобщим любимцем — первым народным поэтом Кубани...

Настал ноябрь 1919 года. На фронте большевики брали верх. В марте 20-го Александр Ефимович, будучи в составе чинов управления Екатеринодарского Отдела, вынужден был покинуть родной дом, жену Серафиму и детей. "Я скоро вернусь", — утешал он семью. Находясь вместе с Кубанской Армией в Сочи, он не унывал, надеясь на лучшее, и даже написал поэму "У Сочах" (опубликована в 1922 году в Югославии, в журнале "Казачьи Думы"). Под ударами красных пришлось бежать в Грузию, затем в Крым, где Пивень числился в Кубанском резервном батальоне, базировавшемся в Феодосии до того самого часа, когда был эвакуирован на голодный остров Лемнос. Только в декабре 20-го поэт нашел более спокойное пристанище — в Югославии.

Творчество Пивня не пошло на убыль. Еще с большей пронзительностью писал он о своей нэньке — Кубани. Стихи и проза его печатались в журнале "Вольное казачество". В 1929 году кубанцы-беженцы отметили

¹ Кубанские областные ведомости. 1911. № 73. 2 апр. С. 1.

40-летний юбилей его литературной деятельности. Поднесли цветы, подарки, приветственные адреса. Творчеству его была дана высокая оценка. "Казачеству следует знать и не забывать своих культурных работников и пионеров своего возрождения", — писал о нем И. Билый, автор обширного биографического очерка... В это время казаки, осевшие в Чехословакии, в Праге, объединились в группу "Вольное казачество", ратовавшую за создание на территории России нового, доселе не существовавшего, независимого государства — "Казакию". Эта доктрина-мечта, рожденная в вольнолюбивых, самостийных казачьих душах, поначалу нашла сторонников и последователей. Поддался соблазну и Александр Ефимович Пивень. Посылал в печатный орган самостийников — в журнал "Вольное казачество" — свои новые произведения "Козаки на Кубани", "До булавы трэба головы", "Российський аршин" и др. О вольноказачьем движении, о романтической теории самостийников (в какой-то степени она сродни теории большевизма), чреватой непредсказуемыми последствиями, если взяться за ее осуществление, верно сказал генерал А. Г. Шкуро, отличавшийся здравым смыслом и практической сметкой: "Политические убеждения я все уважаю. Уважаю и движение, начатое Игнатом Билым. Я прочитываю каждый номер "Вольного казачества". Когда я читаю стихи, я плачу; когда читаю "преданье старины глубокой", я восторгаюсь; но когда говорят, что череп донца и кубанца отличается от русского, мне становится страшно. Это могут писать те, кто не занимается физическим трудом"¹. А. Е. Пивень, разобравшись в сущности этой антирусской доктрины "вольнокубанцев", порвал с ними, чистосердечно признавшись в своем "добросовестном заблуждении". О чем он и заявил на страницах журнала "Кавказский казак", издававшегося в Париже. До этого времени самостийники покровительствовали старому поэту и как своему единомышленнику даже оказывали денежную помощь — в знак "вольноказачьей солидарности": в Париже собрали для него по подписному листу 100 франков. А затем сбор средств в пользу поэта был прекращен²...

¹ Вольное казачество. 10 февр. 1932. № 98. С. 23.

² Вольное казачество. 10—25 авг. 1932. № 110—111. С. 37.

Годы проходили унылой чередой, силы убывали, все меньше оставалось надежды на возвращение... "Как там при большевиках живет моя семья? Не выслана ли на Север или в Сибирь по этапу? Боже! Десять лет я ничего не знаю о СВОИХ, что с ними?.." Безрадостные мысли усугубились, когда началась Вторая мировая война. ...А. Е. Пивень пережил все — оккупацию в Югославии и новое бегство — теперь уже в Германию. В уютном, небольшом городе Дармштадте, некогда столице великого герцогства Гессенского, кубанский поэт нашел себе приют в пансионе для престарелых. Здесь, в бедном тихом уголке, и протекали его скромные дни в религиозных раздумьях, в неумемной тоске по утраченной Родине, в неустанных литературных занятиях. Одно утешение — воспоминания о счастливом прошлом, о молодых годах, одна надежда — Господь:

Послав испытанье, Господь ожидает,
Что ты его с верой глубокой снесешь.
И вместо сомнений, и вместо печали
Ты новые силы в душе обретешь.

Последний его поэтический труд — стихотворение "Божественный Закон Любви Христовой"...

Александр Пивень свободно и легко писал на обоих казачьих наречиях, но в силу своего происхождения предпочитал народный говор черноморских казаков. Ветхий плотью, полуслепой, но не сломленный духом, он, девяностолетний старец, продолжал служить своему народу Живым Словом. 7 апреля 1962 года в полном забвении и нищете окончилась жизнь одаренного поэта-самородка.

В родной стороне имя его забыто. Ныне живущее поколение кубанцев даже не слышало о нем — щиром казаке, фольклористе, знатоке черноморской старины.

Но настал светлый час и для Александра Ефимовича Пивня. Возрождающаяся Кубань открывает имена своих сынов, своих радетелей и певцов.

¹ Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо (США). 1968. Т. 2. С. 273.

При жизни своей Александр Ефимович имел две заметных мечты: вернуться в отчий дом и издать свои произведения отдельной книгой. Увы, увидеть Кубань свободной ему не довелось. И осталась неосуществленной вторая его мечта. Наконец приспело время, когда самобытное творчество Пивня, воспитывающее любовь и патриотические чувства к родной земле, может стать всеобщим достоянием, если мы с вами, земляки, издадим сборник этого незаурядного поэта — первого кубанского Кобзаря. И тогда мы насладимся прелестью самородного русского слова:

Чи вы паны, чи вы ляхы,
А мы запорожци:
Пам'ятайте, вражы сыны,
Що мы вам нэ хлопци.

И повторим мы вслух развеселую шутку-скороговорку:
"Наш Карпо располукарпывся на малэньки полукарпэнята".

И ты тут, и я тут,
А хто у нас дома?
А хто у нас порубайце
Солому на дрова?

Каждая строка так и сочится живым, неподдельным смехом. Возблагодарим же Александра Ефимовича Пивня за его усердное собирательство словесных жемчужин, за его веселый добрый писательский дар...

Виталий БАРДАДЫМ

СМИХОВЫНКЫ

Яки на Чорноморіи заробиткы

- Здоров будь!
- Поздоров, Боже!
- А выдкля ты, братэ-землячэ?
- Та я з Чорноморіи.
- Що ж там добрэ жыты?
- Та життя-то дуже гарнэ, так спэрва чысто замучився з роботою, а дали прывык, та й нічого.
- Як? Хиба заробиткы трудни?
- Не так трудни, як чудни! Оце як служыв я пэршый раз у одного хазяина, так пошти робыть нічого, а гроши йдуть, а харч, брат, така, хоч розпэрэжись, та йиж!
- Овва!
- Эге-ж. Оце устанеш вранцы, так зараз тоби забажаецця йисты та й йисты; попопив добрэ, — захотилось люльки, люльки та й люльки; покурыв — то зараз спать та й спать, спать та й спать! Так и промаешся що-дня без работы! Розъйився, був як кабан на сало!
- Так тут жыття!
- Эгэ-ж. Та тильки це тай давниш було, годив з десяток, або й бильше, а тепер, брат, уже нэ тэ стало! Мынудысь наши заробиткы! Колысь нашому братови добри гроши платылы, та й работа була абы яка, а тепер косилки та молотилки усю роботу одбылы и багацко нашего брата походэ-походэ, та з тым без работы й додому пидэ.

Козаки в лагерях

Що году, у май мисяци, збираються наши жвави козаки-чорноморци з усих окружных станыць Ейського оддиду, пид станыцею Уманською, у лагери. Цилый мисяц там бувають стройови занятія, стрельбыще з ружжив, йизда на конях та джигитовка. Чого тильки нэ виробляють там козаки на своих конях, чому тильки нэ учаться, аж дывыться страшно, як начнуть вироблять джигитовку, та иншэ, — так начэ на войны; одначе як дадуть козакам свободу та отдых, так нэма вэселишого мисця, як у лагэрях! Спивы, музыка та рэготы так и стоять над лагэрным мистом, начэ у ярмарку, або на вэлыкому весилли! Найбільш усього люблять козаки жартувать одын з одного, або станыця над станыцэю. Чого тильки нэ выдумують, чого не выгадують! Слова так и сыпляться горохом, а од смиху та от рэготу аж стэп гудэ скриз навкругы лагэри; а як вэчором тихим, так луна так и котыться по-над Сасыком-ричкою!

Одного дня, уже над-вечир, скинчылы козаки свое ученья, а ден був ясный та теплый, так як и скризь буває в май мисяци. Хоч козаки и дужэ поморылысь, а бач нэ бросають своей козацькою вдачи, бо зараз скризь пишлы по лагэрях спивы та рэготы.

— Катэрынивци! Эй, катэрынивци! Ловить, ловить! Ось матка ваша полетела! — крычав одын високий, рудый козак из шостои сотни, зобачывшы, як по лагэрю полетив здоровый жук. Сонэчко там тильки зайшло, то жуки и зачалы литать по лагэрю.

— Яка ж то матка? То ж жук! — отозвався одын молодой козак из прыготовительных, що ище пэрвый раз був у лагэрях.

— Дурный ты! По-нашему — жук, а по йихньому — матка! Воны за мисто матки до бжил колысь жука пиймалы, так тепер йих так и дражнять.

— Эй, катэрынивци! Не зивайтэ! Ось и друга полетела! Це така, що сама без бжил мэду наносыть!

Зараз пидхватылы ти слова други козаки и пишлы жартувать з козакив Катэрынивської станыци. Рэгот пиднявся такой, що аж кони попиднималы головы и

понасторбучувалы уши. Не втерпили и катэрынивци з такога посьмиху, та зараз узялысь за крайних уманцив.

— Чого рэгочете, бисовы души, наче жеребци! Тоже розумни обизвалысь! Комышем церкву укrywалы, та отамана огиркамы навкыдя выбиралы! Розумни, ничего казать, бесурськи люды! Вы б уперед з свого дурного толку сміялысь, а не з нас!

— Молодци, катэрынивци! Хоч я за вас заступлюсь. Так йих, так! Допикайтэ до жывого мяса! — крычав кущивский козак.

— А вы теж мовчить, лелешныки! — огрызнувсь до кущивцив уманський козак. — Вам тильки лелек быть на церкви, собачи сыны, бильш вы ни на що не прыгодни!

— Та брешеш, то не мы лелек былы, а мабуць вы, на своей комышаний церкви, як молоду церкву укrywалы!

— Ни, брат, не одвертайся! Усим звисно, що вы лелешныки! Та й по всьому выдно, що вы розумни люды! Вас он и кислякивци обколпачилы! Набылы яловий корови вымня халявою та й продалы вам за тильну! Ха-ха-ха!

Од рэготу аж земля гула и козаки сталы збиратьця из разных кинцив лагэря до кучи, щоб охотниш було поглузовать з других, та посмিয়াься и пожартувать як слид. Зибрався велький круг козакив, а посэрэдыни поставалы сами зубати та гостри козаки из разных станыц, що зналы разни прыказки та пидбрэхеньки и таки, що за словом у карман не полизуть.

— Що правда, то правда, никуды гриха дивать! А чы добре ж з яловой коровы молоко? — обизвався шкурунський козак.

— Чия б гарчала, а твоя б мовчала! Уже як ваши шкурунци розумни, так и казать никуды!

— Уже ж розумни! Нэ таки, як кущивци!

— А холеру як вы из станыци выганялы? Забулы?

— Нияк нэ выганялы! У нас йийи нэ було!

— Та брэшэш! У вас як була холера у станыци, так чорна корова пид мистком загрузла, а ваши шкурунци подумалы, що то сама холера, та й давай йийи дрючкамы быть! Так и вбылы сердешну корову до смерти, замисць того, щоб вытягты! Ха-ха-ха! От розумни!

Уси козаки покотылысь зо смиху, аж за жывоты побралысь.

— От так шкурынци! От так молодци! Ураз выгналы холеру из станыци!

Наибильш усих рэготав тоненькым голоском невеличкий козачок Крыловской станыци. На його й напавсь шкурынский козак.

— Чого оце смиетьця, крыливске кичкенья!

— Чого! Уже ж нэ чого, як з вашого розуму!

— А то, небийсь, ваши крыливци розумни?

— Розумниши за шкурынцев!

— Брэшэш, сукуной собаки недоросток! Чым ваши крыливци розумни? Хиба тым, що замість архырея та цыгана стричалы, ще й в уси дзвоны дзвонилы! Уже ж и розумни!

— Цэ дило давно було, а може, й вовси нэ було! А вы, бач, недавно корову вбылы замісто холеры!

— Мовчи лыш, покы нэ бытый!

— Ты-ба! Чого б же я мовчав? Думаешь, тэбэ злякався? Я, брат, нэ холера, мэнэ дрючком нэ вбьеш!

— Не руш його! А то укусьть! Бач, яким вин на тэбэ оскилком дывыться, — крычалы други козаки, а найбільше незамайивський козак.

— А ты чого выскочив з своим розумом! Аже ж то у вашый Незамайивський станыци сучка вбылась из дзвинеци! Ха-ха-ха!

Тут знову уси козаки покотылысь зо смиху. Особливо, дужче усих, выгукував, так як у пусту бочку, здоровый та товстый козарлюга из Старолеушковской станыци, узявшысь обома рукамы у боки!

— От... так... штука! Ха-ха-ха! Яка воно там... и дзвинеця... Ха-ха-ха!

— Чого оцей пузан гогоче, наче обчеський бугай! Гаразд, що пузо здоровэ, так ты оце заходывьсь, щоб уси поглухлы! — огрызнувсь незамайивський козак.

— А тэбэ завыдки бэруть, що засмиятьця ничим? У мэнэ, брат, хоч робыть, хоч йисты, хочь смиятьця, так есть у що! А ты куды годышься? А ще кажеш, що ты козак!

— Бач, який богатыр вышукався! У тэбэ должно и розуму богато, бо голова здорова!

— Я, брат, настоящий розумный и есть, бо и прозвыще мое, або хвамылия — Розумный.

— Увва! Выдкиль ты взявся? Чы богато ж у Старолеушкивский станыци Розумных?

— Та, може, з десяток наберетьця! А тоби нащо? Чы, може, думаешь поэчыть для своей станыци, щоб розумных завэсты?

— У нас своих хватыть! Та, по правди сказать, такой, як ты, годывся б на завод! Ха-ха-ха!

Ище довго б козаки рэготалысь, так уже пора було пойти конэй та одгонять у табун, а козакам спать лягать, бо завтра упьять рань побудять, та упьять начнэться такой дэнь, як и сьогондя. Уже сонцэ зайшло и зоря потухла, а мисяц стояв серпом на нэби та зтыха освичував землю. Скоро розийшылысь козаки, кажный у свою сотню, повечерялы та й спать полягаль. Стало тыхо у лагэри, так як у стэпу тильки витэрок шэлэстив травую, та здалека у табуни ржалы козацьки кони.

Ст. Павловская.

Як козаки пьют горилку

Як пьют козаки по якому случаю горилку, так сперва дуже багато приказують до первых чарок.

— Будьмо здоровеньки! Счасты нам, Боже! Дай, Господи, щоб и тэ було гаразд, и тэ добрэ! Та пошлы, Боже, цэй праздык проводить та й другого диждать! Та нэхай лэгэнько згадаетьця усим нашим родычам!..

А дали, як ужэ трошки пидопьют, так уже нэ так багато приказують, а тильки кажуть:

— Будьтэ здорови! Кушайтэ на здоровья!

А ище дали, як бильш пидопьют, так визьме кажный чарку в руки, та скаже тильки: "Будьмо!" — та кивнэ головою, та й пьют.

А як ужэ добрэ уси выпьют, так тоди и "будьмо" не кажуть, а поберуть чарки в руки, та кивнэ кажный головою, та тильки скаже: "Ну!" — та й пьют.

А пры кинци, як зроблять уси дуже пьяни, так ужэ ничего не кажуть, а тильки кывають головами один одному та й смокчуть горилочку потрошку.

Хытра розмова

Жыв соби колысь у нашый станыци один козак, звалы його Омелько Зубань. Невельчкого вин був росту, трошкы горбатый, дуже головатый, на одно око слипый, на одну ногу кривый, та ще до того и волосся на голови було рыже-рыже, аж краснэ, наче вогнем горило, а морда уся була ластовынным обсыпана.

Незавыдний був чоловичок оцэй Омелько своею прыродою, так затэ надильв його Бог вельким розумом та хытрою розмовою, и кажный у станыци боявся зачипать його, бо трудно було упосли одчепыться — одбрые лучше всякой бритвы! Недаром и прозвыщэ йому попалось — Зубань: зубатыще за його на словах та на речах нэ було никого у станыци.

Одного разу йихав Омелько Зубань возом из стэпу додому, а дорога була вузенька та ще й з обох боков мерзла рилля. Колы це дорогою наганяе його якийсь пройизжый купець та й крычыть:

— Эй, ты, хохол! Звэртай с дороги!

А Омелько кажэ:

— Та цэ виз, а нэ дроги.

— Я говорю тебе: звэртай!

— А як нэ знаеш так спытай!

Йидуть дали дорогою; купцэви на риллю звертатъ не хочетьця, а Омелькови й подавно. Пройихалы балочку, пиднялысь на кряж, колы тут зараз выглянув панський хугир, увесь у садку, водяный млын и став, а дали уже выдно було и станыцю. От пройизжый и пытае:

— Эй, слушай! Это село или деревня?

— Яки деревья? Тут у пана усякого дерева багато: есть дубки, ясенкы, яблони й вышенькы, а вербы та тополи стильки, що й за день не пощытаеш!

— Я не об том спрашиваю! А чья это гребля?

— Чий став, того й гребля!

— А чья мельница?

— Хто засыпав, того й мелэтыця.

— А глубоко в ставу вода?

— До самисинького дна.

— А чоловик может утонуть?

— Хочь и купця, так греци визьмутъ!

Пройихалы ище трохи мовчкы; от купец опьять пытае Омелька:

— Сэло это или станыця?

— Насиялы всього; ячминь есть и пшеныця.

— Ты мне скажи: хто тут над вамы старший или хто у вас пан?

— Хто надив добрый жупан, то той и пан.

— Слухай, мужичок!

— А може й козачок!

— Ты не глухой?

— Глухой, не глухой, а зроду такой!

— А ты меня слышишь?

— Та трохи недобачаю! А чого вам трэба?

— Да мне нужно знать, хто тут у вас самый главный, хто старший всех?

— Старший всих? Э, так цэ вам трэба пройихать аж на той край станыци: там живе баба Перепелычка, нэ мала и нэ вельчка; старишэ тиейи бабы вы никого в станыци нэ найдэтэ; там така стара, така стара, що так од витру и падае!

— Я не о том спрашиваю. Ты мне скажи, хто у вас в станице выще всих?

— Выще всих? Так бы вы й зразу пытали! Выще всих у нас у станыци Куковелова жинка, Пыстына! Там така здорова, чортяча баба, що як увийдэ у церкву, так на цилисиньку голову выще усих людэй.

— Ах, да на кой мне черт твои бабы! Ты мне скажи, кого вы бильше всех боитесь?

— Нэ розбэру, чого вам трэба! Вы колы хочэтэ пытатъ, так пытайтэ, а лаятьця ничего! Кого бойимось? Щоб же и раньшэ так спытатъ! Мы бойимось у станыци наибильше поповых собак та обчественного бугая: у нас бугай здоровый-прездоровый, рудый та страшный; а як идэ из череды та заревэ, так и старэ, и малэ ховаетьця од його.

— Ах ты, бестолковый! Ну, скажи, кто тут вами управляет, кто вашу станыцю держыть?

— Хто ж там йийи держыть! Вона сама держытьця! Двир за двир зачепывсь, город до города прыгородывсь та так уси укупи и держатсья!

— Да что ты глухой или дурак? Много тут вас живет таких дураков?

— Бурякив? Та бурякив торик у мэнэ чы мало уродыло;

жинка вельку дижку для сэбэ наскребла, а що осталось, на базари продав.

— Прочь с дороги! Я то я как встану, так в рожу тебе заеду!

— Зайидьтэ, зайидьтэ, мылости прошу! У мэнэ самэ жинка снідаты наварыла, то й вас нагодуем.

Тут купец уже добрэ розибрав, що Омелько з його тильки глузуюе, а звертаты з дороги и нэ думае, та звернув сам у риллю, опередыв його и подався у станыцю.

Отакый-то був Омелько Зубань! Як визьме було кого на зубы, так тильки держысь!

Як солдат за обидом командував

Розсказують люды, що колысь давно, як була война з турком, розставляють було салдатив по квартырях. Як вельке село, або станыця, так на одного солдата назначають було по дви або й по тры хаты; у одний вин кватырюе, а ище з двох йому бабы обид та вечерюносять. Попрыносять оцэ бабы салдатови страву, та й ждуть, помы вин найистьця, щоб посуду забраты; одна баба наварэ та прынэсэ борщу, друга — вареныкив та пырижквив, а третя прынэсэ варену або пэчену курку.

Сыдыть солдат за столом, як пан який, роскошуюе; а як який, так ще зачнэ жартуваты, та заходытьця коло стравы командуваты:

— Вареныки-пырогы слева, справа заходи! Ты, курица, подайсь вперед, а ты, борщ, назад осади!

(Из рассказа С. Шутько).

Чы курыш, то й куры

— Дай мени покурыть!

— А ты ж курыш?

— Курю.

— Ну й куры.

- Та в мэнэ табаку нэма! Дай мени на цыгарку!
- Та хйба ты курыш!
- Курю.
- Ну й куры!
- Та що ты за чоловик? Ны-вже тоби на цыгарку табаку жалко?
- Та чога там жалко! Я тильки, бач, пытаю тэбэ, чы ты курыш?
- Та я ж тоби казав, що курю!
- Ну й куры!

Звукоподражание:

п т ы ч к а к о м ы ш а н к а :

- Карась, карась, лынь, лынь, лынь!
- Скребу, скребу, йим, йим, йим!

п т ы ч к а д е р к а ч :

- Дыр-дыр, деркач.
- Загубыв товкач.
- Та в крык, та в плач,
- Оддай товкач.

ж а б ы в б о л о т и :

- Чии цэ вентери? Чии це вентери?
- Мы-ки-та поставыв! Мы-ки-та поставыв!
- Нэ руш! Нэ руш!
- Мырошныку-ку-ку-ку, дай мэни муки-ки-ки-ки, а я тоби рака-ка-ка-ка!

Ст. Шкуринская.

Мирон Пивень.

Д Р И Б Ь Я З О К

- Здорова, Гапко.
- Огирки полю.
- Помогай тобі Боже!
- Сами пупьянки — йисты не гожи!

* * *

- Чы ты будэш говить?
- Ни.
- Чого?
- Торик сусид говив!

* * *

Так нас не пускалы — до хаты... так прыймалы, так прыймалы — усэ з стола... так мы посыдили на покути — знадвору, та й додому пишлы.

* * *

- Чумаче, де твои гроши?
- То в вози, то в перевози!

* * *

- Будэш робыть?
- Ху!
- А йисты хочеш?
- Эге.
- А женьтыця думаеш?
- Ого!
- А сорочка йе?
- М-м-м.

* * *

Зайшлы у одного чоловика пид Велькдень волы; шукав вин йих на Велькдень увесь день, найшов аж увечери, женэ додому та й каже:

— Соб, сири, бодай вы выдохлы! Через вас, чортив, я ще й доси паски не йив!

* * *

Казав цыган, лежачи пид шатром у литню спеку:

— Добре тому косареви, гарнэ його дило! Сам косэ и витэр коло себе ганяе — йому и нэ жарко!

* * *

— Тпру, волы! Давай, жинко, гроши щытать! Кажы зараз ты, куда гроши потратыла?

— Ты куда ж, хйба ты нэ знаешь? Копу на силь, копу за силь, та за копу соли купыла, от и гроши уси! А ты ж, старый, на що потратыв?

— Та й я ж так: сюды-туды — руб, сяка-така — два, за копу теля, та копу з сватом пропылы!

* * *

— На вареныка, та помьяны чоловика Каленыка.

— Бодай чорты твого батька з Каленыком, попик руки вареныком!

— Чи ты уже снідав?

— Ни, ще не снідав.

— Чом?

— Та ходыв додому, а снідать було ничего, так я зйив окраец хлиба, да дви паляныци, та ото й и усэ! Так и ходю й доси не снідавши.

* * *

Цыганка казала: "Захотилось моему диточку перед смертью тричи люлечки пыхнуть, — я роскурила й подала. Вин тричи люлечки пыхнув, тяжко-важко дыхнув и душу Боженьку оддав! Як прылетили аж тры янголы — таки били, як угиля. Як схватылы його душечку та й потаскалы у мойих глазах прямо в небеса".

* * *

— Гуляйте!

— Гулялы б, так хлиба не бралы; а вы б далы, так у вас диты мали.

* * *

— Дэ живешь, кулыче?

— В болоти!

— Там же погано!

— Я прывык, так гарно!

* * *

— Скильки нажалы кип?

— Пивтора-тора, стільки, як и вчора.

Як диждем лита, та нажнэм жита, поставым у копы, та вдарым у гопы.

* * *

Ворона литом хоч що и добрэ запопадэ, так усэ крычыть:

“Гайно! Гайно!”

А зимою, як поживитьця ничим, то хочь и абы що попадэ, хоч кизяк мерзлый, так усэ крычыть:

— Ха-арч! Ха-арч!

А сорока стрыба коло неи, та усэ пытае:

— Чы кыслэ? Чы кыслэ?

* * *

— Як соби маэтэ?

— Посэрэдыни: як учора, так и ныни.

* * *

Табака гарна, терла жинка Ганна; стара маты вчыла ййии мняты; дочки ростыралы, у рижки насыпалы.

* * *

Як був соби Сава, та не йив сала, та усэ паляныци; не любыв дивок замышливок, а усэ молодыци.

* * *

- Здоров, Онисько!
- Велькдень блызько! Конопли не терти и диты обдерти!

* * *

На жлукто спотыкнулась, на корыто впала; вышла замиж за пьяныцю — на вики пропала!

* * *

- Будь здоровенька, кума!
- На базари була.
- С праздныком поздоровляю!
- Головку купыла.
- Чы ты, кума, глуха?
- Та булы й вуха, та ризнык одризав.

* * *

- Це твоя кобыла?
- Моя.
- Що, продаеш?
- Продаю. Тут як кобыла добра! День бижыть, тры дни лежыть, ричку перескочыть, хвоста не замочыть! Ось загляньтэ в вичи, або в зубы подывитьця, так и там побачытэ, що добряча кобыла!

* * *

Блажен муж, до школы не дуж, до церкви слызько, до дивчат блызько!

* * *

- Чы не бачив вола?
- Якого?
- Рябого.
- Эге, побиг рябою дорожкойо!

* * *

- Чы ты найшла, бабо, гроши?
- Найшла.
- Колы ж ты найшла?
- Як замиж ишла... в Страшну пятныцю, як и тепер
знаю... на двори хвыжа та хурія, а я сыдила на кровати,
а капуста у печи: то-ро-ро, то-ро-ро... тоди я й гроши
найшла.

* * *

Дере коза лозу, а вовк — козу, а вовка — мужык, а
мужыка — пан, а пана — юрыста, а юрысту — чортив
трыста!

* * *

- Глянь та подывысь!
- Плюнь, та й одступысь!

* * *

- До чаркы прыказують:
- Як тэбэ звать?
  - Оковыта.
  - А з чого ты?
  - З жыта.
  - А виткиля ты?
  - З неба!
  - А куда ты?
  - Куда трэба!
  - А билет у тэбэ йе?
  - Нэма.
  - Так от тоби й тюрма!
- Перекидае у рот та й пье.

* * *

Колы б тому такой вик довгий, як у мэнэ чоловик добрый:
вин мэнэ не бье и не лае, та ничего й нэ дбае!

* * *

То чудо, кумэ, а нэ раки: одного рака повна торба,
ще й клэшня насыть!

* * *

- Здорово, Грыню!
- Копаю глыну.
- Дурный ты, Грыню!
- Станэ на всю зыму!

* * *

Труситься, рубци, дывиться, молодци: як робымо, так
и ходымо, як дбаемо, так и маемо!

* * *

- Чом за його не йдеш?
- Стыдко да брыдко: Яремою зветьця!

* * *

Эй, мыряне, люды добри! Шевци, кравци, ковали,
чорнотропы, козаки-добродіи! Сходьтэсь до кучи, сядем
на колоды, поговорым на прыгоди, табаки понюхаем,
люльок покурым та рады послухаем!

* * *

Ой, йихав я сэред моря драбынастым возом; оглянувся
перед себэ: повна люлька ракив!

* * *

Дарма верба, що груш нема — нехай и нэ родять; не
бувають у нас гости — нехай и нэ ходять!

ПРЫКАЗКЫ КОЗАЦЬКИ

Козак не гордуе, що попав, тэ й мордуе.
Опизныўся, козак, так будэш і так!
Козакови нэ багато треба: соли дрибок, хлиба шматок
та горилки чарка.

Козацька душа найісьця і з ковша.
Хлеб, сіль та вода — то козацька йіда!
Знае об тим Головатый Антип: він нам голова, він
наш і батько — він нам поголыў головы гладко!

Козак не бойіться ні тучи ні грому.

Стэп та воля — козацька доля.

Колы козак в полі, то він і на воли.

Козак — душа правдывая, сорочки нэ мае: колы нэ
пье, так нужу бье, а всэ нэ гуля.

Козацькому роду нэма переводу.

Добры козак баче, де отаман скаче.

Козак з бидою, як рыба з водою.

Місяц — козацьке сонце.

Козаки, як мали диты: хочь багато — пойідяць, хочь
трохы — найідяцьця.

Козак, як голуб: куда нэ прылэтыць, там і прыстанэ.

Умер козак та й лэжить, та й нікому затужыць.

Звання козаче, а жыття собаче.

Зовсім козак, та чуб нэ так.

Не за тэ козака бьют, що крадэ, а за тэ, щоб умив
кінці ховать.

Як бы хлеб та одежа, йив бы козак лежа.

Тэрпы, козак, горе — будэш пыць мэд.

Тэрпы, козак, — атаманом будэш.

Той и нэ козак, хто нэ думае быть атаманом.

Козак козака баче здалэка.

И ты — козак, и я — козак, та обыдва й козаки; и

ты — дурак, и я — дурак, та обыдва й дураки!

Не той козак, що поборов, а той, що вывернувсь.

Бог нэ бэз мылости, козак нэ бэз счастья.

Козак нэ бэз доли, рыба нэ бэз лускы, Бог нэ бэз

мылування, а царь нэ бэз жалування.

Як куц розивьетьця, той й козак розживьетьця.

Забажалось козаку зэлэного часныку.

Не на тэ козак пье, що е, а на тэ, що будэ.

По-козацкому хоч украв, так кажи, що добув.

Не пыв воды Кубанськой, не йив каши казацькой.

ПРЫКАЗКЫ НА ПРЫКЛАД ДО ИМЕН

Мыхайло-бурхайло вивци пасэ, Орышка-безкишка
йисты нэсэ.

Зибрав Бог пару — Карпа та Варвару.

Не втнэ Панько Орышкы: нэ мае кебеты ни тришкы!

Ишов Мартын з хрестын, та й застряв головою у
тын, а рукамы у ворота, — жинка його криворота!

Была Хима Явдокима по чэреву дныщем!

Ишов Лаврин та впав у рив, летила ворона та встала
Лаврона.

Иван-болван, Сэмэн-бусурмэн и Калэнык-варенык
напьялы соби куренык.

Сьорбай, Мартынэ, маты ще пидкинэ.

Жидивочка Рохля пид прыпичком здохла.

Йиж, Хведьку, хочь хрин, хочь редьку.

Казав чорт: Кузьму соби визьму — та й доси не бэрэ.

Засмийся, Матвийку, дам копийку.

Зарегочысь, Терешку, дам денежку.

На Тэтяну поговир, що Тэтяна вмэрла — вона лежыть
на пичи, ще й ногы задерла.

Кресав Деныс, та й на гилли повыс!

Гарасым, що по кобыли голосыв.

Не вмэр, Даныло, болячка задавила.

Зибралось два Юрьи, та обыдва й дурни.

Лука иззив жука, та й ще шука.

Божжевильный Марку! Ходыш по ярмарку: ни купуеш,
ни торгуеш, тильки робыш сварку!

Кырыло, набый мени барыло.

Киндрат — свыни брат, кобыли — дядько, а
собацц — сват.

Ныкон, що по хати ныкав.

Мыкыто, чы ты-то?

Наумэ, Наумэ! Дурный твий умэ!

Опанас, свыни пас.

Пылып до стины прылып.

Тымошу, убый вошу!

Здоров, Яковэ! Свыня тоби дякуе, а кабан лае,
що помый не мае.

Про мэнэ, Семэнэ, а я Иван.

Казав Деныс: матери твий бис!

Ловыся, рыбка, вэлыка й малэнька; бэры, чортэ, Уласа
й Омэлька.

Прылып, як до Гандзи Пылып!

Нэ для Грыця паляныця!

Наробыв Хома, що и дома нэма.

З нашого Захарька ни Богу свичкы, ни чорту огарка!

Купыла Олэна сережки зелени: як удила у вуха, —
славна була дивуха!

Не твое дило, Самийло, — про тэ Гапка зна!

Хапай, Пэтрэ, поky тэплэ!

Наша Парася на всэ здалася: и у панстви панувать,
и як лыхо горювать.

Якый Сава, така й слава.

Стий, Векло, щэ нэ смеркло.

Помалу, Терешко, Хиврю утопыш!

На, тоби, Даныло, що мэни не мыло.

Ты мэни нэ Тытяна, а я тоби не Савка!

— Свиты, Гапко, дав Бог тэлятко!

— Пиды, Денысэ, подывысь, чы лысэ?

Пишов Деныс — собаку в хату внис.

ПРЫСПИВЫ ДО КОЗАЧКА

Як пішла я у танэць, у танэць,
А зо мною козаченько молодэць;
А я йому на биду, на биду,
Бривонькамы повэду, повэду!
— Ой, дивчино, нэ у гнів, нэ у гнів,
Не боюсь я твоіх брив, твоіх брив!
— Не круты-лыш, козаченьку, ты свій ус,
Бо я тэбэ нэ боюсь, нэ боюсь.

* * *

Ой, гоп, нэ помалу:
Я пошыла кохту з валу;
Як пошыла, то й надила,
Кажуть люды, що до дила!

* * *

Ишла баба гомонуха,
Гаман загубыла;
А я йшов та найшов —
Мэнэ маты была.
— На що тоби, мій сыночку,
Цей гаман издався?
— На табаку, на тютюн,
Щоб не розсыпався!

* * *

Як бы такы, або так, або сяк!
Як бы такы Чорноморський козак!
Як бы такы молодый, молодый,
Щоб по хати поводыв, поводыв.
Страх мени не хочеться
З старым дидом морочиться!

* * *

Прыстань, прыстань до вербунки,
Будеш йисты з маслом булкі;
Будеш йисты, будеш пыты,
Довбешкою воши быты!

* * *

Нутэ, хлопци, нутэ вси,
Нутэ — погуляйтэ!
Одни скачтэ, други плачтэ,
А трети спивайтэ!

* * *

Очерет — осока,
Чорни бровы в козака!
На тэ маты и вродыла,
Щоб дивчынонька любыла.
Козаченьку, черноусый,
Чого в тэбэ жупан куцый?
Вражи кравци невгодылы
Та жупана вкоротылы!

* * *

Танцовала рыба з раком,
А петрушка з пастэрнаком,
А цыбуля з чосныком,
А дивчына з козаком.
Ой, дивчына дывується,
Як хороше танцюється!

* * *

По дорози жук, жук,
По дорози чорный!
Подывыся, дивчынонько,
Якый я моторный!
Якый я моторный
И в кого я вдався!
Хиба дасы копу грошей,
Щоб поженыхався!
По дорози галка,
По дорози чорна, —

Подивыся, козаченьку,
Яка я моторна!
Яка я моторна,
Гнучка, чорнобрыва, —
Як побачыш, аж заплачэш,
Що я вэрэдыва!

* * *

Запряжу я бугая:
Куда люды, туда й я.
Запряжу я другого —
Сидай, жинко, нэбого!

* * *

Ой, нэ стий пид викном,
Не махай рукавом,
Як я матыму час,
Сама выйду до вас.
Ой, не стий пид двэрыма.
Моя маты — Марына,
По надвирью ночуе,
Усю правду почуе.

* * *

Ой, дивчына-горльця
До козака горнетця,
А козак, як орел,
Як побачыв, так и вмер.
Як бы мени зранку
Горилочки склянку,
И тютюн та люльку,
Дивчыну Ганнульку.
Горилочку б пыв, пыв,
А люлечку б я курыв,
А дивчыну Ганнулечку
До серденька б все тулив.

* * *

Якый бис чоловик,
Така в його й жинка!
Намочыла штаны в ричци
Ище с понедилка.

* * *

Чоловика нэма дома,
Тепер мэни своя воля.
А я цип продала,
Та музыкы наняла.
Музыканты мои,
Вы заграйтэ мэни.
Бо я в свити сырота
Вэсэлого жывота!

* * *

И жыв — не любыла,
И вмэр — нэ тужила!
Тоди трошки потужыла,
Як на лавци положила.
А як в яму опустыла,
И журба тоди простыла.
Засыпала, закопала,
Ниженькамы прытоптала.
Ниженькамы туп, туп:
Лежы, старый, тут, тут,
А я, молоденька,
Гуляты радэнька.

* * *

Жар, маты, капусточку,
Жар мэни бурякив!
Ой, жаль мэни покыдаты
Чорноморськых козакив!
Пусты ж мэнэ, моя маты,
На вульцю погуляты,
На вульцю погуляты,
Колы хочеш зятя маты!

* * *

Ой, с пид хмызу на пич лизу,
Аж по хати луна йде!
А хто ж мэнэ вирно любыть,
Той и на пичи найдэ.

* * *

Хотив Грыцько оженытыця,
Та що йому з того?
Бо нэ стае дэсяць грошей
До пив-золотога!

* * *

В кого чорный усок,
Тому й рыбы кусок;
В кого рыжа борода,
Тому й юшкы шкода.

* * *

Оженився нависный,
Та взяв бисновату,
Та нэ зналы, що робыць,
Запалылы хату!

* * *

Оженися, нэ журыся —
Пидэ тоби рукою:
Жинка пидэ за борщом,
А ты за мукою!

* * *

Ой, нэ ходы по полю,
И нэ топчы куколю,
Та нэ лупай очима, —
Я нэ твоя дивчына!

* * *

Ой, сусиды и сусидкы,
Нэ бачилы мойй жинкы?
В мэнэ жинка знакомыта,
Пидтыкана сзаду свыта,
На нижечку налягае,
Ще й на плечах горбык мае!

* * *

За всэ гаразд, за всэ добрэ,
Що жинка малэнька:
Хочь полаю, хочь побью,
Та всэ вэсэлэнька!

* * *

Ой, Грыцю, Грыцю, Грыцю,
Нэ вдавайся в дурныцю!
Бо дурныця тэбэ здрадыць,
Що й горилка нэ порадыць!

* * *

Оттак ище нэ було:
Пропыла я помэло!
А як повэрнусь по хати,
Так беда будэ й лопати!

* * *

Ой, мамо, хочу йисты,
Та боюся в погриб лизты;
Та боюся, щоб нэ впала,
Щоб капуста не пропала!

* * *

Казав Хома: душа моя,
Дэ ты забарылась?
У собачому хвосту
Та в ковтун забылась!

* * *

Чого сыдыш — надулася;
Чом в чоботы нэ вбулася;
Сюда-туда попид лавы:
Нэма чобит, лыш халявы!

* * *

Оттак чыны, як я чыню,
Любы дочку абы чию:
Хоч попову, хоч дякову,
Хоч хорошу мужыкову!

* * *

Як гуляв, так гуляв —
Ни чобит, ни халяв!
Покры додому дийшов;
То й пидошов нэ найшов!

* * *

Ты пьеш, мэнэ бьеш,
Сам нэ знаеш за що;
Ходимо мы до попа,
Котре з нас лэдащо.

* * *

Ой, я свого чоловика
Нарядыла паном:
Сорочечка по колина,
Пидвязана валом.

* * *

Опанас воны пас,
А дивчына бычки;
Пострывай, не тикай —
Куплю черевычки!

* * *

Ой, там на долини
Жуку бабу повалылы,
И сорочку знялы,
Прочуханкы далы!

* * *

Ишла баба дубнячком,
Зачепылась гапльычком:
Сюды смык, туды смык —
Одчепыся, мий гапльык!

* * *

Я робыты добре вмию,
Як пич топлю, руки грию;
Руки грию, плечи парю,
Нэ лизь, Грыцю, а то вдарю!

* * *

Ой, чук, побэрэмся,
Будэм пануваты!
Ой, ты будэшь свынэй пасты,
А я заганяты!

* * *

Ой, жаль шевця,
Та нэ вернэться:
Набрав пишошов
Тай к чорту пишов!

* * *

Ой, ты ткач ныткоплут,
А я бондаривна;
Пиды геть, одчепысь,
Я тоби нэ ривня!

* * *

Катэрына та Демьян
Посварылысь за бурьян:
Катэрына Демьяну
Нэ попустыть бурьяну!

* * *

Штаны мои, шаравары,
Та ще й дома двое:
Уси нови, уси гарни,
Порвани вси трое!

* * *

Пишов бы я танцюваты,
Так чоботы пранцювати,
А батькови луччи,
Погубыв онучи.

* * *

Продай, мамо, дви коровы,
Купы мэни чорни бровы,
На колодци стояты
Та на хлопщив моргаты!

* * *

Злетив ведмидь на сидало,
Крыкнув: ку-ку-ри-ку!
Не поқыдай мэна, мыла,
Од ныни й до вику.

***
И ты тут, и я тут,
А хто у нас дома?
А хто у нас порубае
Солому на дрова?

***
Гоп, гоп, недоскоку,
Десь чортяка прычепывсь,
Влюбывся я в чернооку,
И сам ледащым зробывсь!

***
Ой, ты, руда, иды сюда,
А ты, чорна, постий там;
Я з рудою поговорю,
А до тэбэ прыйду сам.

***
Ой, чук, зажурывся,
Що на малий оженьвися.
Нэ журыся, мий Овдию,
Пидросту я за нэдилю.

***
На городи ростэ лына,
Чорни бровы у Пыльпа,
А я свои в сажу вмажу —
Пыльпови переважу.

***
Гоп, чук, баранчук,
На городи гычка;
Любить мэнэ, панычи,
Що я нэвелычка!

ДРИБЬЯЗОК

- Шо цэ у тэбэ, дочко, болячка, чы-що?
- Ни, мамо: йихала яка-сь роззява та оглобляю мени в рот.

* * *

- Грыцько!
- Чого!
- Шо я у тэбэ спытаю?
- А што?
- Чы нэ знаеш, чого люды буваюць то биявы, то чорнявы?
- Як нэ знать, знаю!
- А чого?
- От дурный! Уже-ж нэ чого, як того. Шо одни родятыця у день, а други в ночи.
- Це-б то днем били, а ноччу чорни?
- Та вже-ж нэ як!
- А й справди, мабуть, так! Ну, а рыжи колы?
- Рыжи?
- Эге!
- Рыжи — те-ж у дэнь, тильки тоди, як дуже жарко.

(Сообщил Н. Костенко).

* * *

- Шо ты йисы?
- Печинку.
- Дай же й мени.
- Эге, уже всю ззив, сама кистка зосталась!

* * *

— Передав кути мэду? Теперь сучого сына диты нэ йистымуть!

* * *

— Чы нэ гаспыдськи диты! Так зноровылы кобылу, що й по голови нэ влучыш!

* * *

— Нэ купыв батько шапки, чорт його беры, нэхай уши мэрзнуть!

* * *

— Що, батько хворае?

— Хворае.

— Дуже?

— Ни, трохы стало легше.

— Як?

— Та, бач, раньше усэ плювали на зэмлю, а тэпэрь уже на бороду.

* * *

— Здоров, кумэ!

— На ярмарку був.

— А кума жыва?

— Кобылу купыв.

— Чы ты, кумэ, нэ ошалопутив?

— Та на выгони спутав.

— Та хай вона тоби здохнэ!

— Спасыби.

* * *

У буденный день зайшов батько з сыном у кабак горилкы выпыть; выпылы добрэ, та й идуть до дому, обнявшись, а назустрич йиде сусид, вэзэ косарив на стэп.

— Хазяйинуемо мы, тату,— каже сын,— бодай чорт, нашого батька попохазяйинував!

— Чиєго сынку, батька?

— Так як що жалко вам, тату, свого, так нэхай мого!

Ст. Уманская.

Сообщил Вишницкий.

***

— Чым вы втыраетэсь?

— Батько рукавом, маты спідницею, а я на пичи так сохну.

***

— Господы, просты! Був я на страсти, купыв свичечку за копиечку, понюхав — мэдом пахнэ, так я и ззив.

***

— Що твоя кобыла жерэбна?

— Жерэбна! Тильки хвист та рэбра!

***

— Сестры — вечир, добрячки, чы не тылячылы нашого бачаты?

— А яке-ж воно?

— Пид сиренькым черевеньке, на лыси лобочка, на кытечци шыечка, на мотузочци хвостык.

— Тылячылы, добрычко, тылячылы. Пид нашим ночом стогувало; мы кыдьма сокырячылы, а воно задрало лозы, та побигло у хвосты.

г. Екатеринодар.

Сообщил Золотько.

***

— Та й розбогатив-же наш Охрым!

— Як?

— Ныткою хлиб руже.

***

— Чым ты укывся?

— Мишком.

— А в головах що?

- Мишок.
- А послав що?
- Мишок.
- Дай же мени хоч одын.
- Та у мене одын у самого!

(Записано со слов Е. Пивня).

* * *

- Стий, Оксано, бо воно ще рано!
- Э, стояла б, так хлиба не брала, а вы своего не дастэ.

* * *

- Дэ вин живэ?
- Нэ доходя, мынаючи, дэ Четвер-Мышка живэ, на ри-суботы; ряби там ворота та нова собака, а погриб у яму влав.

* * *

- Здоров, Исаю!
- Чаек шукаю.
- Чы ты ще жив-здоров?
- Та вже четверо найшов.
- А чы благополучны там жинка та диткы?
- А чорт их пийма, пидлиткив.
- Тю на тэбэ! Чи багато вас таких дуракив?
- Та чотыри дижки жинка наскрибла, та мишкы з десяток на базари продав.
- Хай воны тоби прокыснуть и ты з нымы!
- Спасыби!

* * *

- Чы тут можна перейихать?
- Ось пойидь! Там тэбэ й Матвий поснида!

* * *

- Чым гришен?
- Малым родывся, пьяным умэр, ничого нэ знаю.
- Иды, душа, в рай!

* * *

- Калмык, що ты робыш?
  - Рыба печу.
  - Дэж ты ййии взяв?
  - Сам на кибитка прыскакав.
- А вин настромыв жабу та й пече на вогни.

(Сообщил Вишницкий).

* * *

- Скильки вас?
- Я, Тарас, та Панас, та той хлопець, що внас, та тых пять, що в соломи сплять, та два парубка, носатых, та дви дивкы патлатых, та Нестир, та Нестирка, та дитей у йих шестирко, та батько, та маты, та чотыри браты, а в братив по жинци, а в жинок по дытынци.

* * *

- Одын раз сторож коло церквы ударыв у дзвин дванадцять часив, а треба було быть тильке одынадцять,
- Що ты наробыв,— каже другый сторож,— цэ ты ударыв лышний раз!
  - Так що-ж тепер робыть?
  - Одбый назад!
- Так той прибавыв ище раз, та й выйшло трынадцять.

ПРЫСПИВЫ ДО ГОПАКА

Сыдыть козак на терну,
Та й штаны латае:
Терен його ззаду колэ,
И вин його лае.

* * *

Ой, Боже мий, мылостывый,
Якый-же я вдався:
Мого батька повисылы,
А я одирвався!

***

Ой, дивчица Орына
Поййхала до млына,
Заченылася за пэнь,
Та й стояла увэсь дэнь.

Ой, ты ходыў, а я сцала.
Ой, ты свыснув, а я встала;
Та забула попытаты,
Чого ходыш коло хаты.

ПРЫСПИВЫ ДО ГОРИЛКЫ

И хлеб на столи,
Горилочка льетьця,
Як выпью я чарку-двi,
Всэ лыхо мынэтьця.

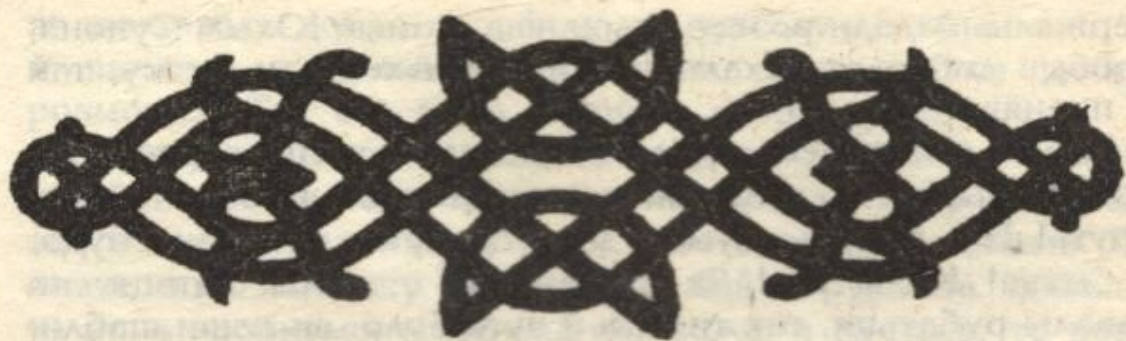
***

Ой, пый, та нэ лый,
Любы жинку, та нэ бый;
Буду лыть, буду пыть,
Буду любыть, буду й быть.

***

Гей, чого хлопци, добри молодци,
Чого смутни, нэвэсэли,
Хиба в хазяина мало горилкы,
Мало мэду и пыва.
Повнии чары всим нальвайтэ,
Щоб через винця лылося,
Щоб наша доля нас не цуралась,
Щоб добрэ в свити жылося.

СМИХОВЫНКЫ

Старынна служба

Э, тепер що за служба! Ось як мы колысь служили! Як збереться було наше вийсько, та глянеш на його здалека, так наче мак цвितэ, або воронэц у стэпу красние.

Кони булы дуже добри, коны нэ цыганської, так калмыцькой породы, а на масть — якои хочеш! Сидла булы дубови, стремена ясенови, а за уздечки та попруты и казать ничого: з самого найлучшого реминю з жерстяным набором!

Э, тепер що за служба! Он як у нас було, так у кожного козака коло пояса було и карбиж высыть и кажен козак знае, скильки козакив у сотни: копа Романив, копа Иванив, копа Демыдив, копа Давыдив, копа Денысив, копа Борысив — сим кип та й сотня!

Був у нас сотнык Юхым Супоня, завзятый був з биса чоловик! Так той було прыказуе: надивайтэ, хлопци, на сэбэ усэ, що в кого йе; одно, що нэ будэ ни холодно, ни жарко, а другэ — що куля не дошкультэ. Так мы його й слухалы: як надинэ було козак на сэбэ кожух, а на кожух свыту, а звэрху бурку, так станэ такый товстый та дебэлый, що чорт його й з мисця зворуше! Та як сядэ на коня, так видкиль нэ зайды — скризь одынаковый: наче вылитый; як посадаем на конэй, та й пойдэм на войну.

Выйидэм отак раз у чыстэ полэ, колы дывымось, аж якый-сь бисив сын настромыв на палку кычку та й поставыв на гори.— Як зачалы мы з тиею кычкою воювать, так сим годив, як сим часив простоялы,— калантырь

держалы. А дали розсэрдывсь наш сотнык Юхым Супоня, зробыв добре штрыхало, так як штрыхоне ту кычку, так и пидняв у гору!

Колы дывимось, аж де не взялись з горы татары, з дрюччямы, та з паличчямы, та прямисинько до нас и пруть! Ну, теперь, думаю уже, мабуть, нэ война будэ, а бытва! Колы так! Як зачалы мы с нымы бытьця, як зачалы рубатьця, так тильки й чуть було, як наши шабли: брынь, брынь, брынь!.. а кров, як та вода льетьця! Былысь-былысь на конях, та давай ще й доли; татарив же було дванадцять, а нас — сто двадцять, так мы до того довоювалысь, що поривнялысь: йих стало дванадцять и нас — дванадцять.

Як выскоче тут татарын! Гыдкый, брыдкый, пыкатый та носатый; зашморгом дывытсья, на вси боки кривытсья, та як пидскоче до сотныка та як крыкне:

— Шурды-мурды!

А сотнык йому:

— А йды, стэрво, сюды!

Так татарын як пидскоче та як репнэ сотныка дрючком по спыни, так тильки луна пишла! Як крыкнэ тоди сотнык Юхым Супоня:

— Хлопци, на кони!

— А в мэнэ, панэ, кобыла!

— Та сидай на кобылу, чорт йийи бэры!

Так я, як мэтэльеувсь! Так за сим часив, як горобчык сив! Як захватылы ж мы тоди конэй до дому, так татары нас тильки й бачилы.

Станица Павловская.

Со слов Егора Г.

Хивря та Хымка

Гарный хлиб пекла покойныця моя Хивря, царство йий нэбэснэ, пэром зэмля та пухом! Як пойиду було у стэп косыть, та й укыну одну хлибыну у крыныцю; а вона кругленька, та важкенька, та так зараз на дно и сядэ. А

як покосюсь добрэ до обиду, та прыйду до крыныци, та й вытягну ту хлибыну, то вона саме тильки добре розмокнэ! Так ото було и поим добрэ з силью.

А як умерла покийныця, так узяв оцю стервяку Хымку, хай йий там так легко икнеться, як собака з тыну урветься, так и хлиба нэ поим до смаку, бо спэкты нэ тямыть. Як спэче оцю хлибыну та визьмэш йий в руки та здавыш, та вона зробиться маленька-маленька, а пустыш, то вона упьять надметься; а в крыныцю хочь и нэ думай кыдать, бо зараз роскыснэ и расплыветься.

Станица Павловская.

Из рассказа Ефима Пивня.

Слипци

Зийшлысь два слипци.

— Здоров, братас!

— Здоров.

— Чы оженьвся там Обэртас?

— А як-же!

— Чы вин-же такы що и путнэньке забрав?

— Ни,ничого! Товстэнька, круглэнька; тильки на одну ногу трошкы ляга, а другой вовси нэма.

— Та то дарма! А чы йому-ж такы що нэбудь и подарувалы?

— А як же! Подарувалы богацько дэ-чого! Зараз далы таку палыцю, що як ударыть одну собаку, так на дванадцять вульць собаки выдыхають! Та подарувалы коняку гарну, таку, що як скажешь "но", так и йидэ, а як "тпру" так зараз и станэ; так од сэла до сэла дорогу знайе, та до каждого двору та всэ й повэртае; а як положить на повозку дванадцять мишкив порожних, так ще з горы й бижыть! Та подарувалы торбу за дванадцятьома перегородкамы: на борошно и на вы-борошо, на пшоно и вы-пшоно, на сало — вы-сало, на хлиб — вы-хлиб, на силь — вы-силь.

Чудна розмова

- Здоров, брат!
- Здоров!
- Чы ты курьш?
- Хто? Я?
- Э.
- Курю.
- Так давай покурим?
- Давай.
- А в тэбэ-ж тютюн йе?
- У кого?
- У тэбэ!
- У мэнэ?
- Эге.
- Йе.
- От и добрэ.
- А ты-ж вогню выкрышеш?
- Хто? Я?
- Э.
- Выкрышу.
- Ну, так покурим!
- Покурим.

Город Екатеринодар.

Сообщил Носенко.

Яка работа, така й плата

Прыніс раз чоловик до одного коваля пуд зализа та й пытае:

— А што, ковалю, чи выйдэ з цього зализа лемиш?

— А як-же, добрый будэ лемиш.

— Ну, так скуй мени, каже, та тильке швыдче.

От й заходывсь коваль: куйе та й куйе, а дали й каже:

— Ни, мабуть лемиш не выйдэ, а выйдэ шкворинь.

— Ну, добре, робы шкворинь.

Стукав, стукав коваль:

— Ни, каже, — шкворинь не выйдэ, а выйдэ сокира.

— Чы сокира, то й сокира.

Кував, кував:

— Ни, мабуть, зроблю вам долото.

— Ну, добрэ, зробі долото.

Робыв, робыв:

— Ни, не будэ долото, а будэ швайка!

— Та горазд, нехай будэ швайка!

Плескав, плескав:

— Ни, не выйдэ швайка, а выйдэ шыло.

— Та чы шыло, то й шыло!

Заплескав коваль останний кусочок зализа, загострив, та в воду, — воно й зашыпило.

А чоловик тоди и каже:

— Э, так це не шыло, а вийшов пшык!

— Давайте-ж, — каже коваль, — гроши, дуже богато работы було!

— Приходь-же по гроши завтра до мэнэ до дому.

Пишов коваль на другой день по гроши и хлопця з собою узяв, того що в кузни джухае.

— Гляды-ж, — наказуе хлопцеви коваль, — як буду я гроши просыть, та мало даватыме, так и ты кажы: прибавтэ, дядьку, ще, бо работы було багато.

Прийшлы. Чоловик впустыв коваля у хату, та й заходывсь давать йому метельци, а хлопец стоит у синях та й гукае:

— Прыбавте, дядьку, ще, бо работы було багато!

Ст. Шкуринская.

Из рассказа Ив. Пивня.

Брехенька

Як був я у батька маленькым, а в матери пидрис, так усэ було йиздю за дровамы у лис. Прыйихав раз у лис, дывлюсь — дэрэво, а тому дереви — дирка, а з дирки кувикають печени поросята.

Я дуже зрадив, бо голодний був! Стромляю у дирку руку, не лизе, стромляю ногу — не лизе. Що тут робить! Так я узяв та увесь ускочив! Найився поросятыны, та став вылазыть, аж ни — не вылизу; мабуть дуже поросятыны обрєпкавсь. Думав я, думав, та все не в лад. Насылу догадався. Узяв, збигав до дому за сокырою, прорубав дирку, та й вылиз.

Тильки вылиз, а тут пыть мени захотилось, та так дуже, що аж никуды! Пишов я до рички воды напытьсь, колы дывлюсь — на води качка несеться, та так воду скаламутыла, що й пыть нельзя. Розсердывсь я, кынув на неи раз сокырою, нэ докынув; кынув у друге — перекрынув, а як кынув у третье, качку вбив. Так нэ идиловэ-ж пирья! Само полетило и качку занэсло, а яйця у комыш поховалысь! Вернувсь я у лис до кобылы, аж лыхо! Вовкы на кобылу напалы и всэ пузо розирвалы, так що й бельбухы повыпадалы и кышкы до земли высять. Що його робить! Пропала кобыла та й годи! Роздывывсь я лучше, аж ище нэ всэ дило пропало, бо кобыла ще на землю не впала, а на ногах стоить. Выломав я лозыну та й давай кышкы збирать та кобылы пузо зашивать. Шью, зашываю, на вси бока поглядаю, а й нэ туды-то, що лозына одсырила, та вверх росты пишла. Ростэ, та й ростэ, та вже й до нэба достае. От так штука! Стою я, дывлюсь, а дали й думаю: давай лышень, полизу на нэбо, бо зроду там нэ був. Узяв та й полиз. Лизу та й лизу, уже ось и нэбо нэдалечко, колы видкиля нэ взявся мий батько покийнык, та як крыкнэ на мэнэ: "Куды ты лизеш, вражый сыну, з гришною пыкою та в святэ мисто!" Узяв та й турнув мэнэ до дому. Та тильки я нэ дурный був, бо як падав уныз, так увсэ ногамы дрыгав, та як раз и зачєпывсь за хмару. Зачав я тут у руки плювать та бычовку сукать. Добру бычовку ссукав, до хмары привьязав, та й давай на землю спускаться. Спуськаюсь, тай й спуськаюсь, уже й до земли нэдалечко, аж бычовкы й нэ хватыло! Що його робить? Чы плакать, чы тужыть? Давай, думаю, прытягну хмару до себе блыжче. Так я так добрэ напывся, що зовсим одирвавсь, а витер на мое счастья був вэлыкий. Так мэнэ як понэсло, як понэсдо, так насылу за вэлыкэ дэрэво в лиси зачєпывсь! Злиз я на зэмлю, та й пишов по лису кобылу шукать. Дывлюсь, ходэ моя кобыла,

пасэтыся, а лозына, що лазыв на нэбо, усохла. Сив я верхи на кобылу, засунув за пояс сокиры, та й пойхав до дому. Йиду та й йиду; кобыла трюх-трюх, а сокыра йийи здаду цюк-цюк; цюкала та й цюкала, та й одрубала у кобылы задок. Прыйизжаю до дому, дывлюсь, аж задка й нэма. Так от гаспыдське навождение! Бросыв я пэрэдок дома та пишов задок шукать. Блукав, блукав, та насилу найшов задок аж пид лисом: ходэ соби, пасэтыця и горю йому мало! Пиймав я його, зануздав, прывив до дому та й прышыв до пэрэдка. Дывлюсь, начэ й кобыла як кобыла, а щось нэладно. На мое щастя самэ на ту пору Покрова була, люды у Павливку на ярмарок йихалы. Узыв я кобылу, та й повив на ярмарок на продаж. Прыйизжаю та й пытаю: "А що тут добри людэ, по чому? А мыни й кажуть: "Пшеньця по мишкам, тютюн по рижкам, товар по грошам, а гроши по карманах". — "Э, — кажу, — цэ я и без вашого батька добрэ знаю, а вы мэни скажите, що дэшэво и що дорого?" — "Дурный ты, — кажуть мэни, — так бы ты й давниш пытав! Кажуть, за морэм дэшэва скотына, та дороги мухы! за муху з мушенятком дають корову з телятком, а за оводив дають цилых бугайив". Як почув я цю рич, так дуже зрадив. От, думаю, штука! Тэпэрь-же я враз забогатию! Бо на той случай у мэне дома до пропасти мух було. Бросыв я кобылу, прыбиг до дому, наловыв цылисенький мишок мух та й гайда до моря. Прыбиг до моря, а погода була тыха, та гарна, так що море блистило, як скло або дзеркало. Положив я на воду мишок мух, сив верхы та й пэрэплыв на той бик. Наминяв я там скотыны аж тры чэрэды, прыгнав до моря, та й нэ знаю, як на другый бик пэрэплыть. Як що наняць корабль — дорого визьмутъ, а пустыть скотыну плысты — богато потонэ. Що тут робыть! Думава я, думава, голову чухав-чухав, а дали ось що выдумав: пиймав чымалу корову за хвист, размахав кругом головы, та як кыну, так и пэрэкынув на той бик! От, думаю, и гаразд. Заходывсь я коло скотыны, пэрэкидав усю на той бик, оставсья тильки одын бугай, самый найбильшый. Пиймав я того бугая за хвист, обкрутив трычи кругом руки, розмахав його та як кыну! Так и пэрэлетив умисти з ным на той бик моря. Позбирав я тут до кучи усю скотыну, та хотив до дому гнать, колы слухаю, помиж людьмы балачка ходэ,

що наче-б то на нэби людэ боси ходять. Оце, думаю, нашому козырь пид масть! Бо на нэбо я дорогу добрэ знаю, а скотыну мэни нэ куповать. Поризав я усю скотыну, мясо, продав, а шкуры поздырав, та й полиз на нэбо. Попродав я там уси шкуры, наторгував мишок грошей та пора вже й до дому. Так от лыхо! На нэбо-ж нэтрудно було лизты, а як назад вэртаться? Осталосв у мэне с дэсятк нэгодящих шкур, так я поризав йих на реминци, забыв килок у нэбо, привязав той реминь, та й давай назад спуськаться! Лизу та й лизу вныз, колы тут на мою биду ремню не хватыло! Що тут робыть, спивать чы тужыть? Та тильки я був на все боки догадывый, подумав та зараз и догадався. Полизу уверх, реминю одрижу, а внызу доточу; зверху одрижу, а внызу доточу, та все до земли блыжче та й блыжче. Так от беда, дийшло до того, що ризать ничого, а до земли ще далэко. Кэлы на мое щастя людэ на земли пшэныцю виють, а полова до мэне лэтыть. Зачав я ту полову хватать та бычовку ссукать; добру бычовку ссукав, до реминю привязав, та й давай упять спуськаться. Усе-б гаразд, та на свою биду забув, як бычовку сукав, помочыть йийи, вона й лопнула!

Полетив я сторч уныз, об хмару спиткнулся, разив из сто пэрэвэрнувся, був-бы об зэмлю убывся, як бы на той свит не провалывся. А там сыдять цар та цэрыця та пьють горилочку з барыльця, а барыльцэ: буль, буль, буль, а хто слуха, тому сим дуль.

Ст. Шкуринская.

*Заимствовано из рассказа
Ивана Пивня.*

Тэща та зять

Жыв соби козак Бурлыма,
Та була в його ряба кобыла,
Та пишов вин до Уласкы
Позычать соби коляскы.
— На що тоби коляска? —

"Та повэзу святыть паску":
Заприг вин рябу кобылу,
Та й пойхав по-уз могылу,
Не дойхав ще й до мосту,
Як не стало у кобылы косту;
Коляска рострусилась,
Паска роскрышлась.
Зачав Бурлыма паску збырать
Та заходывсь родычив споминать.
Згадав вин бабу Наталку,
Що былась тры дни задом об лавку,
Спомьянув тэщу та сваху
Що надилылы жинку-нэвдаху;
Згадав и ти чотыры,
Що на прыпичку горох молотылы,
Нэ забув и тых пьять,
Що пид прыпичком у соломи сплять.
Прыйхав кой як до тэщи в гости
Поки зростутьця у кобылы кости.
В тэща зятя прыгостыла:
Дубовым прачем угостыла.
— Оцэ тоби, зятю, за дочку плата,
Посэрэд спыны сыня лата!
"Ой, спасыби, тэщенько,
Ой, спасыби, матинько!
Поки жив буду,
Так нэ забуду,
А як дэ побачу,
Та ще й ласкою оддячу!"
Як зачав же зять
От тэщи тикать,
Та нэ попав, куды люды ходять,
А попав, куды гуси лазять.
Як прибиг до дому,
Наче з цепу зирвався,
Та зараз для тэщи
З обидом прыбрався.
Як наловыв мух,
Та напик пампух,
Як наловыв комашок,
Та наварыв галушок;

Як назбирав гнылыць,
Та напик паляныць.
А солому сиче,
Та пироги пэче.
А сино смаже,
Та пироги маже;
И гавьядину варыць
И дубыну парыць.
Та все до кучи складае
Та тэщу в гости выглядае.
Як пишов же зять
Та тэщу в гости звать:
"Ой, матинько, голубочко,
Прийдить до мэнэ в гости,
На час, на годыночку,
У святу нэдилэчку". —
— Ой, рада б я, зятю,
До тэбэ питы в гости,
Так ни в чим питы,
Ничым пойихать;
Батько на сходци,
Кобыла в толоци,
Дуга у лиси,
А хомут у стриси,
Спидныця в кравця,
Чоботы в шевця,
Сорочка у прачкы,
А челчык у швачкы.—
— "Ой, матинко, голубочок, хоч дэбудь,
А до мене в гости прыбудь!"
Як зачала ж тэща вдягатыця
До зятя в гости прыбыратыця!
Вырвала лопушыну,
Та зробыла хвартушыну,
Нарвала лободы,
Та натыкала сюды й туды,
Хмэлэм пидпэрэзалась,
Та так гарно прыбралась,
Що куды ни крутнетыця,
Та всэ й усмихнэтыця.
Як усьего добула,
Так до зятя в гости прыбула.

— "Спасыби вам, тэщенько,
Спасыби вам, матинко,
Що прыйшылы нас провидать,
Давайте з намы обидать",
Як зачав-же зять
Та тэщу угощать!
Посадыв за стіл
До стины очыма,
До двэрэй плэчима,
Та й заставыв тэщу,
Щоб мух личила (считала).
Наличила тэща
Тысячу й двисти,
Тэпэрь уже трэба
Давать йийи йисты.
Давав зять тэщи
Первую потравку,
Узяв за ноги тэщу
Та мордою об лавку.
Сорока "кре-че-че",
а зять тещу сиче
Тонесеньким дубцэм,
Оглобляю кинцем:
— "Оцэ, тоби, тэщенько,
Пыва кирець,
Оце тоби, матинко,
Оглобли кинэць.
Теперь уже, тэщенько,
Хочь сядь та й плач,
Бо цэ тоби спомынкы
За дубовый прач!"
Пишов зять на часок
В дубовый лисок,
Шоб нарвать зилля
Тэщи од похмилля;
Та тильки ж тэща
Зятя нэ диждала
Та в викно из хаты
Рака показала.
Прыбигла до дому, прылизла,
Та зараз на пич полизла.
— "Тикай, диду, з печи,
Я попарю спыну й плэчи".

А дид злазыть нэ хоче
Та всэ на бабу буркоче:
— Добрэ тоби у зятя
Та мэд-пиво пыть,
А мэни нияково
На пичи сыдить.
— "Ой, цур, йому, диду,
До зятя ходыть,
В дочки гостювать
Та мэд-пиво пыть,
Бо зятив мэдок
Дуже солодок.
А зятевэ пиво
У ногы вступыло".
Была в бабы сучка,
А звалы Кутючка;
Як сучка брэхнэ,
А баба йзитхнэ:
— Ой, матинко, лышенько,
Чы нэ зять иде!
Викна зачиняйтэ,
Двери засувайтэ,
Треклятого зятя
В хату нэ пускайтэ!

(Записано от Гречука и др. в ст. Павловской).

ПАНИБОЛОТСЬКИЙ КОРДОН

Яки-ж и гарни сваталы мою дочку Ларку, Замайивськи козаки ладни! У йих сады ладни, яблуку як два кулаки, за высокими могылами ростэ тэрен: кгудзы ламы. А вона, суча-дочка, гу та й гу на чужу станыцю! Та й полюбыла Паниболотського козака Голыстрата Бенюха, на призвище Скочка-Брамбурщыка; бо в його, бач, чоботы на скочках, а штаны на брамбурах. Виддалы мы замиж дочку за того Бенюха-Брамбурщыка, а вин — скоро й на службу пишов, на той Паниболотський кордон. — Жывэмо мы з старою, тай й живэмо, то так, то сяк, то скоком, то боком. От раз стара й каже:

— А чы не пойхать нам, старенький, до зятя в гости, службу його провидать?

— Так що-ж, — кажу, — чы пойдэм, то й пойдэм.

Запряглы мы у виз волыквив, набрамы харчив, та й пойхалы. Прыйизжаем у Паниболотський кордон, та й пытаем:

— Чы тут служыть наш зять Голыстрат Бенюх, на призвище Скочок-Брамбурщык?

— Тут, — кажуть нам, — тут; та вин уже й уряднык.

Як почув я цю ричь, так дуже зрадив, а стара моя з радощив як крыкне: "Матинко!" наче ййии хто ззаду выламы штрикнув.

Колы дывымось, ось и зять наш идэ, та такой бадьорыстый, що твий охвыцер! Поздоровкалысь, почоломкалысь, силы на траву, та й давай балакать про тэ, та про сэ, та про його службу. Колы цэ йдуть наши знакомци: Смола Трохым, Дуднык Пархым, Колывайко Иван, Халявка Роман, ще й Гедзь Омэлько.

Як побачылы нас, так-таки сталы рады, што зараз накупылы горилкы: Смола Трохым, Дуднык Пархым — штовх, Колывайко Иван, Халявка Роман — штовх, Гедзь Омэлько сам, правда, штовх, а я, глядя на йих, та й соби штовх! Та як узялы по штовху, та як посідалы на шляху, та й давай пыць та гуляць.

Зараз узяв зяць одын штовх, та й давай усих поштувать. Так уже-ж так гарно поштував, щой й казать нікуды! А горилка така добра та мицна, што як перекинув я перву чарку у рот, так мэнэ так и шкрябонуло, як серпом у горлі! А дали горилка зробылась така, як масло, так чарочка за чарочкою и котытьця по горлі. Як выпив я чарок з дэсятка, так мэнэ аж потым проняло, а морда як спилныком узялася. А як выпив ище стількі, так мени ноги одибрало и языка одняло, а дали — очи посоловилы, и став я — што твій соловейко! А пэрегодом, нэ вам кажучы, и в регачку вкынуло! Колы тут прыйшылы до нас музыченькы, та як ушкваряць швыдкои, так тількі ну! Як схопытьця моя жинка та поперэд нымы дрип-дрип, дрип-дрип...

Пронялы й мэнэ музыченькі, наче я нэ той став, а жинка ще дужче раздрочыла! Схватывся я з мисця, захватыв матню в кулак, та й пишов на вытребэнькі...

Так отака-то скоилась у нас гульня у тому Паниболотському кордони!

Ст. Павловская. Заимствовано из рассказа С. Ш.

Дид та школяр

Було цэ дило в даўню старовыну, як ище по сэлах та станыцях мало школ было.

Тоди як хто з богатых людэй хотив сына отдать у школу, то й трэба было одвозыць його у третю, або в пяту станыцю, бо нэ в кажний станыци булы школы.

Одного разу ишов такой школяр из школы до дому, на литню вакацию, та и зайшов у одно чуже сэло, чы станыцю. Уже зайшло и сонцэ, треба было попросыцца

до кого-нэбудь переночувать. Зайшов школяр у одну вульцо та на биду попав у таке мисце, що по тий вульци, наче ричка, стояла вельчезна калюжа, так що дали нияк нельзя було йты,— хоч назад вертайся.

Дывытьця школяр, аж йидэ дид порожним возом, вин и просыть:

— Диду, будьте ласкови, перевезить мэнэ через оцю калюжу на сухе мисце.

— А хто ты такой? — пытае дид.

— Школяр.

— Шкляр? Ну, то й добрэ, що ты шкляр, бо в мэнэ дома шыбки йе побыти; сидай, повэзу тэбэ аж до дому.

Школяр швыдэнько змостывся мовчки на воза та й пойихалы. Трохы згодом, дид роздывывся, що у школяра высыть через плэче торба, та й пытае:

— А що цэ у тэбэ в торби?

— Кныжки,— каже школяр.

— Та хто-ж ты такой?

— Школяр.

— Э, як що ты школяр, так геть к бису з воза, бо я знаю вас школярив — уси вы наголо шыбеныкы!

Погано прыйшлось бы школяреви, та тильке вин був догадывый хлопэць. Як став його дид проганять, вин швыдэнько пишов по вийю, сив на ярмо, выннив прытыку та на волив: "Соб! Гей!" — та й выйихав с калюжи на сухе, а волив коло калюжи бросыв. Не успив розглядитьця дид, як школяра й близько нэма, а вин остався сэред калюжи на вози, бэз волив. Лаявся, лаявся дид, та ничего не поробыш! Прыйшлось волив ловыть та сэред калюжи в грязи у виз запрягать.

А школяр тым часом пишов та й пишов по станыци, та заглядывшы у одний хати свитло, попросывся ночувать, зализ на пичь, та й сыдыть, гриетьця; на свою биду вин як раз попав у дидову хату.

Прийихав дид до дому увэсь у грязи, росприг волив та й увийшов у хату, колы роздывывся, аж и школяр на пичи.

— Э, так це й ты тут! — каже дид.— Ну, щастя-ж твое, що тэпэр я нэ такой сэрытый. Злазь же с пичи та будэм вечерять.

Силы, повечерялы, а дид ничего — мовчыть. Кончылы вэчерю, помолылысь Богу, а дид тоди й каже:

— Теперь будэм спать лягать, та тильки я хотив тэбэ попытать, чы гаразд там вас у школи вучать.

Узяв школяра за рукав, пидвив до каганця, показуе на огонь та й пытае:

— Скажы мини, що це таке?

— Хиба-ж вы, диду, нэ знаэтэ? Огонь!

— Брешеш, сучый сыну! — крыкнув дид, та хватъ школяра за чуба.— Це у нас зветьця красота, красота, красота...

Добре намняв школяреви чуба, а дали показуе на кишку, та опьять пытае:

— А це що таке?

— Кишка,— каже школяр.

— Брешеш, сякий-такый! Це у нас зветьця чыстота, чыстота, чыстота.

Та знову намняв добре чуба.

— А цэ як зветьця? — показуе дид на сволок.

— Сволок,— каже с плачем школяр.

— Брешеш, сучый сыну! Це зветьця высота, высота, высота...

Та й знову за чуба.

— А це що таке? — показуе на воду.

— Вода,— каже школяр.

— Брешеш, бисив сыну! Цэ у нас зветьця благодать Божа, благодать Божа, благодать Божа...

Намняв дид школяреви чуба, скильки хотилось, та й наказуе:

— Оцэ тоби, разумный школяр, наука, щоб старых людэй почытав, та поважав, а то, може, вас у школи цему не учать. Тэпэрь лягай спать, та помны мою прышту.

Лиг школяр спать, а дид з бабою зализлы на пич та скоро й послулы; тильки одному школяреви нэ спытьця,— дуже чуб болыть. Прыслухавсь вин, що дид з бабою уже добрэ заснулы, та й надумав зробыть штуку, щоб и дид його помныв. Пиймав вин кишку, привьязав до хвоста кусок прядыва, намочыв його у каганци, та й запалыв, а кишку пустыв на горыще. Выйшов тоди сам на двир, та й гукае в викно:

— Диду! Диду! Будэ вам спать, вставайтэ хату рятувать! Бо взяла ваша чыстота красоту та понэсла на высоту: як нэ буде з нэба Божои благодати, так нэ будэ у вас и хаты, щоб зналы як школярив за чуба мняты!

— Геть к бису, чортив шыбеныку,— крыкнув с просонку дид.— Бо як устану с печи, так ще гирше чуба намну!

Колы як займэтыця хата! Так насылу сусиды втушылы, а верх трохи не увэсь згорив.

Отаки-то у старовыну школяры булы!

Станица Павловская. Из рассказа Ефима Пивня.

Дурни люды

Жылы соби дэсь дид з бабою, и був у йих тильки одын сын Стэпан. Дид та баба булы вже дуже стари та таки булы й дурни. Не жыв з нымы Стэпан, а тильки мучывся через йих дуристь. Раз топыла баба пич, а дид приныс у хату дров, та якось и упустыв одын дрючок до долу. Баба як заплаче.

— Чого ты плачеш? — пытае дид.

— Як же мени не плакать,— каже баба,— що як-бы мы булы оженылы Стэпана, та був у нас маленький унучок, так оцэ, диду, ты-б його дрючком убыв.

— Ох, правда,— каже дид,— та давай и соби плакать.

Сыдять, ревуть у двох на всю хату. Увийшов у хату Стэпан, розпытався, чого воны плачуть, та й зовсим розсердывсь.

— Нема мени спокою з вами! — каже йим.— Пиду по свиту блукать, дурных людей шукать. Як найду дурнишых за вас, так тоди тильки вернусь до дому.

Узяв Стэпан у торбу хлиба, у руки ципок, та й пишов соби свит-за-очи... Идэ, та й идэ. Прыйшов у одно сэло, а назустричь йому жэнэ стара баба квочку з курчатамы, бье квочку хворостыною, та на вэсь рот лае:

— Ач, сяка-така птыця! Навэла курчат цилу кучу, а

чым ты йих годуватымэш, колы нэ мае у тэбэ ни цыщечки ни пыпытчка!

Лупыть хворостыною та одно лае.

Прислухавсь Стэпан до бабыной лайкы, поздоровкавсь, та й каже:

— А чы есть у вас, бабусю, пшоно?

— Есть, сыночку, а на-що тоби?

— Ось принэсить сюда, а я курчатам посыплю.

Прынесла баба шпона, посыпав Стэпан на зэмлю, а квочка з курчатамы и зачалы йисты.

Зрадила баба та давай йому дякувать.

— От спасыби тоби, сыночку, що навчив, а я цего й не жнала!

Пишов Стэпан дали. Тильки поривнявсь з одниею хатою, колы слухае, аж у хати крычыть якийсь чоловик нэ своим голосом.

Ускочыв Стэпан у хату, та й дывытьця.

А там сэред хаты стоить чоловик, а на голови у його надитый новий мишок из билого полотна, и коло його стоить жинка та з усиеи мочи бье його рублем по голови.

— А що цэ вы робытэ, добри люды? — пытае Стэпан.

— Та це я,— каже жинка,— зроду сорочок не шыла; а чоловикови моему забажалось новой сорочки. Так я оцэ пошыла йому та надила на його, та й хочу пробыть рублем зверху таку дирку, щоб голова пролазыла.

— Пострывайтэ, титко,— каже Стэпан,— нэ быйтэ, я вам покажу, як дирку зробыть.

Узяв сокыру, прорубав у мишку диркы для головы и для рук, та й надив на чоловика. Так ти люды так зрадилы, що Стэпан научив йих сорочки шыть, що нагодувалы його добрэ, ще й грошей далы.

Пишов дали Стэпан; идэ та й идэ, колы дывытьця, коло однеи хаты стоить баба и дэржыть бузивка за налыгач, а дид з усиеи силы лупыть його ломакою. Здывуавсь Стэпан, поздоровкавсь, та й пытае:

— На що цэ вы бьете цього бычка, добри людэ?

— Та выросла,— каже дид,— у нас на хати трава добра, так оцэ хочем туды бузивка загнать, щоб траву пойив, а вин иты не хоче.

Найшов Стэпан косу, выкосыв на хати траву, та й

скыдав додолу, а бычок и йисть. Подякувалы його дид з бабою за науку, а Стэпан пишов соби дали. Идэ та й идэ, колы зырк на одну хату, аж сыдыть на хати старый дид без штанив, а голи ноги из стрихи у ныз звисыв; а внызу пид хатою стоить баба и дэржить у руках штаны — ростопырыла.

Здывувався ще бильше Стэпан на таку кумедию, пидийшов, поздоровкавсь та й пытае:

— А що цэ вы, дидусю, робыть хочэтэ?

— Та це я,— кажэ з хаты дид,— зроду штанив нэ носыв, а тэпэр на старисть баба пошыла, так нэ добэрэм толку, як йих надивать. Та оце вже баба надумала: лизь, каже, на хату, я штаны растопырю, а ты прямо й пльгнэш у штаны.

— Не пльгайтэ, дидусю,— кажэ Стэпан,— бо ще вбьетэсь, а лучше злизтэ, так я вам и так покажу, як штаны надивать.

Злиз дид з хаты, а Стэпан и показав йому, що слид. Дужэ дякувалы йому дид з бабою, оставлялы ночувать, та тильки Стэпан не схотив оставатьця, а завернувсь до дому.

"Багацько ще дурных людэй на свити; есть и дурниши за мого батька та матир",— думав Стэпан, та й остався жыть дома.

Станица Павловская.

Из рассказа Ефима Пивня.

Нисенитныця

За царя панька, як була земля тонка, жыла моя маты Хымка; а я народывся за царя Горошка, як було людэй трошкы; як сниг горив, а соломою тушылы, як нэбо було лубьянэ, а шкуратяни гроши ходылы. Тоди самэ гныда ишла замиж за Демыда, черепаха була сваха, а на свайби помэло, кажут, яйцэ знэсло. Котив тоди ще й заводу нэ було, а про собак и нэ чулы, а индыки таки булы здорови, що як зарижуть було одного, так добудуть з його тры дижки сыру, коробку масла, та сотню яець.

Як маты моя вмэрла, так я був уже добрым парубком, а дид мий був ще невеличкым хлопчиком, а батька ще й на свити нэ було. Баба була хочь трохи уже й старэнька, а всэ-такы добрэ тямыла и спэкты и зварыть, а нам з дидом бишь, ничого й нэ трэба. Так мы с дидом добрэ робылы, вэсною чумакувалы, литом стрильцовалы, а як прыйдэ було зима, то звисно, як и вси добри люды, на степену робымо.

Як запряжэм було з дидом у виз волив та накладэм выл та грабэль, тай по пойидэм у лис ловыть вэдмэдив. Дид було вийя заструже, а я заховаюсь у кущи та на вэдмэдя як тюкну, так вин з пэрэляку роззявыть рот та так на вийя и наштрыкнэтьця; а дид забижыть иззаду та килочком и закладэ. Як заходымось мы тоди з дидом та так з жывого вэдмэдя шкуру и знимем.

Було у нас дви пари волив: одна чужа, а друга нэ наша, тры рыжых, а одын чэтвэртый; так мы й зибралысь раз з дидом у Крым по силь; йидэмо та й йидэмо, а волы у нас булы дуже строги та як побижать! А виз тоди: друг-друг! а мазныця — хряпусь! а деготь и став. Колы дывымось, аж у стэпу кущ тэрну, так мы и осталысь коло його ночувать. Розвэлы огонь, зварылы на вэчэрю кашу, та тильки що силы пообидать, колы слушаем опивночи — вовк вые. Я й кажу дидови:

— Цэ нас вовкы пойидять!

— А пиды лыш довидайсь,— каже дид.

Пишов я на вовчий голос, пидхожу до куща тэрну, колы вовк видтиль тильки шэлэсть! Я до куща — аж вин яйцэ знис! Заходылысь мы з дидом тэ яйцэ на виз класты, та нияк положыть нэ зможем — такэ вэлыкэ! Та насылу уже я догадався — у шапку його взяв. Прыйизжаем до дому, аж баба хрестыны пье, — батько народывся.

— А чого цэ вы прыйихалы? — пытае баба.

— Та вовчэ яйцэ выдралы!

— Ну, ото й добрэ! Бо у нас уже цилу нэдилю свыня квокче.

Пидсыпалы мы пид свыню тэ яйцэ, посыдила вона тры дни та й вылупыла нам дванадцять коров з тэлятьмы. Усэ здаетьця добрэ, так никому корив дойти. Дид малый, а баба стара, а я хоч и добрый був парубок, так до цього

дила нэ дотэпный. Що тут робыць? Думава я, думава, голову чухав-чухав, а дали ось що выдумав. Жылы мы пид самою горою; так я выкопав с горы ривчак до самого погриба, вымазав глыною та й справывсь. Як напасэ було дид корив, та зжэнэ на гору, то мы й выйдэм з бабою коров дойць; доймо та й доймо, а молоко бижыць по-ривчаку прямо в погриб. Подойилысь так днів зотры, та й надойилы повын погриб. Як погнався же раз кумив Рябко та за сватовою сучкою, та й упалы обое в погриб, як зачалы колотыць масло, так наколотылы боклаг дров, пыхтерь яець та на выла сметаны — блынэць помазатъ.

Прийшла зима, трэба полэ оратъ, а тут, як на биду, волы подохлы, ничим полэ оратъ. Зажурылысь мы з дидом, та ничего нэ зробіш! Та спасыби нас баба порятувала.

— Дурни вы, — кажэ, — з дидом обое! Чого вам за воламы журытьця, колы у нас йе — добри пидсвынки. Визьмить запряжить, та й робить наздоровья.

Послухали мы з дидом бабу, та й заходылысь коло роботы. Запряглы у рало два пидсвынки та тры индыки на прыстяжку, та й прынялысь полэ оратъ. Орэмо та й орэмо, а тут на нашу биду мороз, аж зэмя трищыть! Нэ потягнэ рала наша худоба, та й годи. Бросылы мы роботу, та й вэрнулысь додому.

— А чого цэ вы вэрнулысь? — пытае баба.

— Та зэмя замэрзла! Будэм, мабуць, сэй рик без хлиба.

— Оцэ-ж вы, — кажэ баба, — двичи дурни. Чого вам журытьця марно, колы у нас пич гуляца, визьмить, выорить, тай й посийтэ хлиб.

Послухалы мы упьять бабы, бо вона у нас була такы дуже розумна, та й затиялы коло пэчи роботу. Як началы оратъ и на пичи, и по пичуркам, и у запичку, и пид припичком, та й наоралы цылыны дванадцять дэсятын.

Як посиялы хлиб, так такый вырис, що аж пид стэлю достае. Як зачалы-ж мы той хлиб жать та косыть, та й наклалы на комыни дванадцять стогив, та таких высоких, що як глянэш на них, так шапка на очи так и насовуетьця! Як завэлысь-же у стогах мышы! А у нас тоди кит добрый був, та як зачав за нымы ганятьця: мышы пид стиг, а кит на стиг, — так и поваляв уси стогы в помыйныцю!

Так мы й заостались той рик без хлеба.

Прийшло лито, а мы зибрались з дидом стрильцювать — вовкив быць. Тры дни по лису ходылы, ничего нэ вбылы; стали до дому вэртатьця, колы я глянув на вэрбу, що коло хаты росла, аж там вовк сыдыть, рыбу йисть. Роздывылыся мы з дидом, аж на вэрби сэй год окуни та щуки вродылы! Узяв я ружныцю, прыцильвсь, та як стрельну у вовка, так куля тильки брызь! А вовк як полэтыть — тильки крылама захопав! Полиз я на вэрбу щучых яець драть, та й надрав повну шапку: став назад злазыть, колы воно щось як зыпыщыть! Я стрыбнув на зэмлю та тикать! Прыбиг у хату, а воно пыщыть; я — на пичь, а воно пыщыться; я с печи пид лавку — а воно пыщыть, я с хаты та у погриб — а воно усэ пыщыть; колы прыслухавсь добрэ, аж воно у мэнэ в носу!

Так я так злякавсь що и сам сэбэ нэ помню.

А тут выросли наши тэлята, та стало таких шисть пар волив, як соколив! Заходылысь мы з дидом полэ орать, бо вже на зиму повэрнуло. Оралы, нэ оралы, дви дэсятыны наоралы та дванадцять гаку. Як посиялы конопли, як уродылы вэрбы, та як зацвили ракы! А баба й каже:

— Пойидэм, диты, у полэ ягид рвать.

— Так що-ж, — кажу, — чы пойидэм, то й пойидэм!

Пойихалы по ягоды та й нарвалы два нэвшываных возы смэтаны. Вывэзли у Павливу на базар та як крыкнулы: "по чоботы!", так назбиралось стильки людэй, що розибралы усю смэтану, а мы гроши пощыталы, як за пэрэць; тильки подумалы вэртатьця додому, колы який-сь дурень носыть по базару лопату; купылы мы ту лопату, выкройилы з нэй свыту, та як пришылы комир до подушки, так стало такэ вийя, що й воны нэ поламають!

А тут самэ став наш хлеб поспивать.

Так уже-ж и уродыло добрэ! Як выйдэм було з дидом у полэ, та глянэм на хлеб, так то чужый, а то нэ наш; то чужый, а то нэ наш! А як пидросли конопли, так лен зацвив. Я й кажу дидови:

— Це пора уже лен косыть.

— Пора, — кажэ дид.

Так мы й заходьдылысь коло його поратьця: тры дни косылы, чотыри молотылы, а пъять виялы. Та й навиялы з того льону гарбу коросты та чувал паслену. Як вывэзли у Павливський базар до хлибной ссыпки на продаж, так узялы гроши дужэ хороши: три вырвы, десять стусанив та мишок кулаччя! Так мы з тых грошей трохи в хазяйстви и пидправылысь!

А як батько пидрис, та став уже чымалым хлопцем, так я його у школу оддав грамоты навчытьця. Вин, спасыби йому, добрэ грамоты навчывся, бо зараз, як из школы выйшов, рыбалкою зробывся. Як закынэ було удку у чужу будку, так и тягнэ колы нэ кожух, так свыту.

Так мы як разжылыся, так добрэ одяглыся, та й понаймалысь до людэй скотыну пасты, бо йисты було ничего!

А як я у батька рыбалыть навчывся, так оженывся, та й своим хозяйством розжывся. Дав мэни тэсть у прыданэ: куль соломы, мих половы, чужый байрак, сэмэро собак и того вола, що дома нэма. Як посияв я у пэрвый рик хлиб, так уродыло жыто, пшениця и у запичку дитэй копыця, так я й пишов тоди богатыть.

Ст. Павловская.

*Записано в со слов
Ев. М., Е. Г. и Д. Ш.*

Коротун-Нэбида

Жыв соби козак
Коротун-Нэбида,
А яка в його й нэ-бида,
Шо нэ пьетьця вода,
Пишов Нэбида
Шукать случаю,
Шоб купыть у лавци
Сахарю-чаю;
Так вин найшов
Такого случаю
Тай купыв соби
Сахарю-чаю.
А як найшов?
А так и так:
Був соби чоловик
Абдулка-Арап,
Так вин у його с кишени
Грошыкы й шкряб!
Добрэ було йому жыть,
Добрэ, нэ худо.

Купыв вин для чаю
Стакан та блюдо.
Добрэ йому було
Чужи гроши прожывать,
Та нэ зумив вин як след
Оти гроши сховать.
Сховав гроши в халявку,
Та й пишов у лавку;
А Арапка та люды
Зналы ци штуки,
Та як-раз и пиймалы
Нэбиду в руки.
Зачалы його лаять,
Лаять та гудыть.
А скажэм, що йому
За ци штуки будэ?
Та що? — Знимуть штаны,
Та й дадут звячаю,
Щоб не крав грошей
Та не пыв чаю.

Ст. Павловская.

Записано дословно от Е. Г.

Чы корабли йидять, чы-ни?

Зустрились у станыци на базари два парня, та й завэлы таку балачку:

- Здоров, братэ!
- Здоров, Киндратэ!
- Видкиля идэш?
- Видсиля нэ выдно.
- Хиба дужэ далэко?
- А вжэж далэко!
- Як?
- Та так, що ты там зроду нэ був!
- Чы-ба! А можэ и був?
- Дэ тоби там бувать! Тэбэ и по морди выдно, що ищэ ты нэ був у бувальцах!
- Та брэшэш! Можэ бильшэ тэбэ бачыв!
- Що ты там бачыв!
- Скризь бував и всячину бачыв!
- А ты же у Анапи був?
- А тож ни? Ищэ раньшэ тэбэ!
- А дэ ж вона?
- Против нэба на зэмлі!
- Нэ хвастай! Я добрэ знаю, що ты там нэ був.
- Овва!
- От тоби и овва!
- Брэшэш був и усэ там бачыв!
- Що ж ты там бачыв?
- Га?
- Що ж ты там бачыв, пытаю?
- Що я там бачыв?
- Э?
- Усэ!
- А корабли бачыв?
- Що?
- Корабли!
- А то ж як! Щэ-б так нэ бачыв!
- Можэ ты йих нэ бачыв?
- А я йих йив!
- Йив? Ото дурный! Воны ж дэрэвняни!
- Хто?

— Корабли! Хиба йих йидять? На йих йиздять!
— Тю! Так, то я забув! Я думав, що то ти раки, що у мори живуть.

На ридний Кубани (картыны из життя Кубаньских козакив)

1	Задывышся и станэш!
Кубань ричка	Кругом краса
Нэвэлычка	И чудэса!
Як из гир збигае;	Що ж воно за сыла,
Там горама	Що в цим краю,
Та лисама	Як у раю
Вона протикае;	Красоту робыла?
Дали — шышэ,	То робота
Стае бильшэ,	И забота
Нэ так колобродыть	Божойи прыроды
В кинци тыхо	Що ж трудылась
Бэз помихы	Нэ линылась,
До моря доходыть.	Сыпала щэдроты.
Тэчэ Кубань	Що водою
По бэрэгам	Сниговою
Прямо в Чорнэ морэ,	Ричкы поробыла:
По Кубани	Що горама
Писок, плавни,	Та лисама
А там выдно горы,	Край обогатыла;
Горы, лиса —	Рыбы в ричках,
Божа краса	Звиря в лисах
Для ридного краю;	Прыдбала до воли;
Хто там бував,	Сылу добра
Той и выдав,	Кругом дала:
И всэ тэе знае.	На горах и в поли!
За Кубанню	Дэнь настае,
Дужэ гарно,	Сонцэ встае,
Куды нэ заглянэш:	По небови ходыть;
Краса, дыво,	Вси красоты,
Сэрцю мыло,—	Мов бы злотом,
	Визьмэ — позолотыть;

Виковою
Красотою
Всэ стойить та сяе;
Як у рами;
Панорама,
Душу звэсэляе!

2

Нэ жалила
Божа сыла
Дыво скризь робыты
Щоб до вику
Чоловику
Було гарно жыты!..
Колысь давно
Отут жыло
Чэркэсив багато:
Тэпэр мисто
Вэрст на двисти
Козакам зайнято.
Чэркэс, як жыв,
Одно робыв;
Розбоямы живывся;
Ризав людэй,
Жинок, дитэй
И з козаком бився.
И довго так
Бидный козак
Нэ мав тут покою:
Лылася кров
В ночи и дньом,
Литом и зымою!
По тэ усяк,
Старый козак,
Вам добрэ розкажэ:
Як воював,
Дэ лыхо мав,
Щэ й мисто покажэ...
Така була

Страшна и зла
Давняя година;
Пройшылы лыха
Стала тыха
Наша Украина.
Пройшылы года,
Давня беда
Була та й нэмае.
Тэпэр усяк
Жывэ козак
Та писню спивае!..
Бижыть Кубань
Аж у лыман,
А з лымана в морэ;
Нэ зна того,
Якэ було
У козакив горэ.
Бижыть Кубань
По бэрэгам,
Як и раньшэ бигла,
Та й нэ гада
Шо вжэ беда
Дэсь од нас забигла;
Що вжэ занис
Рогатый бис
Лыхую годуу...
Пошлы, божэ
Усе гождэ
В нашу Украину.

3

Тэчэ Кубань
По бэрэгам,
Визмэ — розильэтся;
Нэсэ воду,
Робыть шкоду,
Хто не вбэрэждэться.
По Кубани
Писок, плавни

Скризь верба покрыла;
Миста гарни,
Тильки марно
Пустують без дила;
Бо що-году
Сюды воду
Наганяэ з рички;
И всэ чысто
В води мисто,
Писок и вербычкы.
Комарь граэ,
Та кусаэ
Тут людэй, скотыну;
Корчий ходэ,
Людэй зводэ,—
Кладэ в домовину.
Тут ни жысти,
Ни корысти
Нэма чоловику;
Колысь будэ,
Диждуть людэ,
Можэ в цьому вику,
Як онуки
Од науки
Розуму достануть,
То болота
Рыгнуть златом
И в корысть им стануть.
За вэрбами,
За плавнями,
Кругом на простори,
Стоять лиса,
Мисту краса,
А за нымы — горы;
Сперва — менши,
Дали — бильши,
Вэрхы пиднимають,
Мов бы ростуть,
Угору йдуть,
Нэба досягають...

4

Кубань быстра
Робыть чысто,—
Усэ пидбыраэ;
Що попала,
Потаскала,
Назад нэ вэртаэ.
По Кубани
Злива плавны
Та кущи вербыци,
А направо
Стоять брави,
Багати станыци.
Тут издавна
Жывуть справно
Наши чорноморци;
Хлибець сиють,
Багатиють
Козаки-молодци.
Зоч и голый
Сеп просторый,
Ни красы, ни дыва,
Щате з краю
Аж до краю
Скризь багати жнива.
Од Кубани
Все стэпами,
Аж до Еи-рички,
Сама ныва
Коло нывы
Святойи пшэнычкы.
Не скрасыла
Божа сыла
Горами й лисами,
Так що-году
Для нараду
Укрыва снопами,
Краще дыва,
Як та ныва,

Козаку й нэ трэба:
Хлибец спие,
Колос зрие —
Благодать из нэба!
Нэ пудамы,
А ходамы
Козак зерно возыть;
Нэ у жмэни,
А в кишэни
Грошэнята носыть.
На що горы,
Лис и морэ
Козакови нужни,
Колы в його
И без того
Нэ буваэ нужды.
Бо вин литом
Святым хлебом
Що-году багатый;
Добра вволю
И на двори
И повно у хаты;
И без нужды
Сын для службы
Справный и одитый:
Прыдэ врэмя,
Ногу в стрэмя —
Сядэ тай пойидэ...

5

Нэвэлычка
Кубань-ричка,
Як з гир витикае;
Дньом и ноччу
Бэрэг точэ
И русло миняе.
Миж горами,
Миж лисами

Там стоять станыци
Котри здавна
Дуже справно
Бэрэгли гряныци;
Воювалы,
Гори бралы,
Голови складалы;
Чы багато ж
Наши браты
Там добра досталы?
Чы хлеб сиють,
Багатиють
Их сыны й онуки?
Чы досталы
Щастя й славы
За батькивськи муку?
Ни, як выдно,
Незавидна
Там козацька доля;
Есть там горы,
Лис и морэ,
Та нэмаэ поля.
Нэма доли
Козакови,
Нэма там и щастя;
Дэнь з бидою,
Хлеб з водою,
А там — як удасться.
Прийшли злыдни
Там на три-дни,
А на-вик засилы;
Хочэ выгнать
Козак злыдни,
Та нэмаэ сылы....

6

Чого ж бидно,
Незавидно

Жывуть закубанци?
Чы не вмиють
Хлиба сиять,
Уставать у ранци?
Нэма вдачи,
Чи лэдачи,
На важку роботу,
Щоб робити
Усэ лито
На стэпу до поту?
Так спитаэ,
Хто нэ знаэ,
Як отам живэться;
Як з гиркою
Там нуждою
Бидный козак бьэтся.
Уси вмиють
Хлеб там сиять,
Та нэмаэ миста:
Гори, камни,
Лиса, плавни,—
Всэ зэмя нэчиста.
Лису хватэ
Зробыть хату,
Нигдэ взять пшэници;
Тым-то бидни
И нэзавыдни
Там стоять станыци.
Батькы й диты
Усэ лито
Бьются там з нуждою;
Прыйдэ зима,
Щэ гирш нэма
Никому покою;
В лису усяк
Сыдыть козак
Сокирою цюка;
Навстоячкы,
Навсыдячкы,
Рубаз та стука;

Зиму цилу
На всю сылу
Робыть до загыну;
Стануть руки,
Як два дрюкы,—
Нэ розвэдэ й спыну;
Нарубаз,
Наскладаэ
Лису цилу кучу,
Тилькэ знаэ,
Що до-краю
Сам сэбэ замучыв.
А висною
Знов покою
Нэма козакови:
Трэба той лис
Класти на виз,
Зароблять цилкови;
Трэба рушать
Ущив шукать
У далеким мисти;
Колы верстов
Пройихать сто,
А колы и двисти.
Чы то ж козак,
Що як чумак
Всэ лито в дорози?
Чы то ж добро,
Колы воно
Чысто все на вози?
Чы то життя,
Що без пугтя
Козак з лихом бьэтся
То на вози,
То пид возом
Дньом и ноччу гнэться?
Вибачайте,
Та нэ лайте:
Хоч слава й козака,
А жисть така,

Нудна й гирка,
Нэ людська — собача!

7

Бижыть Кубань
Аж у Тамань
Верстов може з триста;
Воду крутыть,
Писок мутыть
И нэ бува чыста.
Бильше ста лит
Отак бижыть
Пид Катэрынодаром!
Пройшов нэ рик
А цилый вик
Для нэйи нэ даром.
Як бы вмила
Йй хвыля
Розмовляти мову,
Що выдала
Росказала-б
Краще мого слова,
Тилькэ беда,
Що та вода
Балакать нэ вмиэ:
Щось хлюпочэ,
Сказать хочэ,—
Хто ж тэ зрозумие?
А багато
Можна б знаты,
Що Кубань выдала:
Як тэ вийсько
Запорижськэ
Отут зустричала;
Як усатых
Та чубатых
Козакив из Сичи

Тут уздрила
И глядила
Прямо йм у вичи;
Як Чепига,
Сава Билий,
Антин Головатый
З вийском прыйшли
Та й зачалы
Край наш заселяты.
Од Тамани
По Кубани
Ишли пионэры;
Всэ шукалы,
Розглядалы
Для осэли бэрэг.
Ишли тыхо
Нэ на лыхо,
А на добрэ дило;
Розглядалы,
Та спивалы,
Аж сэрдэнько млило:
"Ой годи нам
Журитися,
Пора перестаты;
Заслужылы
Мы в царыци
За службу заплаты;
Дала хлиб-силь,
Щэ й грамоты
За вирний служби;
Теперь уже,
Мыли браття,
Забудэм вси нужды.

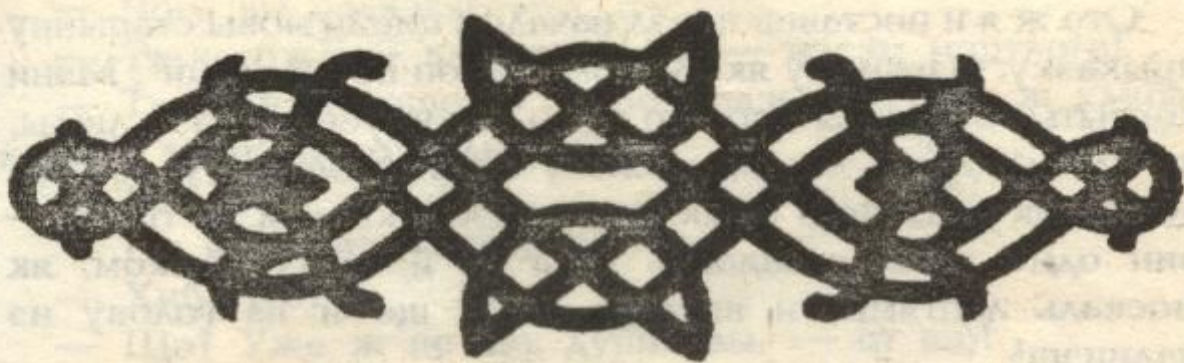
* * *

Так спивалы,
Вымовлялы
Воякы чубати,
Бой на спивы,

Як на дило,
Вси булы завзяты,
Миж лисами,
Комышамы
Тут киш збудували;
Кордонами,
Бекетами
Область оснувалы;
Скризь стоялы,
Выглядалы
Пушкы та гарматы,
Щоб ворогив
З усих крайив

Добрэ одганяты.
По всий зэмлы
Из курэнив
Робили станыци;
И все справно
Та шей славно
Бэрэглы граньци.
Нэ жалилы
Души й тила,
Вирно вси служылы,
Щоб их диты
На цим свити
Жылы — нэ тужылы...

ПЬЯНОМУ, ЯК ДУРНОМУ — ЗАКОН НЭ ПЫСАНЫЙ

Ищэ в давню давныну, та у добру старовыну, колы люды мэншэ балакалы, та по правди робылы; колы на всякому мисци, та пры всякому дили, бильшэ Бога боялись, та щэришэ одын одного поважалы, — так ищэ тоди слово чоловіка було, як золото, а тэпэр стало як смиття, що куды його витэр повие, туды воно и лэтыть.

— Чы цэ ж правда? — спытае хто нэбуць.

— А вжэж правда! — скажу я на отвит.

Для прымиру визьмэм народну писню. Усякии добрэ знае, що вси стародавни козацьки писни, зложэни простым, нэвчэным народом ищэ и дости скризь по станьцям спивають, бо воны усякому прыйшыльсь до вподобы свойимы словамы и гарным музыкальным напивом. Та воно й нэ дыво! Давний простой народ у свою писню вложыв и сэрцэ и душу, через тэ и жывэ та писня нэ одну сотню лит, та щэ довго нэ умрэ, а будэ пэрэходыть из поколиння в поколиння, на славу старынного простого та правдывого козачэства! А чы багато знае, хто новых народных козацьких писэнь? Щось мало йих чуты, а як що дэ й спивають, так нэ багато в йих доброго: ни слова путнього, ни напиву голосного гарного, а бильш такэ — абы ще.

Тэпэр скажэм за старынну народну прыказку. Колысь було, як прыложыть козак до чого нэбуць свое мудрэ та крипкэ слово, так воно так на вики-вични и останэться! А скильки золотого та мудрого розуму народ уложыв у свои прыказкы, що и доси йих люды до своего слова примовляють! Чы чув жэ тэпэр нови народни прыказкы? Можэ дэ и е, та тилькы нэ в нас! Бо нидэ йих нэ почуеш.

Ото ж я и поставив пэрэд началом циейи мовы старынну прыказку: "Пьяному як дурному закон нэ пысаный". Мэни кортыть розказаты про, що колы тэпэр уси твэрэзи люды, на словах дужэ легки, а вжэ у пьяного мова бувае така добра, як свынячий крык: колы трэба, колы и нэ трэба — вин одно знае: раззявить рота та й плэтэ языком, як москаль лаптямы, и выгадуе такэ, що й на голову нэ надинэш!

Стародавни люды усэ прымичалы и про все добру прыказку зложылы. Ото ж и за пьяных людэй нэ мало гарных прыказок: дурному, сказано, и лубок цяцька, а пьяному и морэ по колина! Що у трэзвого на уми, тэ в пьяного на языци. У пьяного язык як у бабы вихоть: нэ бый, нэ волочы — у горилци язык намочы: усю правду скажэ.

Воно так и е. Пьяный своею дурною мовою як колы такого наробыть, що йому смих, а твэрэзому — лыхо. Для прымиру я розкажу, як одын пьяный та колысь дужэ погану штуку удрав: людэй, що нэслы покийныка, на дорози остановыв и отакэ смутнэ дило на глум та на смих пидняв!

Колысь, можэ ужэ й давнэнько, нэслы люды по вульци мэртвого на гробкы. Ну, звисно, цэ ужэ скрызь так бувае, хоч у городах, хоч у станыцях, так уже одно як мэртвого нэсуть, то вжэ бэзпрэминно за труною идуть його родычи, та й плачуть. Так и тут було. Идуть та й плачуть, та щэ так голосно — голосно та жалибно, що аж на души сумно!

Окрим родычив було чымало и других людэй, що й соби провожалы мэртвого до ямы, щоб жмэню зэмли на його кынуть. Колы ось на зустрич, прямо на мэртвяка, идэ якый-сь чоловик никому нэ звистный. Вин був добрэ пьяный и йому сказано так було вэсэло, що дали никуды, а на ногах ищэ добрэ дэржався, бо, выдно, чоловик був крэпкый. Чэрэз тэ никому нэ выдно було, що вин пьяный, а можэ пры такому дили нэ дужэ до його й прыдывлялись.

Пидийшов вин блыжчэ, став насупротыв, та як крыкнэ, пиднявшы у гору руки.

— Стийтэ! Пидождить!

Ну, звисно, на такой окрык уси стали, тай дывляться. Чоловик старый, здоровый такый, и нэначэ аж чогось на всех сэрдытый. А той пидняв свои чорни та густы бровы, глянув на всех сэрдытымы очыма, та з крыком пыгае:

- Чого вы плачэтэ?
— Та чогаж? — кажуть йому: — нэсэм мэртвого!
— Та бачу, що нэсэтэ нэ повылазыло! А вы ж хлеба йому у труну положиылы?
— Ни.
— Ну я так и знав, що ни!
— Хиба що?
— Що? Уже ж не що: дурни вы, — от що!
— Чым жэ мы дурни?
— Тым що дурни!.. А щэ плачуть! Вин усэ равно бэз хлеба нэ лэжатэмэ!
— Чого?
— Того, що голодный нэ влэжыть!
— Що ты плэтэш ?
— А що? Можэ скажэш — брэшу? Чого мэни брэхать, колы я сам був мэртвым и на тим свити був! Так от-же хлеба мэни нэ положиылы, так я й прийшов назад!..
Отакэ, бачтэ, лыхо з пьяним! Що надумав дурною головою, тэ зараз и зробыв! А там чы добрэ, чы ни, за тэ выбачтэ, бо з пьяними завьяжись, так ищэ бильшого лиха набэрэшся!

- Чого вы плачэтэ?
— Та чогаж? — кажуть йому: — нэсэм мэртвого!
— Та бачу, що нэсэтэ нэ повылазыло! А вы ж хлеба йому у труну положиылы?
— Ни.
— Ну я так и знав, що ни!
— Хиба що?
— Що? Уже ж не що: дурни вы, — от що!
— Чым жэ мы дурни?
— Тым що дурни!.. А щэ плачуть! Вин усэ равно бэз хлеба нэ лэжатэмэ!
— Чого?
— Того, що голодный нэ влэжыть!
— Що ты плэтэш ?
— А що? Можэ скажэш — брэшу? Чого мэни брэхать, колы я сам був мэртвым и на тим свити був! Так от-же хлеба мэни нэ положиылы, так я й прийшов назад!..

Отакэ, бачтэ, лыхо з пьняним! Що надумав дурною головою, тэ зараз и зробыв! А там чы добрэ, чы ни, за тэ выбачтэ, бо з пьняними завьяжись, так ищэ бильшого лиха набэрэшся!

Дыво — не горилка!

Ты наша горилка!
Гарна ты, як дивка!
Пьют тэбэ, як воду,
Бо смашна на вроду!
Як ты в свит родылась,
Всэ развэсэлылось;
Сталы вси смияцца,
Та у боки браться!
Яка ты вродыва,
Блида, чорнобрыва;
Добра, смаковыта,
Усим пользовыта!
Хто тэбэ вжывае,
Добро пропывае;
Гарно йому жыты,
Що дня тэбэ пыты,
Пид тыном гуляты,
Там и спочываты.
Добрэ йому спыцца,
Горилочка сныцца,
И чорт йому радый,
Бо сыдыць иззаду!
Довго будэ спаты,
Силу набыраты;
Як раз сэрэд ночы,
Як пролупа очи,
Пидвэдэ кудлату
Голову завзяту,
Та й сыдыць гадае:
Дэ вин пробувае?
Встанэ кругом тыка

Свою страшну пьку,
Вэрзэ дурну мову,
Срамну, бэзтолкову!
Пидэ над дошкамы,
Кривымы ногамы,
Як прыйдэ до дому,
Наробыть содому,
Жинку бье та лае,
Дитэй розганяе,
И крычыть, лютуе,
Як дурный гвалтуе;
А як сьл не хватэ,
Впадэ сэрэд хаты,
Лэжыть, важко дышэ,
Ротом-носом чмышэ,
Рэвэ, як звиряка,
Або товоряка,
З рота выкыдае,—
Мов вин пропадае!..
Такэ робыть дыво
Горилка шкодыва,—
Чы така вжэ доля
Наша нещаслыва?
Чы нэма в нас сылы
З нэю росквытаться,
Щоб ужэ до смэрты
Бильш не напиваться?

*1 июля 29 дня 1911 року.
Ст. Незамаивка, Куб. обл.*

Нич

Ой, ты нич-ничэнько!
Ты, наша матинко!
Ой, ничко мисячна!
Ой, ничко зоряна!

Ты нэбом тэмнэнькым
Кругом покрытая:
Жовтымы хмаркамы
Гарно обряжэна:
Яснымы зиркамы
Уся обсыпана!
И мисяць вирный друг,
Прыятэль давний твий,
Як начэ човэн той
По морю сыньому,
Так вин по нэбови
Всэ ходыть-плавае,
По нэбу ходыть вин,
Нэначэ граецься,
Як будто з хмаркамы
Гуляе в пижмуркы.
То вин за хмарочку
Визьмэ сховаецься
То знову выглянэ,
То впять ховаецься.
А ты, нич тихая,
Ясна ты зоряна,
Як тая матинка
Свою дытыночку,
Так ты ввэсь Божый мыр
Прыкрыла-вкутала!
И Божый мыр увэсь,
И всяка тварь жыва —
Заснуло всэ кругом,
Тобою вкрытые.
И спыть всэ тихым сном,
Всэ мырнэ добрэе:
Тилькы зло-злючэе
Нэ спыть ворущыться!
Як тая гадына
Дэ-нэбудь скрутыться,
Так зло тэ лютэе
В ночи ховаецься!
И нэма сна йому,
Нэмае отдыху

И дэнь и нич воно
Нэ спыть та мучыцца!
И тэмна ничэнька,
Як добра матинка,
Нэ проспыть лютого
Зла нэвсыпучого...
То мабуць Бог святы,
Так покарав його,
Що дэнь и нич тэ зло
Без сна, бэз отдыху!

Старынная песьня про славного козака МОРОЗА

Ой, Морозэ, та Морозэнку,
Ой, ты славны козачэ!
За тобою, та Морозэнку,
Вся Украйна плачэ!
Та нэ так тая Украйна,
Як тэе гордэ Вейско...
Ой заплакала Морозыха,
Идучы рано на мисто.
Ой заплакала Морозыха,
Та й стала тужыты,
Що взялы йи сына Мороза
У вейско службыты.
— "Нэ плач, нэ плач, та Морозыхо,
Об сыру зэмлю нэ быйся,
Ходим з намы, з намы козакамы,
Та мэду-вына напыйся!"
— "Ой, чоґось мэни, панове-браття,
Мэд-вино нэ пьеться,
Ой, дэсь мий сын Морозэнко
З турком-швэдом бьеться.
Ой щось, браття, пэрэд двором
Сызый орэл вьеться,
Мабуць мий сын Морозэнко

Назад нэ вэрнэтыся!"
У нэдилю та ранэсэнью,
Та щэ до схид сонця,
Ой, плакала Морозыха,
Сыдя у виконця.
— "Ой, щось рано ранэсэнью
Став мак розпускатся:
Мабудь мий сын Морозэнко
В нэволю попався
О за вашою та граныцэю
Швэдын з ляхом бьеться
Нэхай бьеться, рубається,
Вин у тому кохається:
Нэхай бьеться та воюється,
Йому Бог нэ поможэ,
Ой як прыйдэ та Морозэнко —
Всих до долу положэ!
Ой, з-за горы, з-за крутойи
Гордо вийско выступае:
Поперэду та Морозэнко
Сывым конэм грае.
Ой прыхылыв головоньку
Коньку до грывы,
Ой розпустыв чорни кудри
Коню до копыта.
Иды, иды сывый коню,
Тыхою ходою
Зостринэмся из ордою
За быстрою рикою
Ой, нэвыспив та Морозэнко
На конька систы,
Обступылы Морозэнка
Турэцкйи вийска
По тим боци запоржци
Покопалы шанци
Ой, пиймалы Морозэнка
У нэдилю вранци.
Ой, нэ даром ранэсэнью
Той мак розпустывся,—
Ой, ужэ-ж наш Морозэнко

В нэволю попався!
Продавай жэ, матусэнько,
Волю та коровы,
Та выкупляй свого сына
З тяжкойи нэволи.
Продавай жэ, матусэнько
Бычкы та тэлыци,
Ты выкупай свого сына
З сыройи тэмныци!
Нэ лай мэнэ матусэнько
Гризнымы словамы,
Схамэнэшся, обильешся
Дрибнымы сьозамы.
Як узялы Морозэнка
На гострий спысы
Та понэслы Морозэнка
У тэмнийи лисы
— "Та вяжы, вража татарюго,
Назад руки стуга...
Будэ на вас, козаченькы
Вэлыка потуга.
Ой, вывэлы Морозэнка
На Савурь-могылу,
Подывыся Морозэнку
На свою Вкрайину!
Подывыся Морозэнку
Чы далэко выдаты,
Ой, час тоби, Морозэнко,
Сыру зэмлю глодаты!
Посадылы Морозэнка
На дубовой лавци
Знялы з того Морозэнка
Кармазин, сапьянцы.
Посадылы Морозэнка
На стальним колочку:
"Скыдай, скыдай Морозэнку,
Шовкову сорочку".
Посадылы Морозэнка
На билэ рядэнцэ,
Ой, выйнялы з Морозэнка

Кровавое сэрцэ!
Познімалы с Морозэнка
Всі чэрвони стрічкы,
Куды вэзлы Морозэнка —
Там кровьяни ричкы!...
Разкопалы Морозэнку
Глыбоку долыну.
Высыпалы Морозэнку
Высоку могылу.
Ой, чый жэ той сывый конык
По табуни ходыть.
Ой, то ж того Морозэнка
Що по свиту нэ ходыть!
Ой, чый жэ той сывый конык
По табуни грае?
Ой, то ж того Морозэнка,
Що на свити нэ мае!
Ой, чый жэ то сывый конык
По табуни скачэ?
Ой, то-ж того Морозэнка,
Що вся Вкрайна плачэ!
Насыпалы Морозэнку
Высоку могылу:
"Дывысь, дывысь Морозэнку,
На свою Вкрайину".
— "Чомусь мэни мылэ браття,
Вкрайна нэ мыла,
Тилькы мылуй, мылэ браття,
Мий конычок сывый.
Осидлайтэ коня мого,
Та повьяжить зброю,
Нэхай бижыть на Вкрайину
Та до мого дому".
Прылытила зозулэнька,
Та й сила на лисци,
Пытається Морозэнка
"Чы хочэш ты йисты?"
— "Нэ хочу я, зозулэнько,
Ни пыты, ни йисты.—
Ой, занэсы до матинкы

Та тяжкийи висти!"
Прылэтила зозулэнька,
Начала куваты:
"Выйды, выйды, Морозыхо,
Морозова маты!"
Прылэтила зозулэнька,
Сила на воротах:
"Выйды, выйды Морозыхо
В чэрвоных чоботях.
Ой, як выйшла Морозыха
Угустийи лозы —
Ой, облылы Морозыху
Дрибнэнькийи сльозы:
— "Чы чулы вы, сусидонькы,
Якый сон приснывся?
Ой, що вчора извэчора
Мий сын ожэнывся!
Ой, узяв вин в чистим поли
Вирную дружыну:
Высоку могылоньку,
Хрэст та домовыну!"
Ой, Морозэ, Морозэнку,
Ты славный козачэ!
За тобою вся Вкрайна
Тяжко-важко плачэ!

**Старынна запорожська песьня
про козака Супруна***
(3 народных уст.)

Гэй, не знав козак,
Та не знав Супрун,

---

* При составлении текста настоящей старинной казачьей песни автор пользовался отчасти некоторыми печатными источниками и собственной записью различных вариантов этой песни от старых казаков-кубанцев, чем достигнута возможная полнота текста этой песни.

Як славонькы добуты,
Гэй, зибрав вийсько,
Славнэ запорижськэ
Тай пишов орду быти!
Гэй у середу,
Та рано-ранэсэнько,
Вийско в похид выступае;
А по-пэрэду,
Бравий козачэнко
На коньку грае.
То-ж нэ простый козак,
То козацький батько,
Наш Супрун завзятый,
А на йому броня
В серебри-злати,
В дорогу одиж убрый!
Йидэ Супрун,
Йидэ наш батько,
Коньчэньком грае,
А сам — молод
Прыхылывсь до гывы,
До конька промовляе:
"Иды, мий коню,
Та не поспишайся,
Тыхою ходою,
Зостринэмося скоро
З прэвражою ордою.
Та за Днипром рикою!"
Гэй, у суботу,
Та против нэдили,
Супрун из ордою стявся;
Гэй, а в нэдилю,
Та в полудню годину
Сам у нэволю попався.
Ой, як почалы
Прэвражи мурзакы
Козака Супруна вязаты,
Ой, став козак,
Та став Супрун
Зтыха голос промовляты:
— "Ой, не вяжыть мэнэ,

Прэвражи мурзакамы,
Та назад ручэнькамы,
Та выведить мэнэ,
Прэвражи мурзакамы,
Та из моимы козакамы.
Ой, выведить мэнэ,
Прэвражи мурзакамы,
Та на Савурь-могылу,
Ой, нехай жэ я
Стану — подывлюся,
Та на свою Вкрайину!
Ой, не вяжыть мэнэ,
Прэвражи мурзакамы,
Та назад рукамы,
Та пустить мэнэ
В чистэе полэ,
Та погулять з козакамы". —
— "Гэй, було-б тоби,
Супрунэ-козачэ,
Та нашої башты не рубаты,
Як хотив ты
У чистому поли,
Та з козакамы гуляты!
Та було-б тоби,
Супрунэ-козачэ,
Нашої орды не займаты,
Як хотив ты
На своей Вкрайини
З козакамы пануваты!"
Высока могыла,
Шырока долина,
Сызокрыл орэл литае;
Гэй, стоить вийско,
Славнэ запорижськэ,
Та як мак процвитае!
— "Ой, пышить лысты,
Та мылэе браття,
Аж у Сичь до кошового,
До начальныка
Нашого вийскового

Та товарища мого:
Ой, нэхай жы вин
Супрунового коня вороного
Та за бэзцинок избувае,
Ой, нэхай жэ мэнэ,
Козака Супруна,
Та з нэволи выкупляе".
— "Ой, не хочу-ж я
Супруновэ добро
За безцинок избуваты,
Ой, не хочу-ж я
Козака Супруна
Из нэволи выкупляты.
Гэй, колы хотив
Та козак Супрун
Та у Сичи пануваты,
Гэй було-б жэ не брать
Вийска запорожського
Та не йты воюваты
— Гей ты, козачэ,
Козачэ-Супрунэ,
А дэ ж твои голубии жупаны?
"Гей, мои жупаны
Повдягалы ханы,
Менэ ж закувалы в кайданы".
"Гэй ты, козачэ,
Козачэ-Супрунэ,
А дэ твои воронии кони?
"Гэй, мои кони
В хана на препони,
Сам я молод у неволи"
— Гэй ты козачэ,
Козачэ-Супрунэ,
А де ж твои рушныци?
"Гэй, мои рушныци
В хана у свитлыци,
Сам я молод у темныци!"

Августа, 1 дня 1911 року.
Станиця Незамаивка, Куб. обл.

Добра казацька вдова,
гарна Шэвчыха чорнобрыва

Ой, як жыв козак Швэць,
Був вин швэць,
Щэ й кравэць:
И хазяйство вин мав,
И ходобу прыдбав:
И одэжу вин шыв,
И щэ й чоботы строчыв:
Чэрэвыкы латав
Та копийку збывав
В його жинка була
Прэхороша, молада:
А хазяйка така,
Як бувае в козака!
Ой побыла Шэвця
Та лыхая годына,—
Бо його Шэвчыха
Дужэ нэ злюбыла!
Загадала Шэвцю
Чэрэвычкы шыць
З комарэвойи шкуры,
Шэвчыси до натуры,
Згадав йий Швэць
Дратовку прясты,
З тонкойи паутыны,
До билойи щэтыны.
Загадав йий Швэц
Билу постиль слаты
На тихому Дунаечку,
З клэнового лысточку.

А Шэвчыха молада
Билу постиль пастэлыла
Посэрэду Дунаечку,
З клэнового лысточку.
— Иды ж, мий дружэ,
Иды чоловичэ!
Ужэ послано хутэнько,
Лягай ты мое сэрдэнько!
Як лиг Швэц на постиль
Та й нэ вэрнувся видтиль!
Постиль розийшлася,
На боки подалася,
Лысточок пирнув,
И з ным Швэц потонув,
Шэвчыха засталася,
Горэнька набралася!
Ой, прыйшылы сваты-паны
Сватать козацькойи вдовы:
— Здорово, вдовонько
Зэлэна дибровонько!
Бувай ты здорова,
Та всим щаслыва,
И до всех людэй
Добра та мыла!
Скажы вдова
Гарна молада
Чы ты багато волив маешь,
Чы ты мэни
Правду скажэш?
Отвичала вдова,
Гарна Шэвчыха
Чорнобрива:
— А у мэнэ волив
Аж на сим плутив,
Був-бы ты хазяйином
Добрым нэ плохым!
Ой прыйшылы сваты паны
Сватать козацькойи вдовы:
— Здорово, вдовонько,

Зэлэна дибровонько!

Та всим щаслыва,

И до всих людэй

Добра та мыла!

Скажы молода,

Чы ты багато

Коров маешь?

Чы ты мэни

Правду скажэш?

Отвичала вдова,

Гарна Шэвчыха

Чернобрива:

— А у мэнэ коров

Як у лиси ворон,

Був бы ты хазяйином,

А бы був здоров.

Ой прыйшлы сваты паны

и т. д.

Скажы вдова,

Нэ потай, молода

Чы ты багато

Овэць маешь?

Чы ты мэни,

Правду скажэш?

Отвичала вдова

Гарна Шэвчыха

Чернобрива:

— И у мэнэ овэц

Та повнэнькый хливэць,

Був бы ты хазяйином,

Добрый молодэць.

Прыйшлы сваты паны

и т. д.

Скажы, вдова,

Вэсэла молода

Чы ты багато

Свынэй маешь?

Чы ты ж мэни

Правду скажэш?

Отвичала вдова
Гарна Шэвчыха
Чорнобрыва:

— Я своим свыням
и щот погубыла,
Був-бы ты хазяйином
Усього б хватыло.
Прийшлы сваты паны
и т. д.

Скажы вдова
Гарна молода
Чы ты багато
Хлиба маешь.
Чы ты ж мэни
Правду скажэш?
Отвичала вдова,
Гарна Шэвчыха
Чорнобрыва:

— А у мэнэ хлиба
Повэн амбар,
Був бы ты хазяйином
Та ищэ б прыдбав.
Прийшлы сваты паны
и т. д.

Скажы вдова,
Та по правди молода:
Чы ты багато
Диток маешь?
Чы ты ж мэни
Правду скажэш?
Отвичала вдова
Гарна Шэвчыха
Чорнобрыва:

— У мэнэ диток
Повнэнький куток!
А цэ ж щэ нэ вси,—
Половына в вивси,
Сэмэро ячминь вяжэ,—
Чорт тоби правду скажэ!

Судди слобидськи — пьяныци мырськи*

Сыдили раз на прызьби Кузьма та Охрим,
И спэрва балакалы про блыскавку й грим;
Щыталы, чы хватэ чого для зимы,
А дали й пытае Охрим у Кузьмы:
— "Чы то-ж то, Кузьмо, одын чын такый,
Що суддя мыровый и що суддя слобидьскый?
А Кузьма и кажэ: "То-ж то и чудасия,
Що есть миж нымы трохы разноция;
Вона там нэ дужэ и взлыка,
Як одлычае рэминэць от лыка.
Я йих добрэ распизнав,
Бо у обох судах побував.
Був я на суди у того мырового
За отого Панька Кривого;
Був и у оцих суддив слобидьскых
За отих мотив, жыдив канальскых.
Так у отого мырового,
Як у Бога святого,
Що и "ты" нэ скажэ ни на кого!
У його уси ривни:
Що бидолаха,
Що сиромаха;
Хоч и богатый наврапыться,
Так там зараз и покорыться!
А як був я у наших суддив слобидьскых,
У тых пьяныц мырськых,
Так дужэ йих диламы дывувався,
Та щэ й лыха в йих набрався!
Воны тоди суд начынають,
Як из шынку прычвалають;

* Это стихотворение — сатира на сельских судей — издавна распространено в нашей области и встречается повсеместно в рассказах простонародья, в различных вариантах; возможно, что это труд неизвестного случайного автора — выразителя народного мнения о местных судах, а скорее всего — оно есть оригинальный образчик народного творчества. Настоящий текст составлен из нескольких вариантов, записанных от казаков в разных местах.

Александр Пивень.

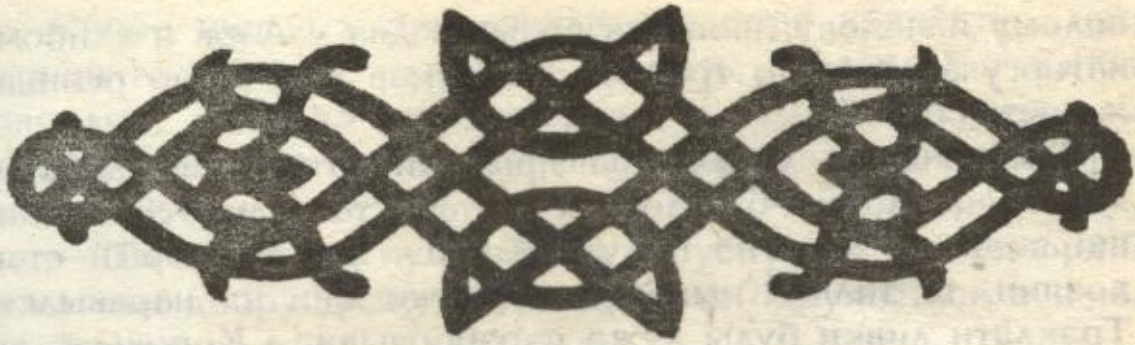
Хоч як йим докажэш правду,
А як бидный, так будэш иззаду.
А сопирнык твий Киндрат
Сыдыть из судьямы пид ряд,
Та шурхонэ рукою в кышэню,
Та вытягнэ грошэй жмэню.
Та й побрязкуе, нэначэ-б то нэвзначай,
А тоди й дякуе судьям за обычай.
— "Я, кажэ, здалэка прыйихав,
Нэ обидав, и нэ снидав;
Ходимтэ, поглядым дорогу,
Куплю квартиру, йий-же-Богу!"
А судди, не змагавшысь,
За шапки побравшысь,
У старшыны не спросылысь,
А вжэ у шынку опынылысь;
Та й сыдять там, кружають.
Та людэй у суд дожыдають.
Оглядився дали старшына,
Що суддив на мисти нэма,
Та своему дэсятчыку и приказуе,
Щэ й крипко йому наказуе:
— "Бижы, Грыцько, суддив зажены,
Та гляды и сам там нэ ковтны,—
Бо ужэ обидняя годына,
А воны щэ никого й нэ судылы!"
Идуть судди из шынку, тыняються,
Та дорогою об дошки обпыраються,
Поспишають людэй судыть,
А сами тилькэ вмиють горилку пыть!
Старший ссудя сив, узяв кныгу в руки,
Та карандашэм по чорнильницы й стука,
А други судди поруч посадалы,
Рукамы борода попидпэралы;
А жалобщык розказуэ пэрэд нымы,
Пиднявшы угору плэчыма:
— "Доки мэни, господа судди, стоять
Та тилькэ отут слыну ковтать,—
Пора ужэ мое дило розибрать!"
А суддя старший як зыкнэ,

Та на жалобщыка як крыкнэ;
— “А цыть лышэнь! Нэ базикай!
Ты оскорбыв чоловика!
Вин — хазяин, а ты — лэдащо!
Хоч и быв тэбэ, так було й за що!
Тоби трэба пэрэд ным покорыцца,
Та у ногы йому уклоныцца!
А як нэ хочэш його просыць,
Та нэ будэм змырщыны пыць,
Так доведэцца тыждэнь у холодний сыдць!”
А дали почнуть и свидкив штрахуваты,
Та у холодну йих сажаты..
Одно, другэ дило розибралы,
Та вжэ й шапкы в руки побралы,
А дали у шынку опынылысь,
Та ще й кажут: “Як мы з диламы забарылысь!”
Тоди в шынку вси дила кинчають,
Змырщыну пьют та гуляють,
З богатымы заодно коверзують,
А з бидных тилькэ всэ глузують;
И до тых пир там кружають,
Що и в свий двир ужэ нэ попадають,
А дэ кому впасты случыцца,
Там йому добрэ и спыцца!
А як проснэцца, туды-сюды оглядаецца,
Та й додому тыхэнько попхаецца.
Ужэ й трэти пивни спивалы,
А жинкы суддив додому дожыдалы.
Добувся суддя вэлыкои славы,
Прыйшов додому та й сив на лави,
А жинка излазыть из пэчи,
Та й говорыть до його таки рэчи:
— “А дэ ты, бисив сыну, шлявся,
Та цилисиньку нич тягався?”
— “Цыть, жинко!.. Дила багато мы наскладалы,
Що аж до самого свита разбыралы!..”
— “Зроду я тому нэ повирю,
Анахтымова ты невиरो!

Бо й товариш твий Кырыло
Обдутый, мов барыло!
Вын був умести з тобою,
А спав на грэблю пид вербою,
А ты, мабуть, у будяках,
Бо вся голова у репьяхах!"
— "Оцэ яка сь зла лычына
Посмиялась за очыма!
Як я законы толкував;
Так хто-сь у шапку рэпьяхив наклав;
А я иты додому поспишыв,
Та нэдывлячысь на голову й надив..."
— "Годи тоби брехнею оправдаться,
Лизь ужэ на пичь высыпяться!
Бо до тиеи суботы
Ище бильше будэ вам роботы!
Щоб ище бильшэ смиху не наробылы!
Щоб усього чисто у рэпьяхы нэ облипылы!"

*Августа, 23 дня 1911 року.
Станиця Незамаивка, Куб. обл.*

ЧИ ПОМОГАЕ ГОРИЛКА У ДОБРОМУ ДИЛИ?

Нэ дужэ давно у нашый станыци було одно чуднэ сватання. За його я и хочу расказать добрым людям на смих та на розвагу.

Чи чулы вы про козака Голыстрата Сэмэновича Коровьяка? Можэ чулы, а можэ й ни.

Колысь вин був добрый козак! Из службы вин вэрнувся бонбардиром, занявся хозяйством та посивом хлеба, и годив чэрэз тры став дужэ добрый хозяин. Завэлась у його и скотынка, и вивци, и конячкы; а хлеба святого що году сияв такы чы мало: десятын по пятнадцать, або и по двадцать, сам убырав його, сам и на продажу одвозыв. И завэлысь у Коровьяка добры гроши. Скоро настроив вин у двори всякой хозяйской постройкы, расплодив свынэй, та розвив птыцю и став хозяин хоч куды!

Одно тилькэ було у Коровьяка нэ ладно: нэ було у його ни батька, ни матэри, и сам вин до циеи поры був нэ жонатый. Вин до службы був сырота, и жэныть його було никому, так и пишов вин на службу холостым. А як вэрнувся додому, так задумав спэрва нажыть хозяйство, та тоди ужэ и жинку добру узять, бо вин був якось трохы чудный, нэ похожий на других людэй. Усякэ дило робыв по-своему!

Жыла у його в доми тилькэ сэстра його ридна з хлопцэм, годив пятнадцаты; вона була вдова, бо чоловик ии як пишов на службу, так и нэ вэрнувся назад: на полковому учэньи упав с коня та й убывся до смэрти! Знымы Коровьяк и заправляв своим хозяйством.

Прийшло лито, а за ным скоро наступыла и осинь. До Покровы управывсь Коровьяк на стэпу, пэрэвозыв додому

солону й полову, зйиздыв розыв з два у Азов з хлибом, наторгував чымало грошэй и задумав вин циею осэнью жэнытьця.

Богато було у його на примити у станыци добрых дивок, що можна-б було йих сватать, та тилькэ знав вин, що воны за його нэ пидуть, бо хоч вин и добрый став хозяин, та тилькэ ныкому из дивчат вин нэ наравылся. Трэкляти дивки були дужэ пэрэборчыви, а Коровьяк, як на тэ, був дужэ такы нэкрасывый з выду чоловик: голова була красна, борода рыжа, а на лоби та на щоках чымало було ряботынния од виспи, и яка дивчына нэ глянэ було на його, так зараз и одвэртається, або и гэть утичэ,— нэ хочэ з ным и балакать. А тут ищэ, як на грих, стала по станыци ходыть чутка, що Коровьяк дужэ з цыганамы зазнався, часто конэй миняе, та усэ кудысь йиздыть частэнько на дэнь або й на два, та нэ в дэнь йиздыть, а бильшэ вэчэром, або в глупу нич.

Скоро пишов по миж людэй поговир, що Коровьяк знається з ворами и займається конокрадством. А оцэ нэдавно, як случылась у станыци вэлыка покража конэй, стали Коровьяка частэнько у правлэние тягать, та до польщэйского урядныка, на якыйсь допрос. И пишла по станыци балачка, що вин попався на воровстви тых конэй, бо чэрэз допрос у польции выйшло так, що нэначэ б то Коровьяк выдав тых конэй чужым ворам.

Ну, як бы там нэ було, а тилькэ Коровьяк задумав нэбэзпрэминно жэныться! Намитыв вин соби пидходящу дивку и став шукать добрых сватив.

Жыв блызько коло його такый як и вин козак, добрый його прытэль, Сэлыхвот Буглак. Був вин чоловик вэсэлый и до всих прыятный, добрэ умив балакать и пошуткувать з людьмы и для такого дила був як-раз пидходящий чоловик.

Поклыкав його Коровьяк до сэбэ у хату, поставыв на стил пыв-кварти горилкы, сала та пырижкив з потрипкою, а тоди посидалы у двох до стола.

Зачала бутылочка ходыть по столи та кланяться йим нызэнько; кланяйється до йих з привитом, та щэ й булькочэ яко-сь вэсэло, а воны бэруть чарочки у руки, пьють горилку та й соби до нэи кланяються, та закусюють салом та пырижкамы.

Скоро пишла у йии вэсэла мова про хозяйство, про конэй та скотыну; стали выщигувать, скилькэ Бог хлеба зародыв, скилькэ хто продав, та чы богато грошэй наторгував. Довго воны балакалы проусяки дила, а пры кинци Буглак и кажэ:

— Та що цэ вы, кумэ, идоси парубкуетэ? Чы нэ пора-б ужэ вам добру дивку пидглядыть та одружыться з нэю, щоб своя хозяйка в хати була?

— Та дэ там нэ пора! Я и сам знаю, що давно ужэ пора!

— Ну, так чого-ж вы дримаэтэ? Хиба мало добрых дивчат у нас у станыци? Хозяйство у вас, слава Богу, чымалэ, трэба давно ужэ до його доброй молодойци, щоб швыдэнько скризь повэрталась, та за усим хлопоталась!

— А звисно, що трэба!

Дужэ, та й дужэ обрыдло жыть самому бэз жынкы. Такэ жыття гиркэ одному, як тому бидному собаци на пэрэлази! Воно хоч и есть у мэнэ сэстра в доми, та тилькэ нэма мэни од нэи такого прывиту, и всэ у мэнэ на души сумно, та нэ вэсэло!

— Звисно, що одному в свити жыть бэз дружыны и сумно, и гирко. Хиба забулы вы, кумэ, як про цэй случай у писни спиваэться:

"Ой, знаты-знаты, хто нэ жонатий,—
Лычэнько билэе, як у паняты!
Та беда-беда нэжонатому,
Як тому горцыку та щэрбатому:
Кыпыть, скицае та всэ сплывае,
Дэ нэ обэрнэться,— добра нэ мае!
Сам я нэ знаю, чом нэ жэнюся,
Пиду я в ричэньку, та й утоплюся".
— "Ой, нэ тоныся — душу загубыш,
Ходим винчатся, колы ты любыш!.."

— Оця писня чысто про мэнэ зложэна,— добавыв Коровьяк, прослухавшы писню.

— Ну, так чого ж вы, кумэ? Хиба дожыдаэтэ, покы вам колодку добру до нии привьяжуть!

Слава Богу, и хлеба набралы цього лита чымало, и грошэнята у вас есть! Так як ужэ правду казать, так

мэни давно кортыть на сватьби у вас погулять, горилкы до смаку выпыть, та з молодыцями гопака потанцювать!

— А що, кумэ, вы думаетэ? Признаться вам, я и поклыкав вас до сэбэ, щоб побалакать за оцэ дило. Хочу просыть вас, щоб вы булы у мэна сватом. Що вы на цэ скажэтэ?

— Та що скажу? Як намытылы мэна сватом, то одмагаться нэ буду, а тилькэ скажу вам, що ище зроду я нэ був ни у кого сватом, так можэ не зумию. Чы не пошукать сы вам кого старищого, що ужэ нэ раз був у такому дили?

— Эгэ, кумэ! Кажэтэ, що нэ будэтэ одмагаться, а ужэ одмагаетэсь! Нащо мэни шукать лучшаго чоловика у сваты, як вы самый пидходящий сват и есть. Вы добрэ мэна знаетэ, мы ужэ давно миж собою по сусидському хлиб-силь дылымо, а на щот сватання я думаю, що цэ дило нэ такэ ужэ дужэ хитрэ, щоб воно вам було зовсім нэ звиснэ. Як захочэтэ, так зробытэ усэ, як слид. От тоди, Бог даст, и погуляемо добрэ на сватьби, и потанцюемо, так як и у добрых людэй скризь робытэсь!

— Так щож, кумэ, я нэ од того! Чы так, то й так! На сватання збираться дужэ нэ трэба: рушнык та паляныццо пид руку, тай гайда!

— Ну, от и спасиби вам!

— Ни, кумэ, пидождить ищэ дякувать! Як зроблю дило як слид, тоди и будэтэ дякувать. А тэпэрь скажите лучшэ, дэ жывэ та дивка, що будэм сватать?

— Та у мэна йих на примити богато, тилькэ нэ знаю, котора з йих за мэна замиж пидэ!

— То правда, кумэ, яка з йих Богом для вас сужэна, того нам узнать нэльзя, а тильке всэ такы усих-же сразу сватать нэ будэм, а трэба выбирать одну, яка вам бильшэ других уподобалась.

Бильшэ всих у мэна на мысли Одарка... Будляньского дочка...

— Якого Будляньского?

— А Овэрьяна...

— А, знаю-знаю... Добра дивчына! Оту як бы нам высватать, так лучшой и нэ трэба! Та и батько у нэй диловитый чоловик и хозяин добрый; той-бы, начэ, и пидмогу вам у хозяйстве зробыв, бо вин чоловик богатый

и грошовытый... Тилькэ от що, кумэ, одному мэни якось нэ сподручно на сватании, трэба мэни ищэ доброго пидбрэхача... Нэ наетэ вы, кумэ, кого-б цйого гукнуть до пары?

Нэ прыдумаю, кумэ, кого-б такого поклыкать... Можэ вы сами найдэтэ?

— Ну, нэхай, можэ я и сам найду.

Тилькэ воны отак побалакалы, колы у хату увийшов цыган Кырыло; вин був добрэ знакомый Коровьякови и частэнько до його йиздыв.

— А здорови булы, добри людэ! И вы, дядьку Голыстрат, и вы, дядьку Сэлыхвот! Як сэбэ маетэ, як поживаєте, про-що добрэ стоит робытэ?

— Здрастуйтэ, Кырыло Радывоновыч! Оцэ спасыби вам, що зайихалы! Проходьтэ-ж до столу, та сидайтэ, я налью вам чарку горилкы з дороги, а тоди ужэ скажу, про що у нас с кумом балачка идэ.

Так прывитав цыгана Коровьяк и зараз посадыв його рядом з Буглаком и налив йому добру чарку горилкы.

— Ну, посылай жэ вам Божэ усякого добра!

— Спасыби! Кушайтэ на здоровья! Та закусить салом та пырижкамы.

Цыган пэрэкынув швыдэнько чарку у рот и зараз допався до сала та пырижквив, бо як выдно був голодный. Писля того уси выпылы умести ище чарок по дви горилкы, а тоди Буглак розказав цыганови, що Коровьяк хочэ жэныться и просэ його у сваты.

— Оцэ добрэ вы надумалы, Голыстрат Сэмэновыч! Давно ужэ пора соби пары шукать! А то послав вам Бог хозяйство добрэ, а хозяйкы до його нэма, и совиту доброго у хозяйскому дили ни с кым зробыть. Нащо ужэ мы цыганы: йиздымо по билому свиту и хозяйства ниякого нэ маемо, тилькэ й добра, що шатро та повозка, а и то у кажного цыгана йе своя жинка, щоб вэсэлищэ жыть на Божому свити... А вам, Голыстрат Сэмэновыч, бэз хозяйкы нияк нэ лычыть!.. Кажна пташка, кажна звырына соби пары шукае, щэ й диток кохае, а вы-ж такы чоловик!..

— Правду вы кажэтэ, правду... Оцэ-ж я и надумав, щоб нэ бэзпрэминно циею осинью ожэныться...

— Ну нэхай жэ вам Бог помога у доброму дили. Та

пошлы, Божэ, щоб дивка вам така досталась, щоб кращои и добрийшой нэ було ни у кого на всю станыцю.

— Спасыби за добрэ слово!

— О, нащот дивки вы мовчыть! — сказав Буглак.— Мы таку выдэрэм, що и справди лучшой и красывийши жинкы ни у кого нэ будэ! — Та дай-то Господы! Глядить тилькэ и вы, дядьку Сэмыхвот, добрэ постарайтэсь!

— Та вжэ колы взявся, так думаю дило зробыть як слид! Трэба тилькэ мэни доброго товарища, щоб, знаэтэ, спидручнишэ дило пишло, та воно и скризь так роблять: сват сватом, а до його трэба щэ й доброго пидбрэхача; сват бильшэ правду одну кажэ, а товариш його по-троху пидбрэхуе, а воно выходыть и в лад!

— Эх, погано, що я у такому дили нэ був,— кажэ цыган.— А то-б и я оцэ пийшов-бы з вамы у пидмогу, щоб угодыть Голыстрату Сэмэновычу, за його хлиб-силь, та за прыятэльство!

— А що вы думаетэ? Я сам такый, як оцэ и вы, Кырыло Родывоновыч! И я ныколы нэ бував у такому дили!.. Як що охота у вас йе, так и ходимтэ у двох. Воно дило нэ дужэ хитрэ, звисно, трэба тилькэ балакать, як слид, щоб нэ мовчаты... Та вы ж и людэй у станыци добрэ знаэтэ, та и вас уси знають и шанують, як доброго цыгана, нэ в прымир другим цыганам...

— Та воно правда, мэнэ такы добрэ у станыци людэ знають, а тилькэ можэ нэ зумию, так щоб дила вашого не споганыв...

— Чого-ж там споганытэ? Нэ бийтэсь, так повэрнэм свое дило, як и справжни сваты! А тилькэ буду хвалыть нашого молодого, або там що другэ казать, а вы одно знайтэ: щоб я нэ казав,— усэ добавляйтэ та пидбрихуйтэ,— от воно и добрэ будэ! Оцэ тилькэ и вашого дила: мовчаты нияк нэ мовчыть, а усэ добавляйтэ!

— Як що так, так цэ и я вам у пригоди стану! Я до цього з мальства звучэный! У нашому цыганському обихидку, чы продасы що, чы проминяеш, а бэз того нэ обиходытьсэ, щоб нэ набрэхав цилу кучу! На такэ дило мэни учытьсэ нэ трэба, бо з цього мы хлиб йимо. Чы правду я кажу, Голыстрат Сэмэновыч?

Коровьяк и Буглак засмियाлись, а за нымы зарэготовався и цыган.

— Що правда, то правда, — сказав Коровьяк. — Цыганэ брэхнэю тилькэ и на свити жывуть! А вы-ж такы, Кырыло Радывонович, нэ послэдний миж цыганами, а мабуць самый пэрвый. Лучшэ вас нихто конякы нэ продаст и нэ промыняе...

— Ну, от и добрэ! — пэрэбыв Буглак. — Тэпэрь я бачу, що лучшего пидбрэхача мэни и шукать нэ трэба! Ну, а колы ж пидэмо сватать? На мою думку, так хочь-бы и зараз... Сьогоня у нас вивторок, — самэ такый добрый дэнь, що як раз нам и пид руку...

— Цэ вжэ вы сами дывитесь, бо я добрэ ваших звычаив нэ знаю, — добавыв цыган. — Чы сьогоня, то й сьогоня, у мэнэ зараз ныякых делов нэ мае... Що вы скажэтэ, Голыстрат Сэмэнович?

— Та и я так думаю! Нащо його цэ дило откладать, колы мы столкувалысь, як слид! Бэрить хлеб та рушнык, та й идить з Богом, а я буду дожыдать вас дома. Сьогоня и Будлянський з своим симэйством дома, я ужэ дознав.

Зачалы воны упьять пыть горилку, дя смилости, та щоб язык як слид розвьязався, бо у сватанни, звисно, брэхать добрэ трэба.

Писля того Буглак з цыганом пиднялысь из-за стола, помолылысь на иконы, подякувалы хозяинови, а тоди Буглак обгорнув паляныцю рушныком, узяв ии пид руку, тай пишы з цыганом сватать Будлянського дивку Одарку за Голыстрата Коровьяка.

Скоро прийшы сваты до Будлянського, зайшы в хату, поздоровкалысь, поклонылысь хозяину, хозяйци и усим домашним, та й стали сэрэд хаты.

Сваты булы добрэ пьяни, обыдва булы красни, як ракы, а храбрости стилькэ од горилкы набралысь, що хочь на турка йты! Ну, та в цьому дили горилка, звисно, нэ буваэ у стыд, — бо скризь так водыться!

— Здрастуйтэ, здрастуйтэ, добри людэ! — привитав йих хозяин. — Чого жэ вы стоитэ? Сидайтэ у нас у хати!

— Ни, мы нэ сядэмо, — кажэ Буглак. — А лучшэ спытайтэ у нас, чого мы прийшы до вас?

— Як що за дилом яким прийшы, то сами скажэтэ!

Хозяин ужэ примитыв у йих хлиб з рушныком и догадався, та тилькэ нэ подавав выду, а дивка зараз шморгнула из хаты на двир, а за нэю скоро и други домашни повыходылы,— осталысь тилькэ батько з матирью.

— Ну, скажыть-жэ, добри людэ, видкиля вы йдэтэ и чы далэко мандруэтэ?

Буглак трохы одкашлявся, поправыв у сэбэ щось пид бородою, а тоди став нэ швыдко проказуваты ось яку ричь:

— Мы людэ нэ тутэшни... Ходымо по усих усюдах, мандруемо по билому свиту, та шукаем звирыного слиду. Бо мы людэ нэ робочи, а ходыть дужэ охочи: нэ ковали, нэ плотныкы, а прости козаки охотныкы... Дэ трапыться звир, там и прыстановыщэ соби маемо... Оцэ так идэмо соби з товарышом, колы идэ нам на зустріч жвавый молодэць, добрый стрилэць и козак такый, що лучшего мы и нэ бачылы: и чубатый, и усатый, и в дорогу одэжу убратый, бо чоловик як выдно богатый, а як глянэ на кого, так начэ якый пан, або охвыцэр! Пидийшов вин до нас, та й кажэ: "Ой, вы охотныкы, стрильци, добри молодци! Скризь вы блукаетэ, звирыного слиду шукаетэ, богато вы бачылы, а ищэ бильшэ чулы, скажите мэни, будэтэ ласкови, чы нэ бачылы вы дэ звиру, куныци-лысыщи,— красной дивыци? Бо я скризь шукаю, та нияк ии нэ пиймаю! Як вы мэни ии достанэтэ, так у вэлыкий прыгоди станэтэ! Дам я вам за цэй труд грошэй цилый пуд, та ищэ зроблю вам вэлыку награду: поклычу вас до сэбэ в хату, а тоди такого дыва нароблю, що будуть музыкы грать, а добри людэ танцовать, та гулять, а вы будэтэ дывыться, йисты, пыть та вэсэлыться!" Як проказав вин оцо рич, так мы дужэ зрадили, бо давно уже того захотилы. От мы и пытаемо: "Що-ж то за звир, що вы кажэтэ, чы шпак, чы хомняк, чы пэрэпэлыця, що воно за птыця? Бо такого дыва мы нэ выдалы и ни од кого нэ чувалы! Роскажыть добрэ, дэ-нам слиду шукать, щоб ту звирюку пиймать!" А козак той,— стрилэць, жвавый-бравый молодэць и кажэ: "Отут нэдалэчко биг той звир, тай ускочив до Будянського у двир, отам и шукайтэ лысыцю-куныцю, сыричь красну дивыцю!" Так мы як пишлы,

так оцэ аж до вас прямо прыйшлы, тилькэ увийшлы у двир, так зараз по слиду и заглядилы, що тут сыдыть наш звир; тэпэрь добрэ знаемо, що сюды ускочыла наша куныця, — в вашый хати красна дивыця! Оцэ-ж нашої рэчи кінэць, а вы положить дилу винэць. А щоб богато нэ балакаты, так скажэмо прямо: у вас йе товар, а у нас купэц, так чы нэ будэмо мы сватамы?

— Добра ваша казка, — сказав хозяин. — А пры кінци самэ найлучшэ!.. Насылу я догадався, чого вам трэба! Ну, що ж! Чы так, той так! А за кого ж вы сватаетэ нашу куныцю, красну дивыцю?

— За доброго молодця! Та вин добрэ звисный, и вы його кой-колы бачытэ!

— Та хто ж вин такый? Чы козак, чы нагородный, чы якого вин звання?

— Нашой станыци козак — Голыстрат Коровьяк.

— Коровьяк? Знаю його, знаю. Здаецься, вин ужэ литамы трохы пэрэстарывся?

— Дэ-ж там пэрэстарывся? Вин нэдавно из службы прыйшов и ищэ зовсим молодой чоловік! — сказав сват Буглак.

— Нэ то, щоб молодой, а ищэ совсим молодэнький, тилькэ вусыкы пробываються, та боридка высыпаецься, — добавыв цыган.

— Чы у його-ж и хозяйство якэ есть? — пытае хозяин. — Вин, здаецься, був сырота, и ничего у його раньшэ нэ було!

— А як-жэ! — кажэ Буглак. — Вин хозяин такый, що дай Бог усякому чоловікови! Однией скотынки мабудь будэ коло дэсятка, як нэ бильшэ!

— Дэ там коло дэсятка? — озываецься цыган. — Скотыны у його така гыбэль, що мабуть дэсятка на тры, як що нэ бильшэ! Як выжэнэ з двору, так цила чэрэда, — зразу усиеи нэ пэрэщытаешь!

— И конячки у його водяться? — пытаэ знов хозяин.

— И конэй у його чы мало, — кажэ Буглак. — Мабудь штук трое, а можэ и чэтвэро, и кони усэ справни, як у доброго хозяина...

— Дэ-ж там трое? — пэрэбывае цыган. — Я добрэ знаю, що у його конэй зараз мабудь будэ штук дэсят.

У його прошлый год було старых чэтвэро, та стрыгунив двое, та у мэнэ цю зиму двоих конэй купыв, та ищэ есть и лошата мали...

— А хлибця-ж вин богато сие? — пытае дивчын батько.

— Хлиба вин сие кажный год нэ мэньшэ, як дэсятн дэсят, а як колы то й пьятнадцать,— кажэ Буглак.

— Дэ-ж там пьятнадцать? — озывается цыган.— Вин сие одного ячмэня дэсятн пьятнадцать, а озымкы, та гарновкы, нэ мэньшэ сие, як дэсятн двадцать, або и двадцать пьят каждого году.

— А волюкы-ж у його есть? — пытае упьят хозяин.

— Та й волы у його есть,— кажэ Буглак.— Була раньшэ одна пара, а тэпэрь мабудь дви.

— Та нэ дви, а чотыри пары! — добавляе цыган.— Було-б шысть пар, так прошлый год дви пары продав, та й грошы дужэ добри узяв.

— Так воно, як що правду кажэтэ, выходыть, що Коровьяк дужэ добрый хозяин,— одмовыв дивчын батько.— За такого хозяина нэ жалко и мою дочку оддать. Тилькэ ото трошкы поганкувато, що вин з выду якый-сь нэ зовсим удалый чоловик. Нэначэ вин рябуватый чы-що?

— Та так, правда, трохы рябуватый,— кажэ Буглак.— А всэ-такы нэ дужэ, так зато смырный и прыятный чоловик.

— Та вин, нэто щоб трохы рябуватый, а, правду казать, так зовсим рябый, так начэ на його морди чорт горох, або квасолю молотыв! — добавыв цыган.

— Э-э,— кажэ батько.— Оцэ трохы нэ добрэ! Мабудь дивка чэрэз цэ нэ схочэ за його замиж иты... Тэпэрь дивки пэрэборчыви стали!.. Та ищэ, здається, вин мабуть и рыжий?

— Та ни, — кажэ Буглак.— Вин нэ рыжий, а так тылькэ... Трохи начэ билуватый.

— Дэ там нэ рыжий,—пэрэбывае цыган.— Рыжий такый, що рыжишаго мабудь и в станыци нэма! Нэ то рыжий а, правду казать, так зовсим красный, як буряк!

— Ото-ж я и кажу, що якый-сь вин не удалый!.. Ну, а у горилку вин нэ дужэ вкыдається?

— Ни,— кажэ Буглак.— Що ужэ ни, так ни... Горилку

вин пье зовсим по-троху! Так, як колы трапыться, так ото и выпье з добрымы людьмы...

— Дэ-ж там вин горилку пье потроху? — пэрэбывае упьять цыган.— Та вин ии так глушыть, що и кабаччыкы на його нэ настачать! Правду казать, малэнькымы чаркамы нэ пье, а прямо тягнэ чайным стаканом! Що там здря балакать!.. Горилку пыть вин молодчына, другого такого пошукать, так нэ найдэш! Цэ я добрэ знаю, бо самому доводилось з ным нэ раз пьянствовать и в його в хати, та и у мэнэ у шатри!.. А до дому колы до його нэ заявлюсь, так горилка у його ныколы нэ выводыться! Колы-б мы нэ зийшысь, а нэпрэминно напьемось пьяни! Бо у нас прыятэльство з ным дужэ добрэ...

— Эгэ, так он що! — озвався дивчын батько.— Цэ я такы чув од людэй, що вин и горилку добрэ пье, та и з цыганамы кумпанию водыть...

— Та то нэправду вам казалы,— одказав Буглак.— Щоб вин з цыганамы знався... Хиба-ж такы схочэ наш брат-козак, з нымы отаку дружбу дилыть? Та вы и товарища мого не дужэ слухайтэ — цэ вин трохы лышнэ выпыв, та и балакаэ абы-що... Цэ зовсим нэ правда!

— Як нэ правда?.. Що нэправда? — пэрэбывае з сэрцэм цыган.— Щоб Коровьяк та цыганив цурався? Зроду цього нэ будэ! Вин пэрвый у станыци цыганьскый прытэль, а мий пэвный и вирный друг!

— Оцэ правда,— нэ выдумка! Я и сам тэ бачу...— сказав хозяин Будлянскый.— Цьому чоловикови и я повирю, що правду кажэ, бо, як выдно, и сам цыган... А ицэ от-що я у вас спытаю, чы воно правда, чы ни: оцэ я нэдавно прочув от людэй, що нэначэ-б то Коровьяк на воровстви пиймався, у кого-сь конэй с цыганамы покрав... так кажуть, його усэ на допрос у правлэние тягають, а вин одмагається, та на цыган звэртае... кажэ, що нэ вин тих конэй покрав, а якый-сь цыган Кырыло...

— Кырыло?.. Якый Кырыло? — закрычав цыган.— Цэ так Коровьяк у правлэнии казав? Ах вин собачый сын! Бач на Кырыла звэртае, а Кырыла там и блызько нэ було!.. Колы пиймався, так сам значыть и покрав. Ах, бисив выродок, руда собака, що выдумав!.. На цыган звэртае...

Ни, брат, колы пиймався, так ты значыть и вор, а хто нэ пиймався, так той нэ вор. Щоб тоби свита нэ бачыть!.. Щоб тоби у тюрьми сыдить, ирод проклятый!..

— Ну, добри людэ,— пэрэбыв хозяин лайку пьяного цыгана.— Забырайтэ свий хлеб та рушнык, та убыйрайтэсь с моеи хаты до бисового батька, видкиля прыйшлы!.. Я з ворами нэ сватаюсь и нэ братаюсь!

З тим и пишы сваты до дому.

Июля 30 дня 1911 року.

Ст. Нэзамаивка, Куб. обл.

ЯК ГОРИЛКУ ДОБРЭ ПЫТЬ, НЭ ДЫВО Й ЛОБ НАБЫТЬ

Вэлыку приманку робыць людям горилка! На усякэ пытво люды бильшэ ласи, чым мухы до мэду, а чого бы воно так? Здаецца од горилкы нэмае нікому ні добра, ні корысти, а тількы одын позор та усякэ распутство, а всэ такы, хоть до нэйи завыкнэ, так у яку вгодно кампанію влизэ, тай й смокчэ чарку за чаркою, покі й ногы одкыдае. А як тількы проспався та очи продрав, так опьятэ ходэ, шукае поганого пытва, як собака стэрва!

Рідко якій пьнянця ходыць благополучный, та воно й нэ дыво: пьняный всэ одно, що дурный! На усякого вин налазыць, до всих чипляецца, у всякэ дило соваецца з дурною головою и такы, гляды и наскочыць на свое: хто нэбудь так добрэ набье пыку, що на другый дэнь и з хаты выйты соромно.

Нэ даром сказано: у пьнянці колы нэ очи сыни, так спына в глыни. Тількы добри пьнянці на тэ нэ дужэ потурають! То йим нэ беда, що морда быта, схожа на пня, абы горилка була щодня!

Чого тількы пьняни нэ выробляють: спорять, бьются, а часто бувае и такэ, що инший за гульнэю и смэрць соби найдэ!

У пьняний бэсиди, скількы нэ дывысь на людэй, скількы нэ слухай — нэ разбэрэш: чы справди у йих крык та сваркы, чы в шутку? Тут тоби воны бьются та цилуються; тількы що лаялысь та крычалы, дывысь — уже спивають; а як колы, так одразу: той крычыць, той спивае, инший плачэ, а якій так рэгочэцца, аж за жывит бэрэцца... Одно слово — дурни, тай й усэ!

Пьяни хоч що путнэ надумають, так зараз пэрэвэрнуть його на глум, та на капость; а хоч и в шутку що затиють, так вона выйдэ у йих хужэ, навсправжкы!

Для прымиру розкажу я, як одын пьяный та в уций добрый бэсиди у шутку морды понабывав, усю компанию покаличыв.

Зибралося до одного чоловика на бэсиду чымало людэй: сыдять пьютъ та гуляють, балачку вэдуть, а як колы то й писни заспивають. А дали одын из йих и кажэ:

— А давайтэ, лыш, поклычэм Кузьму-брэхуна, нэхай вин нам що нэбудь збрэшэ, щоб вэсэлишэ було гулять.

— А справди,— кажуть други,— давайтэ поклычэм!

От и послав хозяин за Кузьмою, а той швыдэнько и прыйшов до ных. Довго вин брэхав усяки брэхни, а други слухалы та рэготалысь, а як ужэ набрыдло кышкы надымать, так одын и кажэ:

— Ну, будэ ужэ, Кузьма, брэхать! От як бы ты ищэ такэ выдумав щоб мы заплакалы.

А Кузьма на отвит:

— Добрэ, яй такэ выдумаю, тилькы ужэ мабудь пора до дому иты.

— Э, ни,— обизвався хозяин.— Будэм гулять аж до свита, а як захочем спать, так и тут полягаем.

— А дэ ж вы мэнэ положэтэ спаты?

— А тут у хаты вси ляжэм покотом!

— Та ни вы покажить тэ мисцэ, дэ я спаты ляжу?

— Та хоч и оттут — у куточку! — показуе хозяин.

— Добрэ. Ну, тэпэр дайтэ мэни одын гвиздок та молоток.

— На що?

— Тоди скажу на що!

Зараз найшлы и подалы Кузьми гвиздок и молоток. Узяв вин из столу бублык, забыв у куточку гвиздок, та повисыв на ньому бублык, а тоди кажэ: — Чэрэз цэй бублык уси будэтэ плакать!

— Чы ты нэ здурив? — закрычалы уси.— Чого мы будэмо чэрэз той бублык плакать?

— Тоди побачэтэ! — кажэ Кузьма.

Погулялы ищэ якый там час, а за бублык скоро забулы. От, як ужэ набрыдла гульня, бо кой яки понапывалыся

добрэ, та ужэ пизно було, так хозяин положыв усих спаты у хати кому дэ понравылось: хто на кровати, хто на лави, а дэ-яки прямо ляглы покотом на доливци. А Кузьма прымостывся у куточку, коло того мисця, дэ на гвиздку высив бублык.

Як ужэ вси полягалы и загасылы свитло, так Кузьма пидождав трохы, помы уси поснули, а тоди встав потыхэнько, та й зачав у хати свойи порядкы уставлять: попэрэкыдав столы, стильци, лавы и усэ що було у хати: повязав кое-дэ бичовкы, щоб було чэрэз усэ тэ падать, а як ужэ справывся як слид, тоди вэрнувся на свое мисцэ та й пидняв крык:

— Караул! Караул! Рятуйтэ! Рятуйтэ!

Хочь и добрэ были уси пьяни, а тилькы од вэлыкого крыку стали один за одним просыпаться.

Ну, тут и пишла у хати комэдия: кто нэ схватыться з мисця, каждый и полэтить сторч: той чэрэз лавку зачэпэться — упадэ, другый — чэрэз стилэц, инший — чэрэз бичовку!

Пиднявся крык, лайка, а хто добрэ забывся, так тому и до плачу дийшло, а Кузьма одно знае крычыть:

— Караул! Рятуйтэ!

Насылу засвитылы огонь, прийшы до Кузьмы та й пытають його:

— Чого ты? Чы нэ сказывся?..

— Чого ты крычыш?

А Кузьма вырвав из рук свичку, а у самого аж руки трусяться, нэначэ б то з пэрэляку, пидносыть свичку до стины, дэ высив бублык, глянув на його, та тоди як плюнэ з сэрця на доливку та кажэ:

— Ох! Як жэ я й пэрэлякався! Аж душа у грудях типається, як нэ выскочэ!

— Та чого ж ты пэрэлякався? — пытають його.

— Так як жэ! Мэни показалось, що хтось такой у мэнэ бублык украв.

Зачалы тут кой яки рэготатыся, а инши, котри были пьяниши, сикалысь до Кузьмы, быться, а вин и кажэ:

— Пстойтэ, дурни, пстойтэ!.. Вы ж сами просылы выдумать такэ, щоб уси заплакалы! От я вам и выдумав!

— А бодай тэбэ чорты з твоею выдумкою! И нащо
було отакого ирода у компанию клыкать!

Тут ужэ уси началы рэготаться, а за тэ й байдужэ,
що у одного нис в крови, у другого око сыне, а у иншого
на лоби моргуля з кулак набигла!

Писля того годи спать, а давай опяты горилку пыть...
Отаки бувають шуткы миж пьяныцями!

**ГОРИЛОЧКА — лукава: страшна
з нэю забава!**

Жыв у нас
Портный Улас,
Кравэц — на всю станыцю!
Всього прыдбав,
Щэ й гроши мав,—
З маком йив паляныцю.
Вин шыв у прок,
Кинчав у срок,
За всякэ дило брався:
А сядэ шыць,
Так мов горыць:
Робыв — нэначэ грався
Що дня була
И всэ росла
Роботы куча цила:
Та наш Улас
Нэ гаяв час:
Робота, знай, кипила!
Що нэ пошыв,
Так и улыв:
Кругом прыйшлось до стану!
Хоч збоку глянь,
Хоч прямо стань,—
Як на самому пану!
Умив зробіць,
Умив пошыць

Старому и малому:
Усякий биг
Нэ чувши ниг,
З обновою до дому.
До його йшли
И вси нэслы
Муки, пшона и грошэй:
Бо справди в нас
Портный Улас
Був добрый та хороший!
Усяк просыв
Щоб швыдшэ шыв,
А щоб добуты ласку,
Окрим всього
За труд його
Нэслы горилкы пляшку,
Було жыття,
Було й пыття,
Як панови якому!
За що-ж то так
Годыв усяк
Уласови-портному?
За тэ годыв,
Що вин робыв,
Що дэнь-у-дэнь трудывся:
Святым трудом,
Своим горбом
И жив вин и кормывся:
Шо чэсный труд
На ввэсь наш люд,
На всех був пользовытый:
Одно вин знав:
Людэй вдягав,
Та був и сам одитый...
Нэ довго так
Жылося в смак
Уласови-портному:
Поки трудывсь,
Поки й кормывсь,—
Нэ кланявся никому!

Пройшло такэ
Жыття панськэ,
Настала жисть гиркая:
Бо рэмэсло
Улас давно
Покынув,— знай, гуляе!
Як дэнь настав,
Улас устав,
Добув горилкы склянку,
Тай й пье гирку,
Щоб до смаку
Удовольныть горлянку.
Колы тут шыть?
Шытво лэжыть,
И ножныци гуляють.
Стрэмять голкы,
Лэжать ныткы,—
Портного дожыдають.
Стойить аршын
В кутку одын,
Нэма йому роботы:
И сам утюг
Остыв, затих
Шэ з вэрбнойи суботы.
Давно лягла
Мов там була,
Пыляка на машынку:
Дэ взявсь павук,
Настройив штук:
Снуе всэ павутынку...
Улас — свое:
Сыдыть да пье
Горилку ту трыкляту.
Покы е мич,
А тут и нич
Насовуе на хату.
Скинчався дэнь,
Улас, як пэнь,
Або як та колода,
Дэ впав, там лиг,

Лэжыць бэз ниг,
Хропэ сэрэд города!
Отак-щодня
Идэ гульня
И пьянство нэвсыпучэ:
Гуля портный,
Нэ зна дурный,
Що сам сэбэ вин мучыць.
Був чоловик,
Тэпэрь на-вик
Загынув сам собою!
Нэ жыць, а тьма,
Колы нэма
Ни щастя, ни покою...
Проснысь, Улас,
Наплюй хоч раз
На чортову горилку,
Бо пьяный ты
Отак хропты
Будэш до суду й вику!

ВЭСЭЛА МИШАНЫЦЯ — АБО ПОПУРИ З БАЙОК

Дэсь у вэсэлому краю
Зийшыся у гаю
Вэдмидь товстый та волохатый,
Всэсвитний пасишнык-ласун,
Завзятый Цап-стрыбун
И тэлэпэнь Осэл ухатый,
Дурного розуму нэвдатный сын,
Та пэрэдражнык Малпэнко-Мартын
Сыдыць, балакаюць пьд лыпою густою —
Хто бачыв що и дэ хто був,
Чы поблызу, чы можэ за горою,
Яки новынкы чув.
"Погано, братчыкы, бэз дила в свити жыты"!
Так Малпэнко-Мартын розмову завэршыў: —

Признаться, нигдэ правды диты,
 И я гуляючы прожив;
 Одначэ скризь тыняючысь чы-мало
 Всього побачыть довэлось...
 Ох, трудно в свити жыты стало!
 Пора и нам прыдумать щось...
 Вы нэ турбуйтэся, — щоб довго не кортило,
 Я за-раз хочу раду дать:
 Музыкачть трэба — от и дило,
 Колы хотилы знать!
 Зозуля накуе музыци,
 Сказаты в добрый час:
 Бэнкэт, весилля, вэчэрныщи —
 Поклычуть всюды нас.
 Нэхай гуляють добри людэ
 В свой вэсэлий сторони;
 Иим хорошэ и нам корыстно будэ...
 Чы добрэ я кажу, чы можэ ни?"
 — "Так! Добрэ! Будэмо музыкачть!" —
 Рэвнув Вэдмидь: — "Розумна голова,
 Не грих и розуму поэчыть...
 Робота гуртова".
 И сталы на тому: щоб слова нэ зминяты,
 Не гаючысь сэ дило распочаты.
 Днив чэрэз тры воны в тому ж гаю
 — Справдылы выгадку свою.
 Роздобулы баса, цымбалы,
 И скрыпочка, и бубон йе;
 Прэхорошенько посадалы
 Та як ушкварылы — ой, лышэнько мое!
 Смыкнулы — кат-ма ходу...
 Що за морока? Що робыть?
 А й нэ вэлыка, бачця, штука, —
 Так Лэбидь рвэться пидлэтить,
 Рак упыраэться, а Щука тягнэ в воду...
 Колы глядышь —
 На загороди Кит сыдыть,
 На сонэчку мурлыкае — дримае.
 Пидскочыв Вовк и до Кота мовляе:
 — "Котусю-братику! Скажыть мени скоришэ,
 Хто из хазяинив отут усих добришэ?
 Я хочу попрохаты, щоб хто мэнэ сховав

На сэй нэдобрый час. Я б у прыгоди став!..
 Чы чуеш гомин той? За мною то жэнуться!..
 Котусю-батэчку! Куды ж мэни поткнуться?..
 — “Просы мэрщій Стэпана,
 Вин добрый чоловик”. — Кит Вовкови сказав.
 Так он беда: куды вин нэ поткнэцца —
 Усяк од рэготу бэрэцца за жывит.
 Розсердывся Охрим, що з його так глузуюць...
 — “Трывайтэ ж — кажэ — колы так,
 Зроблю я ось-дэ як...
 Нэхай, дурни, соби пустуюць:
 У йих, выдно, жуку у голови...
 А мы втнэмо рукавци и нови,
 Хиба мудрация вэлыка!”
 Охрим догадывый був парубика!
 Прэхорошэнько взяв,
 Пидризав полы вин чымало, —
 Як раз, щоб на рукава стало, —
 Покраяв та й попрышывав —
 И знов рукава, як рукава.
 И ходыть мий Охрим, нэначэ та проява,
 Та що утяв!..
 Послухайтэ! Узыв,
 Покынув жинку та й поплывся,
 Хто його зна — куды й чого...
 От, потим чують про його,
 Що дэсь вин аж на двох жинках щэ ожэнывся, —
 Такой пройдысвит був!
 От, якось царь про сэ почув
 Та зараз жэ бомагу й посылае,
 Щоб бэззаконныка такога-то схопыть,
 Прыставыты у суд — и там його судыть;
 А всим судэйськым натякае,
 Щоб дилом нэ вэртить
 (Выдно сэй грих у йих бувае!)
 А так йому, поганцю, прысудыть,
 Щоб бильшэ вжэ ныхто нэ важывсь так робыты,
 Колы на свити хочэ жыты;
 “А як що зробытэ нэ так —
 Повишаю усих, нэначэ тих собак”. —
 Нэ знае бидний суд, дэ дитьця,
 Усих цыганский пит пройма,
 А дилови ладу нэма:

Як нэ прысудяць — нэ годыцца:
Бо вжэ доводилось судыць —
Так капостный народ нэ дужэ щось боіцца...

На той раз суддзямы булы
Який-сь два Ослы,
Одна никчэмна Шкапа,
Та два старэньких Цапа, —
Усэ народ, як бачытэ, такі
Добрычый та плохый.

За стряпчого, як завсигда годыцца,
Була прыставлена Лысыця...

Пиймалы Щуку молодци
Та в шапльци

Гуртом до суду прытаскалы,
Хоча чубы й мокрэньки сталы.

Зийшылся судди, сталы розбырать:

Коли и як воно, и що йий прысудыты?

Як нэ мудруй, а правды нигдэ диты?

Кинцив нэ можно поховать...

Нэ довго думалы, ришылы

И Щуку на вэрби повисыты звэлилы.

"Дозвольтэ и мени, пановэ, рич дэржать!"

Тут обизвалася Лысыця:

Розбийныцю таку нэ так судыць годыцца:

Щоб бильшэ жаху ий завдать

И щоб усяк боявса так робыты, —

У ричци вражу Щуку утопыты!"

Злэтилысь гавы и сорокы,

Шпаки, чыжи и горобци,

Рэгочутся, хапаючысь за боки:

"Ну так! Удралы молодци!

Нэхай ий бис такий музыци,

Сполохала наш тыхый гай,

Нэ можно вдэржаться ниякий птыци,

Хоч куды выдно утикай"...

— "Ось цытьте бо! — Мартын гукае: —

Почын нэвдашний иноди бувае!

Трывайтэ, братчыкы, нэ так мы сыдымо, —

От зараз я попорядкую"...

— "Щось та нэ так — и я вжэ чую" —

Озвась Осэл: "Ни, мабуть, нэ втнэмо".

Побачыв вин миж рястом соловья

И став йому гукаты:

"Здоров, спывун! Насылу вглядыв я;
Якый маленький ты, а кажут, що горлатый.

А ну лышень утны!

Казалы у двори индыкы,

Що нибы ты спивать мастак вэлыкый,

Чы може брэшуть вражии сыны?

А ну, нэхай и я почую,

Яку там писню ты вдэрэш —

Вэсэлюю, чы можэ жалибну якую;

Тут сыла нэ в тому яку, а як утнэш!"...

И Соловэй почав спиваты;

Лунае писэнька на ввесь садок;

Лэжыть и слуха дурэнь головатый

Нэначэ справди знае прок.

А Соловэй аж горло надрывае

И на вси заставки спивае:

Щэбэчэ и свыстыть,

И твохкае, и торохтыть;

На що вже горобци — и ти попрытыхалы

И прыслухаться стали.

Замовк спивун и на Осла глядыть, —

Чы будэ, мов, хвалыть?

"Ну, молодэц!" — Сказав суддя ухатый:

Хороший птах:

Хоч нэвэлычкый, та горлатый...

Ты, мабуть, выплодывсь не в наших сторонах.

Колы б ты нашого наслухавсь пивня,

Тоди б щэ кращэ заспивав;

Хочь вин тоби й нэрижня,

А всэ такы хоч трохы б пэрэняв".

А дали рич на тэ звэрнув,

Що вин у господарстви — сыла,

Нэ то, що Кинь або Кобыла,

Усяк сэ, може, чув.

Що ж, Коню, ты? Попыхач головатый...

Дыковына тым возом торохтыть;

Вэлыкэ дило борону тягаты,

Або снопы возыть!

Он я: и чэрэду у поли доглядаю,

Ввэсь двир, кошару стэрэжу,

До току побижу —

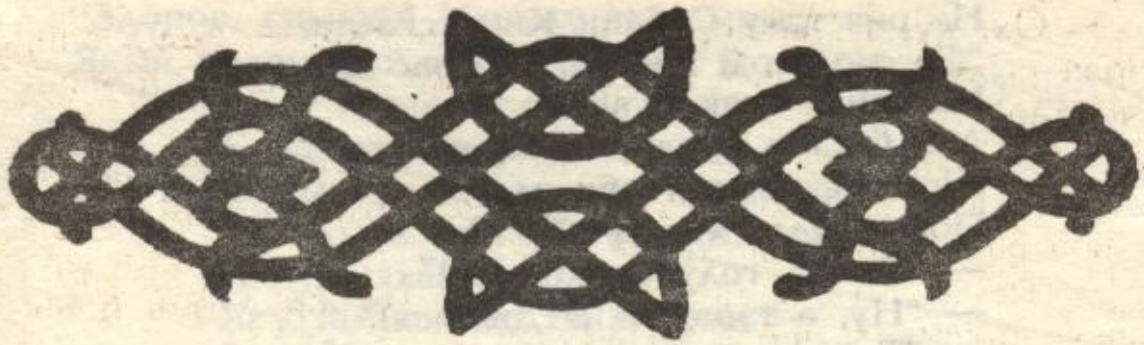
Цилисэньюкую нич не спочиваю!"

На рич таку Собаци Кинь сказав:
"Сэ, може, й правда, хто вас знае;
На свити всяк буває...
А я б тэбэ про от що попытав:
Що, сестро, як тобі здається,
Побильшала хоч трохи я?
— "Та ни, голубонько моя!"
— "Ну, а тэпэрэчки? Дывыся!"
— "Та годи, сестро, схаменыся!"
Не слуха Жаба, дметься гирш, —
Всэ думае, що станэ бильш
Та й що, дурна, соби зробыла?

З натуги луснула — та й одубила.

Августа 30-го дня 1911 року.
Станиця Незамаивка, Куб. обл.

ЯК ГОРИЛКА ЗАБЫВАЕ ЛЮДЯМ ПАМОРОКИ (по Григоровичу)

Усякий, мабуть, добрэ знае, що от горилкы вэликэ лыхо бувае. Чого тилькэ нэ наробыть пьяный чоловик! У якэ поганэ та гыдкэ дило нэ вскочыть! Якого вэлыкого сорому соби нэ добудэ!

И, здаецься, трэба б йому писля того шануваться та стэрэгтысь, щоб знову пьяному нэ напытысь, та тилькэ — ни! Нэ так бувае у людэй...

Розкажу я вам, добри людэ, для прымиру, про тэ чуднэ дило, як колысь два кумы кожух пропылы. Можэ хто посмиецься, а хто мовчки прочытае, а гляды — найдэтысь такый, що й на вусы намотае... Цэ було у ту давню, та добру старовыну, що як згадаю про нэи, так тилькэ рукою махну! Жылы соби у адний станыци два казаки, два ридных кумы: Гордый та Овсий. Жылы вони, поживалы, у будэнь хозяйство наживалы, а в празныкы горилку попывалы. Бувалы часто пьянэньки, кой-коли одын другога у пику былы, нэ раз чэрэз тэ й в холодний сыдилы, а всэ нэ каялысь...

Одын раз ишылы кумы у двох из города до дому, у свою станыцю. Дило було зимою. Ишылы воны довгэнько и дужэ поморылысь. З утра було холодно, мороз та витэр, а к пивдню стало тепло та соняшно. Одын з йих був нэ дужэ удыгнутый, а другый убэхався у ватыну одэжу, та цэ й кожух звэрху здоровый надив, так йому иты було дужэ важко, нэ пид сылу; а чоловик вин був сырый та товстый.

— Ох, кумэ Овсию, як же-ж и важко! — кажэ вин, чэрэз сылу дыхаючы. — Оцэй кожух усю сылу з мэнэ вымотае!

— А вы б, кумэ Гордию, узялы та той кожух скинулы!

— Та я й сам так думав, так дэ ж його динэш? Аджэ ж усэ равно трэба його нэсты!

— Та давайтэ, я понэсу! У мэнэ одэжа лэгка, а вы бач як одяглыся, що й нэ пидийдэтэ.

— От спасыби вам, кумэ Овсию, за вашу ласку! — каже той. Скинув вин кожух та й оддав кумови.

Идутъ воны та й идутъ, колы ось над дорогою кабак стоить, що добри людэ з дороги захотятъ пэрэгриться, та чарку горилкы выпыть з морозу.

— Эх, добрэ було б, як бы оцэ з дороги чарку горилкы выпыть, та трохы спочынуть, — промолвыв кум Гордий, важко зитхнувшы, — та тилькэ грошэй кат-ма, як на той грих.

— Та ничого. Хочь и грошей нэма, а такы в кабак зайдэмо, — добавыв кум Овсий.

Зайшлы. Посидалы на лави, а кум Овсий и кажэ до шынкаря:

— А ну, лышень, усып нам пивкварты горилкы, та чого-нэбудь закусыть подай, бо, прызнатся, мы такы дуже голодни.

Той подав йим горилкы и кой-якои стравы.

Выпылы воны горилку, закусылы добрэ, а кум Овсий упьять гукае на шынкаря:

— А налий нам ищэ пивкварты!

Зачалы воны упьять пыть горилку, а дали кум Гордий и пытае кума Овсия.

— Чы у вас жэ, кумэ, гроши е?

— Нэма.

— Ну, и в мэнэ ж нэма! Чим жэ платыть будэм?

— Ничого, кумэ, нэ журыться, чым с заплатымо! Мовчыть лышэнь! Я сам про тэ не знаю. Найдэмо щось лишнье, та шынкарю й заставымо, а колысь, як будутъ грошы, вэрнэмо назад.

Нэ разчовпав кум Гордий, що йому плэтэ кум Овсий, та й одмовыв:

— Чы так, то й так! Ну, так выпьем, кумэ!

Выпылы воны й другу пивкварту, та потрэбувалы трэтю. Скоро обидва кумы поробылысь пьянии, обнявшысь на лави, спывалы писню. Чэрэз якый час и третя пивкварта

була пуста, а кумы попростягались пьяни, одын — на лави, другый — на доливци и харчалы, як коты, на ввэсь кабак.

Довгэнько воны спалы, бо на двори уже йзвэчэрило. Кум Овсий прочумався пэрвий. Схопився вин, пидийшов до шынкаря та й оддав йому Гордиив кожух за страву та за выпиту горилку.

Выпросыв вин за той кожух ище одну пивкварту, щоб похмэлиться, та тоди збудыв й кума Гордия.

Выпылы воны и цю пивкварту, похмэлылысь добрэ, та й пишлы тоди до дому. Идутъ, та й идутъ.

Изразу кум Гордий забув про свий кожух, так горилка забыла йому паморокы. А дали, як пройшлы воны чымало й стали наблизаться до своеи станыци, згадав вин про кожух, та й пытае:

— Кумэ Овсию! А дэ ж цэ мий кожух?

— Який?

— Та мий собствэнный!

— Нэ знаю.

— Та як жэ нэ знаетэ? Адже ж мы сьогоня з вамы из города йшлы?

— Йшлы.

— И до кабака дийшлы?

— Дийшлы.

— Мэни ж стало жарко?

— Жарко.

— Я ж кожух из сэбэ зняв?

— Зняв.

— И вам оддав?

— Оддав.

— А дэ ж вин?

— Та хто?

— Та кожух мий?

— Який?

— Та мий же риднэсэнъкий! Той, що на мэни був!

— Та нэ знаю!

— Оце, лыхо! Як вы нэ знаетэ?

— Та так, — нэ знаю!

— Та вы, кумэ, знаетэ, та тильке забулы! Ось постойтэ, слухайтэ сюды: адже ж мы з города йшлы?

— Та йшлы.

— И до кабака пидийшлы?

— Та пидийшлы.

- Мэни ж стало жарко?
- Жарко.
- Я ж кожух из сэбэ зняв?
- Зняв.
- И вам оддав.
- Ну, а дэ ж вин?
- Та хто?
- Та кожух мий!
- Та який?
- Та мий же собствэнный! Той, щэ на мэни був!
- Э-э... пострывайтэ, кумэ... Я щось забув... Дайтэ подумать... Дэ, справди, мы його дивалы?

Заходывсь кум Овсий думать, спыну та потылыцю чухать, а дати пидийшов до кума Гордия, та як крыкнэ:

- Тэнэрь знаю дэ кожух!
- А дэ?
- Зараз вам скажу. Адже ж мы, кумэ, до кабака дийшлы?
- Дийшлы.
- И в кабак увийшлы?
- Увийшлы.
- Вам жэ, кумэ, выпыть з дороги захотилось?
- Захотилось.
- Мы ж там йилы и пылы?
- Йилы и пылы.
- И пьяни булы?
- Та й пьяни булы!
- А грошей за горилку мы ж нэ оддалы?
- Ни, нэ оддалы.
- Так знаетэ, кумэ, що?
- А що?
- Ото ж мы, кумэ, и нэ вчулысь, як мабудь ваш кожух пропылы!

*Марта 14 дня 1911 года.
Ст. Незамаивка, Куб. обл.*

БРЕХЭНЬКА

* * *

Нэ вэлычку й нэ малэньку
Напысав я тут брэхэньку,
А хоч баечку людям,
Хлиборобам-козакам.
Почитають, скількэ схочуть,
Посмиються, порэгочуть, —
И такой вэсэлый смих
Будэ людям нэ у грих.
Бо вона оця брэхэнька
Тилькэ зразу вэсэлэнька,
А що выйдэ на кинци,
Мовчить, хлопци молодци!..

* * *

Чы нихто нэ знае
Про дурного Грыця,
Як колысь, було, вин бигав
У нас по станыци?
Из-за угла, кажуть,
Був мишком прыбытый,
Чэрэз тэ, було, й гысае,
Мов нэсамовытый,
Одын раз скакае,
Та людэй склыкае,
Щоб ишли уси до його —

Вин сватьбу сравляе!
Пишлы, кажуть, людэ
На сватьбу гуляты;
Бильше, звисно, булы хлопци,
Та гарни дивчата.
Пылы там горилку,
Пылы мэд и пиво,
Та й побачылы нэ мало
Усякого дыва.
Там була скотына,
Разный звирь та птыця,
Та уси воны из людьмы
Сталы вэсэлыться.
Було смиху й дыва,
Що й нэ розказаты,
Як звирячча та скотына
Зачала гуляты.
Осэл тут из цапом
Узялысь музычыть,
А вси гости танцовалы,
Кому як лычыть.
Як пивень з ындыком
Заходылысь быться,
Уси бросылы и танци,
Та сталы дывыться.
Довго воны былысь,
Та в ручки водылысь,
А як пиднэслы по чарци, —
Зараз помырылысь.
Заяц у лысыцю
На сватьби влюбывся,
А йижак про тэ дознався,
Та чуть нэ сказывся!..
А музыка грае,
А бас вымовляе,
А кит ходыть, похожае,
До танцив прохае.
Заставыв музыку
Мэтэлыци граты,
А сам пишов по-миж гости
Кружок набыраты.
Охочи до танцив
Парамы ставалы,

А котори' лучче знали,
    Ти — порядкували;
    Корова из раком,
    А вил из блохою
Узялыся вси за руки
    Та й стали з пыхою!
    З куркою лысыця
    Удвох спарувалысь,
Пидийшы воны до инших,
    За руки побралысь;
    А за нымы рядом
    Стали добрэ, ладом:
Старый Рябко из бжолою
    Та муха з совою.
    Шпак, пэрэпэлыця
    И жук, як мазныця,
Пидобрав соби до пары
    Вин дурного Грыця.
    А за нымы рядом
    Разный звирь та птыця,
Як урижуть музиченькы, —
    Пишы все крутыться!
    Уси добрэ, ладно
    Стали танцюваты,
А вэдмидь узявсь у танцях
    Порядки справляты;
    Став гостэй штовхаты,
    В танцях поправляты.
Потим того узяв дрючок —
    Пишов пидганяты!
    Накурилы в хати,
    Що й свита нэ выдно, —
Всякэ добрэ танцювало,
    Щоб було нэ стыдно.
    Корова стрыбала,
    Хвист увэрх задрала,
Так до дила танцювала,
    Що й рака стоптала!
    Вил добрэ крутывся,
    Мэтэлыци вчився,
Розигнався, та об стину,

Аж риг одломывся!
Журавэль з индыком
Наробылы крыку:
Одын одного клювалы
Добрэ пид музыку.
Гусак из дрохвою
Умисти крутылысь,
А пры кинци мэтэлыци
Узялы — побылысь.
А пивэнь злякався
Од грюку та крыку,
Излетив вин на польцю
Та став кукурикать.
И жаба стрыбала,
Добрэ танцювала,
А як вил ступыв ногою,
Лопнула й пропала.
Жэрэбэц буланий
Дуже расходывся,
Чыстыв добрэ мэтэлыцю,
Начэ дэ учився;
Начэ у танц-класи
Зучыв выкрутасы,
Ставав гопкы, крутив хвостом,
Та стукав пид баса.
Як дэ було тисно,
Вин там кыдав задкы;
Нэ давав вин тут никому
До сэбэ повадкы.
А свыня чухоньска
Танцювать нэ вмила:
Пид той грюк на стил зализла —
Чысто всэ пойила!
Лысыця втомылась,
Пид прыпичок сила,
Заманыла туда курку,
Узяла та й ззила.
Собака на вовка
Стала дужэ гавкать,
А кит того излякався,
Та заходевсь нявкать.
Горобци од ляку
По хати литалы,

Цвиринькалы, помы й викна
Вси порозбывалы.
За нумы вся птыця
Почала крычаты,
Наробылы зыку-крыку,
Хоч тикай из хаты!
А музыка рижэ,
Бубон выбывае,
А звирычча одно знае —
По хати гасае!
Мэтэлыци чыстыть
Чотырьмя ногамы,
А скотына щэ для штуку
Додае рогамы.
Наробылы грому,
Стуку да содому;
Добрэ гупалы, щоб послы
Нэ було сорому.
Вил був дуже пьяный,
Став пробувать сылу,
Та й прытыснув аж до пэчи
Рогамы кобылу.
Жэрэбэць побачыв,
Що вил робыть шкоду,
Давай його глушыть задкы
Пид рэбра та в морду!
А осэл розумный
Бросыв в скрыпку граты,
Та узявся обох дурнив
Умыротворяты.
Як суддя, на шыю
Цеп соби накынув,
Жэрэбця вин дужэ лаяв,
Щоб быться покынув.
Жэрэбэць од лайкы
Дужчэ раздрочывся:
Як уриже суддю задкы —
Той и покотывся!
Тут ужэ вси гости
За осла вступылысь,
Жэрэбця з волом просылы,

Щоб ти помырылысь,
Всяк прыбрыв способу,
Як лучче мырыты:
Хто — рогамы, хто — ногамы
Сталы йих просыты,
Довго йих просылы,
Всылу помырылы,
Тоди тилькэ роздывылысь,
Що кобылу вбылы!..
Як skinчалы танци,
Пиднэслы по чарцы:
Кому — в видри, кому — в цебри,
А воду — в лаханци,
Вил горилку смокче,
Сином зайидае,
А кит выпыв та ковбаску
Сыдыть — умынае.
Жэрэбэць ковтае
Горилку з видэрка,
Та гарнэнько уплитае
Полову из дэртю.
А свыня горилку
Смокче из корыта,
Туды ж ии насыпалы
На закуску жыта.
И кабан з ногами
Зализ у корыто;
Смокче, булькае горилку,
Та чвакае жито.
Та й йижак тут добрэ
Горилки напився:
Зализ пьяный у корыто
Та там и втопився.
Гракы та вороны
До кобылы силы:
Добрэ пылы горилочку,
Та й кобылу ззилы!..
Отакэ вэсилля
Хороше вдалося!
Усякому добре йилосьь
И гарно пылося.
Усии добрэ йилы,
Пылы та гулялы,

И як сляд дурного Грыця
Гуртом вэлычалы...

* * *

А вы, добри людэ,
Грыцьку выбачайтэ,
Що нэ так може зробыв,
Вы його нэ лайтэ!
Що вси йго гости
Звычайив нэ зналы,
И що трохы нэ звычайно,
На свайби гулялы.
Бо, звисно, скотына
Не то, що людына;
Без ума жывэ на свити,
То воно й нэ дывно!
Грыцьковэ вэсилля
Всिम чуднэ здаецься;
Хто читае, хто слухае —
Нэ даром смиецься.
От у людэй добрых,
То вжэ ричь другая!
Робэ всякый добрэ, гарно,
Як сватьбу справляе.
Зийдуться на сватьбу
Православни людэ,
Сыдять смырно, та гуляють,
Чы й дали так будэ?
За стил посадають,
Тыхо розмовляють,
А як чарку бэруць в руки,
Всिम добра жаляють.
Тоди чарку зтыха
В рот пэрэкыдають,
Борщ та локшыну гарнэнько
Сыдять — уплитають.
И дали всэ добрэ,
Звычайно вэдэцься,
Кажный зтыха балакае,
Тыхэнько смиецься.

На такэ вэсилля
Гарно й подывытсья,
Бо цэ ж — людэ, нэ — скотына,
Нэ то, що у Грыця!
Ну, а дали як жэ?
Та й дали все гарно!
Пьют горилку трохы луччэ,
Гуляють звичайно.
Музыка заграе,
Пидуть танцоваты,
И гупають у охоту,
Покры мочи хватэ.
Пьют упьят горилку,
И упьят гуляють,
И кой яки на забаву
Штуки выробляють.
Горилочка льетсья,
Добрэ людьмы пьетсья,
Усим вэсэло та гарно
На сватьби здаетсья.
Уси добрэ роблять,
Так як и годьтсья,
Бо цэ ж — людэ, нэ — скотына,
Нэ то, що у Грыця!
Як добрэ вси гости
Горилкы напьютсья,
Так балакають, спивають,
Рэгочуть, смиютсья;
И одын другого
Заходьтсья лаять,
И другому для прымиру
Сэбэ выхваляють.
Дали — почнуть спорыть,
А потим и бытсья,
Часом такого нароблять,
Що гыдко й дывытсья!
Це вже не звичайно,
И так нэ годьтсья,
Бо цэ ж — людэ, нэ — скотына,
Не то, що у Грыця!

Тилькэ, дэ горилку
Пьють добрэ, в охоту,
Добри людэ там бувають
Часто хужэ скоту!
Як тии горилкы
До смакү напыються,
Вси показяться, здуриють,
А в кинци — побыються,
Чоловик, буває,
Такэ виробляє,
Що скотына того зроду
Нэ чула й нэ знае!
Ото ж, добри людэ,
Нэ смийтэся з Грыця,
А огляньтэсь, та на сэбэ
Добрэ подывиться!
Бо й з умом, бач, людэ
Часто з ума сходять,
За скотыну гириш дуриють,
И чорзнащо роблять!

Апреля 15 дня 1911 р.
Станыця Незамаивка, Куб. обл.

ЖИВЫЙ МЭРТВЯК (Нэдавня бувальщина)

Одного разу прийшов до мэнэ на праздныках у гости кум мий, та щэ й сусида, уряднык Свырыд Свырыдовыч Свэрдло. Вин мэни кум уже давно, ищэ як найшовся пэрвый мий сын Мусий, так ото вин у мэнэ тоди и покумовав; а Мусиеви писля Пэрвой Прэчистой оцэ сповныться ривно пьятнадцять лит, а шистнадцятий наступыть...

Эгэ ж. Так ото, кажу, прийшов до мэнэ кум у гости, та й силы мы удвох за стил, бо на тэ ж и праздныкы булы, Святэ Риздво, щоб добрым людям, сходывши у церкву, можна було усякою скоромыною як слид розговиться, та ще й чарку горилки выпыть та погулять, спэрва з родычамы, а дали з кумамы та и так з добрымы людьмы.

Кум зайшов до мэнэ уже на трэтий дэнь Риздва, зараз писля обидни; вин може и нэ зайшов бы тэпэр, а в якэ другэ врэмня, так выйшло так, що як ишов вин из церкви коло мого двору, так я самэ на двори чого сь порався, та й закыкав його у хату.

Эгэ ж. Ну, посадалы за стил та звисно, як и скризь бувае на билому свити, та у добрых людэй, зараз узялысь за горилку, щоб, знаетэ, вэсэлишэ дывыться було один одному у вичи, та балакать як слид, по души. Постановыв я грахвын чималый с горилкою на стил, а жинка накрышыла мняся та ковбаси на тарилку, наризала хлиба святого, та прынэсла пырижжив с потрипкою та смэтани. А коровкы у нас хоч и мали, а такы, благодарыть Бога, дають молочка по троху; у двох тэлята сьоголитни, а

трэтя, що торик вэсною у свата Корния выминяв, так та з бузэлком... Там и бузэллок такый кудлатый та паршывый, бильше на свыню схожый, чим на тэля, и корова така нэвэлычка та ще й кгула, а молоко, бачтэ, густэ та солодкэ...

Эгэ ж. Ну, звисно, як силы за стил, кум аж на покути, а я рядом коло його, а з другога боку коло кума жинка моя, так спэрва иззилы потрошку хлиба святого, — бо так же годыться, кажутъ, — а тоди ужэ узялысь за горилку; воно хоч и горилка з святого хлиба робыться, а все такы хлиб за нэи старший. Выпылы мы по одновий, а тоди закусылы добрэ, чим Бог послав, а дали я й кажу:

— Що ж, кумэ, писля однии добри людэ нэ закусюють! Давайтэ мабуть выпьем и по другий? Бо чоловик жэ на одний ноzi нэ ходыть, а на двох!

— Та вже воля ваша, куминьок! — одмовив кум.

Выпылы мы и по другий та упьять закусылы, а я швыдко налив и по трэтий; став пидносыть кумови, а вин бэрэ чарку в руки та й пытае:

— А нэ часто ж, кумэ, будэ?

— Та що цэ вы, куминьок! — кажу я. — Хиба мы, хай Бог милуе, дэ у трахтыри, або пид дошкамы сыдымо! Мы ж такы свои людэ, сыдымо у хати, та ще й рады святого праздныка, а нэ як нэбудь... Тэпэр, кумэ, загляньтэ у кажну хату, так скризь добри людэ горилку пьють! На тэ ж воно и праздныкы зроблэни, щоб людэ погулялы трохи, и хочь лышнье выпье, так тэпэр нэ грих! Чи так я кажу, кумэ, чи ни?

— Та гриха, звисно, нэ мае, — одмовив кум, — цэ вы правду кажэтэ!.. Ну, так глядять сами, вы хазяин, — вам выдنيшь... Чи по трэтий, то и по трэтий!

— Выпьем, кумэ, не то по трэтий, а можэ и по дэсятый, а там и по двадцатый, — чого нам чарки щитать? За горилку гроши заплачени, так трэба ии колы нэ будь выпыть, а то ищэ застоиться та прокыснэ, так вы мэнэ, кумэ, до убытку призвэдэтэ!

Кум засмиявся, а вмисти з ным и я з жинкою, та зараз и выпылы, а тоди знову стали закусювать. Писля того кум нэ став одмагаться, и скоро мы выпылы чарок можэ по дэсятку, а тоди ужэ завэли балачку за хазяйствэнни дила, за хлиборобство та за усяку всячыну...

Довгенько такы мы балакалы та выщитувалы, скильке хто хлиба сияв, чи богато намолотив, а дали уже стали балакать, хто що здумае.

На кинци кум став розсказувать, що общество наше будэ з вэсны строить вэлыку кирпичну школу, а кум самэ тоди выборным був и на сходку ходыв.

— Яка ж вона, кумэ, та школа будэ? — спытав я.

— Там школа така будэ вэлыка, що аж страшно подумать! — сказав кум, — прямо завбільшки з цэркву! Вона будэ двойна: унизу хаты и звэрху хаты, та як ото по городах бувае, — двоетажна, значить. Сказать вам, що одни викна будуть таки вэлыки та высоки, що дали вже й нікуды! Вы може й нэ повирытэ, кумэ, а це ж правда, що кажнэ викно тилькэ вширку будэ коло трьох аршын, та мабудь аршын чотыри заввышкы, як що нэ більшэ...

— Оце, хай Бог мылуе! — крикнула моя жинка. — Яки ж здорови викна!.. То нэ викна, а прямо — ворота, що можна и возом проихать!

— Та так-таки и можна проихать! — добавыв кум. — Цэ вы правду, кумочко, кажэтэ.

— А яки ж то вжэ стины заввишки, колы таки высоки викна? — спытала жинка.

— А стины будуть аршын у шисть, як що нэ в сим, — сказав кум.

— На що ж то така здорова школа? — спытав и я у кума. — Вона ж дорого мабудь выйдэ?

— Куды вам! — Махнув рукою кум. — Так дорого вона выйдэ, що як подумаеш, так аж волосся на голови стае дыбом. Вычытував пысарь пэрэд праздныкамы на сходди, скилькэ на школу усього пидэ и скилькэ усэ отэ з роботою будэ стоить, так выходыть, що та школа нашому обчэству обийдэться мало нэ в сорок тысяч рубльв!

— Ой, лышэнько!.. Що цэ вы, кумэ! Чы правду кажэтэ, чы шуткуетэ?! — закрычалы мы разом из жинкою.

— А чого б я вас дурыв? — обиззався кум. — На тэ ж я и выборный, щоб кажному у станыци правду казав про всэ, що у нас на сходи та у правлэнии робыться...

— Цэ беда, цэ разор, а нэ школа! — став я казать згаряча до кума. — И на що таки страшэнно вэлыки

гроши тратыть на школу! Наша цэрква, та й то тилькэ выйшла у двадцять сим тысяч, так то ж цэрква, а нэ школа!.. Хиба ж таки ни у кого отам на сходи толку нэмае, що зативають гуртом отакэ дило!

— Що ж, куминьок, ничего нэ зробиш! — пэрэбыв мэнэ кум. — Я и сам ужэ на сходи про тэ казав, и лаявся кой с кым, та ничего нэ выйшло! Бильша половины выборных не хочуть, чэрэз тэ бильшэ, що дорога, а всэ такы школу будуть строить. Отаман та пысарь кажуть, що одставыть цього дила тэпэр нэ можна, бо воно кругом за вэлыкэ начальство зайшло, и завэрнуть його на зад нэльзя. Воно це дило, кумэ, уже давно выдумано, годив тры або чотыри, та усэ вэдэться та й вэдэться, та аж тэпэр приходять йому кинци... Так, бачитэ, хитро закручэнэ, що куды нэ вэрты, а трэба строить, — ничего не поробиш.

— Оце так школа, хай йий абы що! — кажу я. — Яка нам тилькэ корысть будэ з нэи? Я думаю, що грамота одна, що раньше, що тэпэр, хиба ж такы нэльзя у дэшэвий школи дитэй учить? Учылы ж раньше у дэшэвий школи, так нэпрэминно трэба дорогу справлять! По мойму хоч у золотому горшку борщ варыть, хочь у чэрэпьяному, то борщ будэ одинаковый! Нащо ж воно отака вэлыка утрата? Ни, куминьок, Свырыд Свырыдовыч, що вы нэ кажить, а трэба було б повэрнуть цэ дило нэ так! Прямо сказав бы увэсь сход, що нэ хочэм, нэ жэлаем строить, та й квит! И ниhto б нэ присылував обчества робыть тэ, чого воно нэ хоче!

А кум мэни и кажэ:

— Ужэ мы за ту школу як лаялысь, так и кинця нэма, а ничего так и нэ выйшло! Як нэ крутылы, як нэ крутылы, а кончылы на тым, що з вэсни трэба ту школу строить, так як раньше она выдумана.

Писля такой балачкы выпылы мы з кумом ищэ по чарци, а дали я й пытаю кума упьять такы за ту школу:

— Так, можэ, кумэ, у тий новий школи нэ такэ обучение будэ, як раньше? Можэ диты будуть бильшу грамоту проходить?

— Та казав батюшка, що школа ця будэ двохкласна, и обучение в нэи будэ нэ такэ, як раньше; тоди проходылы

увэсь курс за тры годы, а тэпэр, бачтэ трэба будэ хлопцэви ходыть аж пять лит, щоб кончыть увэсь курс учэння. Так за тэ, кажуть, як кончыть вин увэсь курс, та пидэ на службу, так служыть будэ на одын год мэньшэ. Тэпэр, бачтэ, козаки служыть чотыри годы, а тому, хто кончить двохкласну школу, одын год скидається, и будэ вин, значыть, служыть тилькэ тры годы.

— Так то добрэ було б, — кажу я. — Тилькэ ж дорого обийдэться воно козакови, та ище чи справди ж воно так и будэ?

А кум и кажэ:

— Та балакають, що так и будэ, як хто пройде увэсь курс у тий школи. Ну, звисно, нэ всякий хлопэць будэ ходыть пять лит, а богато будэ таких, що походять год, або два, та й годи; бо, звисно, якэ там учэння, колы дома батькови хлопэць у хозяйстви нужный! Добрэ тим, у кого есть за що наняты, а бидному чоловикови трудно обходыться самому; вин и так бидный, ждэ нэ дождэться, помы хоч трохы сын пидростэ та помогать у хазяйстви станэ; чэрэз тэ и нэ прыходыться йому довго учыть сына у школи; як тилькэ побачыв, що сын ужэ навчывся чытать та пысать, от вин и нэ пуськае бильшэ його из дому, а начынае прыучать до хазяйскаго дила.

— Оцэ вы правду кажэтэ, кумэ; так воно бильшэ и робыться, — добавыв я. — Та по правди сказать, так на що нашому братови и учыться довго? Як выучывся чытать та пысать, от и усэ! То тилькэ на попи або на пани трэба довго кажуть учыться, а нашому братови казакови нащо воно отакэ вэлыкэ обучение?

— А звисно, нащо воно нам! — промовыв и кум. — Цур йому з тиею вэлыкою навукою, вона, кумэ, до добра нэ всякого доводить! Я нэ знаю, чому воно доброму заучають у тых вэлых школах, що по городах, а тилькэ толкив з того бувае нэ дуже богато. Учыться, учыться, у тий школи, помы там и повырастають, що й жэныть пора; ужэ и усы и бороды поростуть, а воны всэ учыться! А пры кинци доучыться до того, що и Бога забудуть и на усих людэй з прызырством та з нэповагою дывляться, бо дужэ, бачтэ, поробляться розумни! А як подывышся, що воны з своим вэлым розумом выробляють, так аж

чудно и дивно станэ! Наш брат, простый, нэвчэный козак никола нэ одважыцца на такэ дило, як оти дужэ обучэни людэ! Ажэ ж вы знаэтэ, кумэ, що було у нашый станыци аж позаторик, чого булы наробылы оти дужэ обучэни скубэнты, як умэрла покойна Пупогрызыха?

— Та я такы був трохы прочув од людэй, а добрэ нэ знаю, — одмовыв я кумови. — Я тоди самэ йиздыв у Азов з хлибом, та покы справывся там, та покы дощок видтиль прывиз, так мабуць з нэдилю миста пройшло, як нэ бильшэ. А як прийихав додому, так тут ужэ почув од людэй, що Пупогрызыху поховалы, и що якэсь там чуднэ дило було. Як що можна, кумэ, так будтэ добри, розкажить, що воно такэ було.

— Та розказать нэ штука, — кажэ кум, — а дило выйшло дужэ чуднэ, — есть чого послухать. Я того году обчественным казначэем був, так усэ добрэ знаю, що оти бусурьски скубэнты булы наробылы. Смиха було стилькэ, що мабуць нэдиль з дви усэ смиялысь у правлэнии, та й по станыци скризь по-миж людьмы довгэнько балачка ишла! Хоч воно и нэ годылось у такому дили смияцца та смихом помынатъ покойныцю Пупогрызыху, бо вона була такы добра жинка для усих людэй, так що ж поробыш! Не од нас воно тэ выйшло, а од отих бэзбожныкив, що по вэлых школах учаться, та мабуць дужэ пэрэучуюцца на одын бик, що забувають и Бога и святы його закон! Звисно, воны можэ и нэ вси таки, а всэ такы дужэ богато з йихнього брата отаких шыбэныкив.

— Та чии ж воны так булы, кумэ, видкиля воны взялысь? — спытав я.

— Видкиля взялысь? А хто йих знае, я вам за тэ, кумэ, добрэ нэ докажу. Знаю тилькэ, що чийсь сыны, чи паньски, чи попивськи... можэ з нашої станыци, а можэ яки найизжи, з другои якои стороны. Дозналысь тилькэ упосли, що ходылы воны по улыци, спивалы добри писни, таки, що нашому братови, звисно, так нэ заспивать, а потим того и надумалы зробыць оту кавэрзу...

— Ну, давайтэ ж, кумэ, выпьем по чарци, — кажу я, — а тоди ужэ вы и розкажэтэ, усэ як слид.

Налыв я горилкы соби и кумови, а писля того и жинци

своий, та як закусылы добрэ, так кум и начав тоди
разказувать.

— Дило було ось як. Зибралысь, значыть, дэсь оти
панськи чы поповськи диты, що звутся скубентамы по
своему вэлыкому вчэнню, та й зачалы пьянствувать та
выстроювать усяки бэшкэты, а дали выйшылы з хаты та й
пишылы скрызь по улыци. Дило було пиздно вэчэром и
уже було скрызь тэмно, бо мисяц ищэ нэ сходыв. Ходылы,
ходылы воны по станыци, спивалы разни писни, та
выкомарювалы усяки штукуы, та й зайшылы аж на край
станыци, дэ жыла баба Пупогрызыха. А вона на той
случай тилькэ того дня пэрэд вэчэром умэрла. Ну, вы ж
знаетэ, кумэ, що вона была баба одынока, бо ниякои
ридни у ней нэ було, так як умэрла вона, то звисно и
людэй до нэй мало посходылось; прийшло з дэсятк
старых баб, таких як и сама покойныця была, та ото й
тылькэ, а з мужыкив никого нэ було. Посходылысь ти
бабы, прыбралы покойныцю, як слид, положылы на столи,
а самы посидалы у хати та й сыдятъ. Пошукалы було
воны такого чоловика, щоб почытав савтырь, так и нэ
найшылы, бо самэ тоди была рабоча литня пора, и уси людэ
булы в стэпу, так и нэ найшлося такого грамотия, щоб
савтыря почытав. Довго сыдили ти бабы у хати коло
покойныци, яки на лави, а яки прямо на доливци, та вэлы
зтыха балачку про покойныцю, що вона зробыла добраго
та хорошаго за свою жысть, и так добалакалысь воны
аж до пивночи. Ну, звисно, як стала розбырать йих
дримота, то воны скоро уси и поснулы; тилькэ одна баба
узялась нэ спать, бо трэба було пидправлять лампадку,
що горила пэрэд иконою, та свичкы, що булы поставлэни
коло покойныци.

Сыдила-сыдила та баба довгэнько, та, мабудь, и вона
из сылы выбылась, бо нэ счулась, як и заснула. Дило
було уже опивночи. На той случай самы от скубэнты
гулялы по улыци тай заглядылы у хати свитло. Пэрэлиз
выдно якый-сь из йих чэрэз дошки, подывывсь у викно,
аж на столи мэртвяк лэжить, а на лавах та на доливци
сплять сами бабы. Ну, як розказав вин усии компании
про тэ, що вин у хати побачыв, так тут и пидстроила йих
нэчыста сыла зробыть отаку капость. Зараз збигав одын

у чый-сь погриб, прынис глэчык кисляку, а тоди поты-хэньку увийшылы у хату тай давай там порядкувать по-своему. Пиднялы воны мэртву бабу, посадылы на столи, а за спыною, щоб нэ падала, пидпэрлы рогачамы; а тоди поставылы йий миж ногы глэчык з кисляком, а в руку далы ложку, та начэ вона справди кисляк йисть, а одын узяв, та шей й коло рота баби кисляком вымазав, а очи пидправыв соломынкою, щоб вона дывылась як слид, начэ жыва. Ну, як зробылы ото воны усэ, що задумалы, так тоди повыходылы из хаты та й дывляться у викно, що воно з того будэ, а бабы сплять, як нэ жыви, и ничего нэ чують!

Дывылысь-дывылысь воны у викно, а бабы усэ сплять, ни одна нэ прокынэться, так годи одын узяв та й постукав з тыха у викно. Тилькэ вин постукав, колы одна баба, що лэжала сэрэд хаты на доливци, прокынулась та спэрва, нэ разглядившы добрэ з просоння, стала чухмарыться; а дали, як глянула на стил, та так и упала бидолашна на доливку, выдно пэрэлякалась дужэ!

Полежала вона отак трошкы, а тоди потыхэньку рачкы-рачкы до двэрэй, одчыныла двэри у сины, а з синэй на двир, а сама усэ рачкуе та на мэртву бабу дывыться. Як вылизла ужэ на двир, так тоди тилькэ пидхватылась на ногы, пэрэлизла швыдэнько чэрэз дошкы та й кынулась бигты по улыци з усиеи сылы! Та ужэ як одбигла далычэнько, так начала щось такэ крычать. А на двори ужэ мисяц зийшов и скрызь по улыци стало выдно, так як и в дэнь.

Як вылизла та баба из хаты, так стукнула двэрима, и од того стуку прокынулась ищэ одна баба. Схватылась вона з доливкы, та як побаччыла, що на столи мэртва баба сыдыть и кисляк йисть, так у нэи и душа умэрла! Зачала вона хрэстыться, а сама усэ по-трошку сунэться рачкы до двэрэй, аж покы нэ вылизла у сины, а з синэй на двир. Вылизла баба на двир та тоди ужэ, так як и пэрва, пэрэлизла через дошкы та й кынулась тикать! Бижыть и нэ оглядається та усэ хрыстыться та молитвы шепче; а як одбигла ужэ далэко, так тоди тилькэ стала сэрэд улэци, оглянулась назад и зачала крычать: "Ой, Божэ мий! Ратуйтэ!"

За циею бабою слидком прокынулась ищэ одна баба, що спала на лави, нэдалэко од стола. Сила вона на лави та, звисно, з просонку довгэнько сыдила чухалась, нэ роскрываючы очэй. А дали, як прышла до памьяты та глянула на мэртвяка, колы — лышэчко! Дывыться, що мэртва Пупогрызыха кисляк йисть и на нэи страшэнно так очи вырячила, так та бидна баба од страху чуть було умом нэ тронулась! Схватылась вона з лавы та як наробыть крыку, як кынэться до двэрэй, а на доливци ищэ спало дви чы може тры бабы, так вона сэрдэшна спиткнулась та прямо на йих так и упала, а сама усэ крычыть!

Тут ужэ од крыку посхвачувалысь уси бабы, що булы у хати. Попэрэлякувалысь з просонку бидни бабы на смэрть, та наробылы такого крыку, наче на пужарыщи! Пovyскакувалы воны прожогом из хаты та й майнулы з крыком скрызь по улыци, куды яка потрапыла! Писля того ужэ выдно и ти шыбэныкы, що пидстроилы отаку штуку, тоже дряпнулы додому, бо бильшэ там ийм робыть було ничого и нихто йих там ужэ нэ бачыв.

На крык тих баб позбиралысь кой-яки людэ та як роспыталысь, чого воны крычат, так кажнэ, хрыстячись, сховалось у свою хату. Тилькэ одын сусыдськый парубок Тэрэшко, удовы Пэндюрыхы сын, так той набрався такы духу та пидлиз рачкы пид викно, та й заглянув у хату. Заглянув у хату, та як побачыв, що справди баба Пупогрызыха сыдыть на столи та щэ й кисляк йисть, так вин з ляку так и ударывся навтикача по улыци та й прыбиг прямисинько у правлэние.

А в тэ врэмня я ищэ сыдив у правлэнии и кинчав свою казначэйську роботу, бо сподивались мы, що скоро прыйдэ участковый и будэ провирять обчэствэнни гроши. Був у правлэнии и помощник атамана, уряднык Мытро Закрутыгуба... Вы ж знаэтэ, що мы з ным кумы и давни прыятэли?.. Вин той вэчир сыдив усэ коло мэнэ и довгэнько балакалы, а дали зачав дримать, схылывшысь на стил, а спать ищэ нэ лягав. Тилькэ я покинчав свое дило коло обчэствэнных грошэй, запэр сундук и йжэ збирався иты додому, колы прыбиг у правлэние Пындюрышын парубок Тэрэшко. Ускочив вин до нас у казначэйську хату та зараз и давай гвалтувать:

— Ой, Божэ мий!.. Ой!.. Насылу добиг до правлэния!.. З пэрэляку так биг, що й ниг пид собою нэ чув! Ой, Божэ мий!.. Зовсим из сылы выбывсь!.. Так пэрэлякавсь!..

— Та чого ж ты пэрэлякавсь? — спытав помощнык.

— Мэртвои бабы пэрэлякавсь!.. Пупогрызыхы... Думава, що вона за мною слидком жэнэться!..

— От дурный! — кажэ помощнык. — Чого ж вона за тобою будэ гнэться, колы вона вмэрла?

— Эгэ, вмэрла! Як бы ж то вмэрла, а то жыва!..

— Що ты росказуэш! Я добрэ знаю, що вона пэрэд вэчэром вмэрла, — сказав помощнык. — Тилькэ даром отут людэй куражыш, дурысвит!.. И чого б вона мэртва за тобою дураком гналась слидком? Вона жыва була така смырна та тыха, що никому було дурного слова нэ скажэ, а то б вона мэртва за людьмы ганялась!

— Та йий-Богу, дядьку, що правда!..

— Що правда? Що вона за тобою гналась? — сэрдыто спытав помощнык.

— Та ни, можэ вона й нэ гналась, я того добрэ нэ знаю... Мэни здавалось тилькэ... а що вона тэпэр ужэ нэ мэртва, так цэ правда, бо я сам тэ бачыв...

— Що ты бачыв?

— Що вона жыва...

— Як жэ цэ так?

— Та як?.. Своимы очыма!

— Брэшэш!

— От, йий-же Божу, бачив своимы очыма, так як оцэ й вас зараз бачу!..

— Чы ты нас отут подурыть захотив, чы можэ сам здурив! — крыкнув на його помощнык. — Гэть видсиля! А то я тэбэ анахтымського выродка у холодну засадыю!..

— Та постойтэ, дядьку!.. Ось послухайтэ!.. Дайтэ мэни розсказать усэ, як слид...

— Нэ хочу дурных рэчэй и слухать!

— Та нит же... Правду розкажу, як було... Жыва сыдыть на столи... Щэ й кисляк ложкою йисть!..

Тут я нэ втэрпив и засмиявсь, а за мною засмиявсь и помощнык.

— Я ж кажу, що здурив хлопэць та й усэ! — добавыв вин ужэ бэз сэрця.

— Та нэхай ужэ розкажэ, що вин там бачыв, — сказав я. — Можэ справди баба о жыла... Бувае й такэ на свити!

— Та яка там правда! — Махнув рукою помощнык. — Хиба можэ прыснылось!... Ну, кажы вжэ, що ты там бачыв.

— Лэжав я надвори коло хаты и спав...

— Ну, я ж кажу, — пэрэбыв помощнык, — що цэ йому зпросонку...

— Ось постойтэ, дядьку, дайтэ мэни розказать... Лэжав я надвори коло хаты, колы чую криз сон, що нэначэ крычат на улыци людэ... И голоса усэ тонэньки... бабьячи... Так начэ стари бабы яти крычат... Я схватывся, выбиг на улыцю, колы так... Бижать по улыци бабы, ти що коло мэртвои Пупогрызыхы ночувалы... Спэрэду бижыть Сэв-радымыха та Нэдошкрэбыха, а за нымы Сопильнячка та Крутохвостыха... Бижать, а сами голосно крычат на всю улыцю:

— "Ой, Боже мий!... Рятуйтэ!.. Рятуйтэ!.."

На той крык повыбигалы на улыцю ищэ дэ-яки людэ та сталы йих роспытувать, чого воны крычат, а я й соби пидийшов до йих та став слухать... От баба Крутохвостыха и росказуе, а сама аж трусуться, росказуе, що нэначэ б то Пупогрызыха о жыла, достала из погриба глэчык кисляку та сыдыть на столи тай йисть той кисляк... Я як почув, так нэ повирыв, так як оцэ й вы мэни нэ повирылы, та й думаю соби: "Брэшэ, вража баба! Нэповынно, щоб Пупогрызыха о жила, бо я сам ии мэртву бачив... Мабудь баби прыснылось..." От я пишов потыхэньку до бабынои хаты, пидлиз рачкы до викна, та як заглянув, так чуть було нэ вмэр од ляку!..

— Що ж ты там побачыв? — спытав помощнык.

— Глянув я у викно, колы дывлюсь, аж мэртва Пупогрызыха сыдыть на столи, та дэржыть миж ногамы глэчык кисляку и йисть його ложкою... А як углядила вона, що я дывлюсь у викно, так вытрищыла очи з лоба та так страшэнно на мэне глянула, та ще й ложкою замирылась, що у мэне на души так и похолонуло!.. Так я як майнув видтиль та як ударывсь тикать, так нэ вчувсь, як и сюда прылэтив!.. Та всэ здавалось мэни дорогою, що мэртва баба за мною слидком бижыть..

— Чы ты ж нэ брэшэш? — спытав помощнык.

— Щоб я з цього миста нэ зийшов, колы брэшу! Нэхай мэни язык усохнэ и вси рэчи одбэрэ, колы оцэ усэ нэправда, што я казав!.. Та як што нэ вирытэ мэни, дядьку, так хоч паспытайтэ отих баб, што ночувалы у Пупогрызыхы, або...

Щэ нэ скинчыв к сляд свого росказу Тэрэшко, як мы уси почулы знадвору коло правлэния крык:

— Ой, Божэ мий!.. Ой!.. Рятуйтэ, хто в Бога вируе!.. Ой!.. Смэрть моя!..

Выдно яка-сь баба крычала, та так голосно та жалибно, што нам усим и сумно и начэ аж страшно зробылось.

— От бачытэ!.. Цэ яка-сь баба прыбигла!.. — сказав Тэрэшко.

— Що за лыха годына! — крыкнув помощнык. — Оцэ ищэ штука — такой нэ було!.. Тут и с живымы людьмы хлопит што дня нэобэрэшься, а цэ и мэртвякы ужэ начынають куражытэся та людям покою нэ даватэ!..

Выйшы мы уси на крыльцо правлэния, колы там баба Сопильнячка стогнэ, припавши до схиддив.

— Чого цэ вы крычытэ, бабусю? — спытав помощнык.

— Ох!.. Лышэчко!.. Пэрэлякалась я на смэрть!.. Ой!.. Божэ мий!.. Смэрть моя!.. — застогнала Сопильнячка.

— Та чого ж вы пэрэлякалысь?

— Ох... Божэ мий!.. Розказатэ вам, якэ страшнэ дило выйшло, так можэ и нэ повирытэ... Ночувалы мы у Пупогрызыхы... Вы ж чулы, што вона умэрла?..

— Та як жэ, чув, мэни людэ казалы, щэ вона звэчэра умэрла...

— Эгэ, мий голубчыку... Звэчэра ж умэрла... Мы ии покойныцю, обмылы, смэртэьну одэжу надилы та й положылы на столи... Довгэнько такы сыдилы мы коло покойныци, а як стало до пивночи времня пидходытэ, так узялы та полягалы спать... Та выдно такы не даром кажуть, што грих спать коло мэртвяка!.. А мы уси начэ подурилы... Узяли та й поснулы на грих... Колы прокынусь я, аж Пупогрызыха сыдытэ на столи та щэ й кисляк йистэ ложкою прямо з глэчика... Як глянэ вона на мэнэ так страшенно, вырячывшы очи, та тоди пдыг з стола та до мэнэ, так я як нароблю крыку та тикатэ з хаты, а за мною уси бабы, што ночувалы... та думаю, куды його

бигты?.. Та оцэ и прыбигла сюды, бо дома никого у мэнэ нэмае... Ох!..Мочи ж нэмае у мэнэ... Сэрцэ як нэ выскочэ... Пэрэлякалась на смэрць...

Тут ужэ, по правди сказать, усим нам зробылось страшно. А помощнык и кажэ:

— Що ж оцэ тэпэр робыць... Хиба забрать козакив та пидты узнать, що воно там такэ.

— Як знаетэ, — кажу я, — можна и пидты гуртом... Бо звисно одному або двом так начэ страшно...

— Чого там страшно? — пэрэбыв мэнэ помощнык, — мэртвой бабы страшно!..

— Так нэ мэртва, а жыва ж кажуть...

— Так хиба мы и живои будэм бояться?

— Дядьку! — обизвавсь Тэрэшко.

— Ну, чого, — спытав помощнык.

— А що, як вона можэ видьма?

— Ну, так що?

— А хиба ж вы нэ знаетэ?.. Чэрэз тэ вона и о жыла, мабуть, що ии за грихи зэмля нэ прыймае... А як пидымо, то вона кому-нэбудь и вчэпыцься за горлянку...

— Що ты плэтэш казна-що! — пэрэбыв помощнык.

— Ни, голубчыкы мои, — обизвалась до нас Сопильнячка, — нэ бэриць гриха на душу!.. Як бы вона була видьма, так було б звисно... а то ничого нэ було чуть... то он Правдийка Палажка, так та навспражкы видьма, про тэ всэ людэ знають... а ця ни... що ни, то вжэ ни... А так Бог його святы знае, що воно з нэю подиялось... А трэба б начэ польции туды довидаться, бо можэ вона нэ пры своему уми, та щэ хату запалыць... та там жэ и свичкы горять и лампатка...

— Эгэ, так цэ трэба туды сходыць дознать, що вона там робэ... Оцэ так дила! — крыкнув помощнык, — таких щэ й нэчулы!.. Так як? Сходымо? — спытав вин мэнэ.

— Та давайтэ сходымо! — сказав я, бо мэни и самому дужэ захотылось сходыць подывыцься.

— А ну, нагукай мэни дижурного! — крыкнув помощнык часовому.

Побиг часовый, розбудыв дижурного та скоро и назад умисти з ным вэрнувься.

— Хто там у вас з козакив есть, окромэ часовых? — спытав дижурного помощнык.

— Зараз у правлэнии сплять окромэ часовых ось яки козаки: Куприян Ганчирка, Мына Паутына, Вэрэмий Вэртыхвист, Опанас Луска, Пархим Прыпичок, Сэмэн Вэртъ, Гапон Пэрэдэржко, Самийло Смэртъ, Стэпан Завийныця, Юрко Огудына, Грыгорий Цыцька и Саврадым Попада, — усього двадцять чоловик.

— Ну, так от що: зараз визмить шість чоловик козакив, та пидэм у одно мисто; та глядять — швыдко збирайтэсь!

Дижурный побиг будыть козакив; скоро вони прыйшлы до помощныка умисти з дижурным, а помощнык и кажэ:

— Вы мабудь нэ чулы, що случылось?

— Ни, нэ чулы! — одмовыв дижурный. — А що ж случылось?

— Тут прямо стория, та й тилькэ!

— Що ж там такэ?

— Кажуть мэртва баба Пупогрызыха, що звэчэра умэрла, оцэ ноччу зробылась жыва, та так дужэ пэрэлякала усих баб, що коло нэи ночувалы, що вони уси поразбигалысь, а йийи бросылы одну. Так оцэ тэпэр мы пидэмо довидаемось: чы воно правда, чы ни; и що тэпэр та мэртва баба робыть. Ну, идыть уси гуртом за мною!

Писля того уси пишы по улыци до хаты Пупогрызыхы, а я и соби прыстав до йих та й пишов рядом з помощныком, бо и мэни дужэ кортило побачыть жыву Пупогрызыху. Иззаду усих за козакамы ишов и парубок Тэрэшко.

Мисяць дужэ ясно освичував з нэба, и скризь по усих улыцях та пэрэулках було так выдно, як у дэнь, — хоч голкы збейрай. Ужэ давно зийшов высожар и выдно було, що ужэ нэ далэко до свита. На улыцях никого нэ було выдно и ничого нэ було чутъ, — тилькэ кой-дэ линиво з протягом гавкалы собаки. Уся польция ишла нэ швидко, з повагою; козаки дэржалысь ливою рукою за шашкы, а правою махалы впэрэд и назад; кой-яки частэнько озыралысь назад та поглядалы на бока, и по всьому выдно було, що нэ дужэ то хотылось йим иты до жывого мэртвяка. Мэни самому було яко-сь нэвэсэло: начэ я ничого и нэ боявсь, а всэ-такы у голови вэртылась думка про мэртвяка, и на души яко сь було сумно. Тилькэ одын

помощнык ишов спэрэду ривним шагом, так як и днэм ходыть по служэбным дилам, и своим выдом показував, наче вин мало про мэртву бабу и думае. Бидовый вин, отой Закрутыгуба!

Ось ужэ показався край станыци и стало выдно хату бабы Пупогрызыхы. Тилькэ сталы пидходыть блыжчэ, як уси поставалы щоб посовитуваться, що трэба робыть. Тут выступыв из партии козак Стэпан Завийныця, пидийшов до помощныка та й кажэ:

— Господын помощнык! Чы вы ж нэ дозналысь, можэ оця баба видьма?

— Ну, так що, як видьма? — спытав помощнык.

— Та як що вона видьма, так мы ничого з нэю нэ зробымо! Вона обэрныться собакою або кишкою та й утичэ; та то щэ й добрэ, як утичэ и никому ничого нэ зробэ, а то щэ як бы кому горла нэ пэрэгрызла!

— Ну, пишов разказувать, бабськи вытивкы! — пэрэбыв його помощнык. — Дэ ж ты бачыв, або чув, щоб видьма кому горло пэрэгрызла? Я оцим выдумкам нэ вирую, бо то усэ брэхня!

— Та хоч вы и нэ вирытэ, так мы вирино, — сказал Завийныця. — Що видмы есть, — про тэ уси людэ кажуть.

— Ото ж таки й кажуть дурни, як оцэ ты! — пэрэбыв його знову з сэрдцэм помощнык.

— Нэ вси ж дурни — есть и розумни людэ!.. А особлыво, як його нэ вирыть, колы стари люди про тэ скризь балакають; воны ж нэ дарэм прожылы свий вик, так можэ бильшэ нашего бачылы!

— Ну, а по твоему, що тут трэба робыть? — спытав його помощнык.

— Трэба, господын помощнык, распытаться, хто тут по миж козакамы пэрвый у матэри сын, хто пэрвый родывся, так того видьма нэ займэ. Як що есть по-миж намы такый, так той и нэхай идэ у хату до мэртвои бабы; а хто його знаэ, можэ вона видьма, так щоб нэ зробыла якои капости, як хто здря туды сунэться!.. Та нэхай визьмэ той козак для случаю палку в руки, та щоб була та палка з сучком, бо такою, що бэз сучка, видмы нэ вдарыш.. Та як що кынэться вона до його, так нэхай бье ии з ливои, а нэ з правои руки...

— Бач, якый ты знахарь, — засмиявсь помощнык, — а я того, раньшэ и нэ знав! Так можэ ты сам и пидеш до бабы у хату, бо вона такого знахаря мабуць нэ займэ?

— Ни, я нэ пиду, — боюсь; як бы раньшэ було сказать, так я збигав бы до сусида та узяв бы у його собаку; у його есть собака — ирчук, тика, що ии видмы бояться, так з тиею собакою я б пишов до якоии вгодно видмы, а сам тэпэр нэ пиду!

— Та й дурный жэ ты, як я на тэбэ подывлюсь!

— Чого ж я дурный?

— Того, що дурный, та й усэ!

Тилькэ воны отак побалакалы, колы стали скризь по станыци спивать пивни. А помощнык тоди и кажэ до Завийныци:

— Чуешь? Пивни спивають!.. Ты добрый знахарь, ну, та и я нэ хужэ тэбэ! Я тожэ нэ раз од старих людэй чув, що уси видмы и мэртвайки мають сылу тилькэ до пэрвых пивнив, а як пивни заспивають, так уся йихня нэчиста сила пропадае!

— Та цэ уси знают! Що правда, то правда, — сказав Завийныця.

— Ну, а колы правда так от що: як мы з тобою добри знахари, так мы пидэм удвох упэрэд та прямо, нэ довго думаючы, и зайдэм у хату, а за намы слидком и уси остальни. А ну, хлопци, гайда разом.

Уси швыдэнько пэрэлизли чэрэз дошкы у двир, а тоди пишлы у хату, попэрэду йшов помощнык и козак Завийныця, а за нымы — други козаки.

— Одчыняй двэри! — кажэ помощнык до Звийныци.

— Э... Я боюсь... Одчыняйтэ вы!

— Эх ты, козак... Баба ты, а нэ козак!

Тилькэ помощнык одчыныв двэри, а Звийныця углядив що мэртва баба сыдыть на столи, та як наробыть крыку:

— Ой, Божэ мий!.. Хлопци!.. Видьма! Йижэ ты Богу, видьма!..

— Тикайтэ, хлопци! — крыкнув ищэ хто-сь.

Од того крыку кынулысь уси козаки из синэй, а Завийныця попэрэду усих! Прыскочылы уси до огорожи, та як ухватятыся за верхнюю дошку, а вона як одломыт-ся, — так и покотылысь уси на зэмлю!

Выскочив и помощник из синэй та й кричить:

— Стойтэ, хлопци! Куда?.. От я вам дам видьмы! Бач, яки храбри! Мэртвои бабы злякалысь!.. Эх вы, козаки гныли!... Стойтэ, нэ тикайтэ, а то я вас усих засадо на хлеб та на воду!..

— Та як жэ туды йты, — огрызнувьсь Завийныця, — колы баба сыдыть жива та шей кисляк йисть!

— Так що ж, що жыва?.. Так ты и живоии боишься? Ты, Завийныця, настоящий дурак! И мэртвых боишься, и од живых тикаеш! И нащо було отакого дурня брать?.. Колы ты такой храбрый козак, так гэть видсил назад у правлэние! Я утром доложу отаманови, щоб назнычыв тэбэ днив на тры у важку общественну работу... Можэ з тэбэ трохы дуристь выйдэ!..

— Помылуйтэ, господын помощник! Хиба ж одын тикав? Вжэ ж и други тикалы умисти зо мною!..

— Марш назад, я тоби прыказую! — закрычав помощник. — Мы и бэз тэбэ обийдэмся!..

Завийныця попливсь назад у правлэние.

Тилькэ помощник прогнав козака Завийныцю, колы пидбигае до його парубок Тэрэшко та й каже:

— Дядьку! Вона оця баба нэ жыва, а мэртва!

— А ты почим знаеш?

— Та я оцэ зараз дывывсь у викно, так вона пидспыну аж двома рогачамы пидпэрта! Як бы вона була жыва, так нащо б вона пидпырала сэбэ рогачамы!..

Тут уси мы кынулысь до викон та й стали глядять. Дывымось, — аж справди так! Сыдыть баба на столи и нэ здвынэться, нэ ворухнэться, наче залякла, бо звисно ж мэртва, а ззаду у спыну пидпэрта аж двома рогачамы.

— От так штука! — крыкнув помощник. — Цэ хто сь пидстроив добру рахубу, бодай йому руки и ноги покорчыло!.. Насмиявсь над мэртвяком и попэрэлякував скилькэ бидных баб... Так от басурманська його душа!.. Ну, хлопци, ходимтэ тэпэр у хату!

Увийшы мы у хату и ужэ нэ боязно уси пидийшы до покойной Пупогрызыхы. Тут мы добрэ роздывылысь, що бидна мэртва баба ничым нэ выновата, що наробыла такого пэрэполоху. По-всьому выдно було, що тут хто-сь порядкував для штуки, щоб налякать баб. Жалко було

мэртвои бабы, що над нэю хто-сь так сквэрно насмиявся, а жальчэ було отих сэрдэшных баб, що коло мэртвои ночувалы. Бо з пэрэляку воны бидни уси булы похварялы, а одна чуть була нэ вмэрла.

Як увийшылы мы у хату, так свички кой яки ужэ догорилы и потухлы, а одна горила аж коло самой бабы, и як бы мы нэ поспишылысь прыйты, так можэ загорилась бы и мэртва баба, а з нэю згорила б и хата.

Писля того помощнык и кажэ до козакив:

— Слухайтэ сюда: дижурный, козақы Опанас Луска и Пархим Прыпичок остануться тут коло бабы и будут стэрэгты од усякого случаю, а мы вэрнэмось назад у правлэние. Трэба будэ зараз йихать до отамана и доложить усэ як сльд за цэй случай, а тоди ужэ вин сам зробыть у цьому дили порядок, який потрэбується.

З тым мы уси и вэрнулысь назад у правлэние. Утром з усиеи станыци посходылысь людэ до хаты Пупогрызыхы и усэ дывылысь на покойныцю, як вона кисляк йила. А баба усэ сидила на столи и дэржала ложку в руках, а миж ногамы стояв глэчык с кисляком. Сыдила вона та страшенно так поглядала на людэй, аж помы нэ прыхалы отаман и батюшка. Подывылысь воны, похыталы головами та побалакалы миж собою, а дали батюшка приказав, щоб нагрлы воды та облылы мэртву бабу гарячою водою, бо вона так и задубила сыдячы, а тоди щоб одяглы та положиылы у труну.

У той дэнь бабу Пупогрызыху и поховалы, а у правлэнии щось напысалы по начальству за той случай, так тилькэ ничого з того нэ выйшло, бо никого выноватого нэ найшылы. Тилькэ по-миж людьмы довго ишла балачка, що оцю штуку из мэртвою бабою пидстроилы оти шыбэныкы — скубэнты, чы як йих там называють, що учяцься по вэлых школах, та пэрэучують на одын бик, так що й Бога забувають и людськи законы пид ногы топчуть... Воны и у той вэчир ходылы по станыци и спивалы писни, то вжэ бильш нэ хто, як воны и наробылы отакого пэрэполоху на всю станыцю... Бо звисно наш брат, простой чоловик, у Бога вируе и гриха боиться, так нихто нэ одважыться на отакэ поганэ дило...

— Цэ вы правду, кумэ, говорытэ, — добавыв я, — из

нашого брата, звисно, на отакэ дило зроду ниhto нэ одважыться!

— Эгэ ж. Мэни такы раз якось казав по сэкрэту пысарь, як був добрэ пид мухою, що у тий компании був и нашего попа сын, сэмынарыст, та й обыдва Ковалэнькови сыны, що учятыся аж у Москви у вэрсытэти... и що вони гуртом з другымы товарищамы, що прыизжалы до йих у гости, и наробылы отого поганого дыва... Ну, воно, звисно, як бы наш брат такого наробыв, то може б и выявылось, а тут просьба була и до отамана, та й ще кой-дэ... так воно и прыкрыто, щоб ниhto нэ знав. Звисно, батькам жалко своих дитэй: вони йих учяты та гроши на йих тратяты, а ти од вэлыкои науки з ума сходяты и такэ, бач, выкаблучуюты, що як бы нэ богатих батькив сыны, то можэ з вэлыкои школы та попали б у вэлыку тюрьму... Глядишь тилькэ, кумэ, никому про цэ нэ кажить, бо мэни пысарь по сэкрэту сказав и просыв, щоб я мовчав... Воно хочь и давня рич, а всэ таки, знаэтэ, щоб нэ выявылось лишньої про тэ балачкы по-миж народом...

— Нэ бийтэсь, куминьок, — нэ скажу никому! — Я нэ люблю здря языком дзвонить и разбыраю, що можно казаты и чого нэльзя! Та воно тэпэр никому и знаты про тэ нэ трэба, — що було, тэ пройшло! — Успокоив я кума.

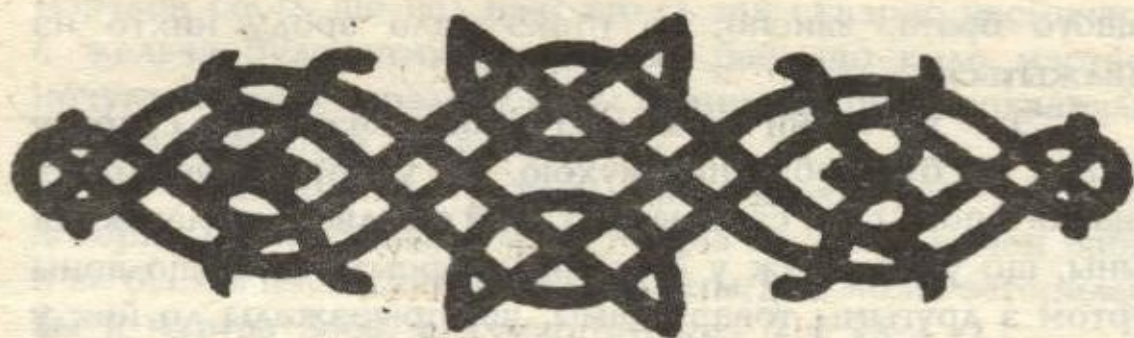
Писля того ищэ трошки мы посыдили, та скоро кум и додому пишов.

Так отакэ то чуднэ дило було у нашый станыци з тиею бидною Пупогрызыхою!

Сентября, 5 дня 1911 року.

Станыця Нэзамаивка, Куб. обл.

ГОРИЛКА, ЯК ТА ГАРНА ДИВКА, ХОЧ КОГО З УМА ЗВЭДЭ

Глава I

Жыла в свити дивка,
А звалась — Горилка,
И вэсэла, и проворна,
Швыдка, шуэтра и моторна, —
Дивка — хочь куды!
Дэ вона являлась,
Гульня пиднималась;
Вси з Горилкою гулялы
И вэсэли скрызь бувалы,
Куды нэ пиды.

* * *

Вона й на родынах,
Вона й на хрэстынах;
И на помынках бувала,
И на свайбу выстыгала, —
Давала всим лад,
Уси ии зналы,
И скрызь поважалы;
Кажный, було, заклыкае,
Кыда дыло та гуляе,
Бо Горильци рад.

* * *

Хто з нэю спизнався,
Журьбы одцурався;
На ввэсь свит махнув рукою;
Дэнь и нич нэ мав покою,
Одно знав — гуляв.
У дэнь — мов вэсилля,
На утро — похмилля;
Що — дня, бэсэды справляе,
Та Горильци догождае, —
Так уподобав.

* * *

Така була дивка,
Вэсэла Горилка.
Дужэ ии поважалы,
Разни мэння прыкладалы,
Бо усяк любыв.
Дэ звалы — тэрнивка,
У яких — вышнивка;
У двугых вона — калганка,
А у ынших — запиканка,
Хто як прыложыв.

* * *

Тэпэр та Горилка
Ужэ, бач, нэ дивка;
Вона стала — Монополька.
Молодыця дужэ ловка,
Про тэ знае всяк.
Довго дивувала,
Насылу диждала;
Ии з Спиртом одружылы,
Та взялы и пожэнылы,
Щоб кращый був смак.

* * *

Посадылы в хату
Ту пару завзяту;
Та поставылы на полку,
За дротяную рэшотку, —
Усякому — зась.

Хоч ты будь хороший,
А як нэма грошэй,
Даром будэш спыну чухать,
Нэ дадуть, брат, и понюхать,
Хоч бы ты був князь.

* * *

Так ии сховалы,
Щоб бильшэ кохалы;
Бо, мовляв, хоч молодыця,
Як була й давно.
Дивкою тягалась,
Така и осталась;
И тэпэр, як гроши маеш,
Зараз з нэю й поладнаеш, —
Бо йий всэ равно.

* * *

Тилькэ в ии хати
Нэ можна гуляты;
Бо вона ж тэпэр нэ дивка,
А дурного Спирта жинка, —
То вжэ ричь така.
Хто ии кохае,
Пид тыном гуляе;
Там и водыться до ночи,
А нэ станэ в його мочи,
Дэрэ хропака.

* * *

Отака Горилка
Молодыця й дивка.
Ии зовуть ищэ — Сывуха,
Бо вэлыка потягуха
На ввэсь бильй свит.
Така вона зроду,
Всим людям на шкоду:
Добрэ дурыть молодого,
Нэ мынае и старого, —
Хоч йому сто лит...

* * *

Чы добрэ так будэ,
Скажись, добри людэ.
Напысав я цю быльцо
Про Горылку-молодыцю
Кой кому на смих.
Нэхай той смееться,
Кому мало пьеться;
А хто добрэ протягае,
Та пид тыном спочывае, —
Тому будэ грих...

Глава II

Давно колысь людэ
Жылы добрэ всюдэ;
Тоди чаркы щэ нэ зналы
И горилкы нэ вживалы, —
Добрэ було й жыть.
За стараго Ноя
Втэрялы покоя:
Вин був майстэр на вси штукуы,
Та й затяв, рады скукуы,
Щоб выно зробыть.

* * *

Ной на ту роботу,
Выдно, мав охоту;
Бо розыв чымало саду,
Та робыть из вынограду
Тэ выно узявсь.
Як выно укысло,
Кажуть, нэумысно,
Ной, нэ знавшы про тэ дило,
Як ужарывсь, дужэ смило
До вына допавсь.

* * *

Як добрэ напывся,
Та пьяный зробывся,

Так нэначэ став вин хворый;
Як заснув, роскыдавсь голый,
Лэжав у шатри.

Сыны нагодылысь,
На батька дывылысь;
А одын з йих засмиявся,
Що вин голый тут валявся
Прямо на зэмлі.

* * *

Нэ пишло рукою
Выно вражэ Ною!
Вин з похмылля був сэрдытый
И якый-сь нэсамовытый
Був соби на выд.
Став вин навчать Хама,
Яка батькам шана;
А за тэ, що той смиявся,
Проклынаць його узявся
И ввэсь Хамив рид...

* * *

Такэ колысь дило
Выно наробыло!
Можэ Хам и выноватый,
А чого ж той рид проклятый
Чэрэз тэ зробывсь?
А на мою гадку, —
Нэ будэ порядку
В тий симьі, дэ батько пьяный
Робыць дитям суд поганый
Тоди, як упывсь...

* * *

Отак щэ од Ноя.
Нэ стало покоя!
Людэ зразу взялы моду
Пыць выно, як тую воду,
Пропывать свий ум.
Пидсунулось тыхо
До людэй тэ лыхо:
Скризь по свиту для народу
Од вына робыло шкоду,
На вэлыкый сум.

* * *

Вси выно робылы
И дужэ хранылы;
Бэрэглы, як диты цяцю,
Малы з ным вэлыку працю
Ищэ й барыши.
Скризь його вжывалы,
Бо ищэ нэ зналы,
Що дурна з його забава,
Що отрута то лукава
Для тила й души.

* * *

Выном забавлялысь
И дужэ впывалысь;
Бо вэлыкую прынаду
Та отрута з вынограду
Мала для усих.
Хоч од того зилля
Гыдко на похмилля,
Так на тэ нэ потуралы,
А умысно стыд тэрылы
Для дурных утих.

* * *

Завэлысь од пьянства
Всяки окаянства:
И мошэнство, и распутство,
Лайка, бийка, душэгубство; —
Згынув стыд и страх!
Людэ свою долю
Оддалы в нэволю;
Розийшлась беда и горэ,
Як бэзкрае сынэ морэ
По усих мистах...

Глава III

Людэ прывыкалы
До вына викамы;

А як добрэ прыучылысь,
Так тоди други навчылысь
Напыткы робыць.
Спэрва мэд робылы
Та брагу варылы;
Дали — вчылысь робыць пыво,
А за ным — всесвітнье дыво —
Горилку курыць.

* * *

Скоро та горилка,
Як та гарна дивка,
Всих потроху пидманыла,
И чарамы напоила,
Щоб любыв усяк.
Надав чорт роботы
Клопит и заботы!
Можна б людям жыць бэз лыха,
Жысть була б щаслыва, тыха, —
Та выйшло нэ так.

* * *

Горилка робыла,
Що сама хотила;
Вона всякому народу
Дала каторжну роботу,
Чого й нэ було!
Зразу закыпило,
Скризь поганэ дило:
Кабакы, шынкы й пидвалы
Людэ строилы, копалы
На корысть и зло.

* * *

Робылы посуду
На людську отруту:
Бочки, видра набывалы;
Пляшкы, чаркы выывалы
Из доброго скла.
Выдумалы миру
Всякому на виру:

Видро, чэтверть ще й восьмуху,
Чвертку, шкалык на сывуху, —
Бо в дило пишла!

* * *

З прости горилкы
Робылы напыткы:
То крипки та духовыти,
То солодки й смаковыти —
Всэ людям на врэд;
Як проста завадыть,
Щоб лучшэ прынадыть,
Так солодку продавалы,
Та молодижь завликалы,
Начэ мух на мэд.

* * *

Наробыла дыва
Горилка школдыва!
Кабакы, шынкы й пидвалы
Свит собою заснувалы,
Щоб людэй ловыть.
Пишла беда всюдэ
Од людэй на людэ:
— Одни — з людэй гроши дралы,
Други — ум свий пропывалы,
Щоб жыття згубыть...

* * *

Викы за викамы
Лэтилы орламы.
Нэслы ричкы воду в морэ,
Тилькэ морэ тэ просторэ
Щэ нэ напылось.
Лыхо из быдою
Нэ малы покою:
Нэслы людям одно горэ,
Тилькэ горэ тэ прожорэ
Щэ нэ нажылось.

* * *

Од вику до вику,
Чэрэз ту горилку

Людэ й горэ скрызь давыло,
А щэ й доси нэ навчыло,
Як на свити жыть,
Хай бы басурманэ
А то й хрыстиянэ
Узялы прокляту моду
На погыбэль та на шкоду
Ту горилку пыть!

* * *

Аж на сэрци сумно,
Що уси бэзумно
Забувають Бога й виру,
Пьют бэз толку, пьют нэ в миру
Ту чарку до дна...
Скажись, добри людэ,
Чы колы тэ будэ,
Що умниши людэ стануть,
Пыть горилку пэрэстануть, —
Бо вона ж страшна?!

Глава IV

Всяк горилку любэ,
Та здорovia губэ;
Хто — потроху, хто — багато,
Той — у будэнь, той — у свято
Горилочку пье.
В тий хати — хрэстыны,
А в другий — мэныны;
Сыдять людэ та гуляють,
Та по повний выпывають,
Щэ й охота йе.

* * *

Дэ сволок стягають,
И там протягають;
Хоч справляють новосилля,

Так заводыться бэздила,
Бо тэ скризь бува.
Дэ зачнуть роботу,
Пьють добрэ — в охоту;
Хоч и дило тэ скинчають,
Так на пропасть загуляють
На дэнь, хоч на два.

* * *

Чы дытыну хрыстятъ,
Добрэ гирку чыстятъ;
Чы идэ душа до Бога,
Пьють, щоб йий легка дорога
Була на той свит.
Як идуть ховаты,
Усим трудно ждаты,
Покры пип скинчаты мусыть,
Та зэмэлькою прытрусыть, —
Тоди й дилу квыт!

* * *

Рома панахыду
Правлять бильш для выду;
Хоч и дужэ пип тут кадыть,
Тилькэ ладон якось вадыть, —
Уси ждуть кинця.
Як столы хрунтують,
Та страву готують,
Всякий сэрцэм умливае,
До горилкы поэырае,
А хто — до вынця.

* * *

Колы ж на стил просять,
Та чарку пидносять,
Всяк прыказуе, аж плачэ,
Тилькэ чарочку, одначэ,
Хылыть чэрэз край.
Кожнэ тут толкуе:
"Хай душа царствуе!
Тилу зэмля пэром, пухом,
А душа щоб Божым Духом

Всэлылась у рай..."
Тай пишла робота
Для пуза й для рота!
Видять добрэ, помынають,
Та горилочку стьобають
Аж пит залыва.
Тоди з того дому
Пидуть вси до дому;
Идэ инший, спотыкнэться,
Та за тын скориш бэрэться —
Бо стэжка крива!

* * *

Хто свайбу справляв,
Щэ гириш там бував;
Цэ вжэ нэ гульня, прыяство
А гиркэ, паскуднэ пьянство
Днив на шисть, на сим.
Тут нэ бутылкамы, —
Видрамы, бочкамы
Ту горилочку купують,
Та усячыну готують,
Щоб хватыло всим.

* * *

Скількэ тии втраты,
Щоб довго гуляты!
Щоб з дурною головою
Вси казылысь з пэрэпою,
Загубывшы стыд!
Скількэ гвалту, крыку
Пид пьяну музыку!
Тут хорошая людына
Станэ хужэ, чым скотына,
И — страшна на выд...

* * *

У работи людэ
Знають, колы — будэ;
А в гульни — того нэ знають
Дэнь и нич — одно гуляють,

Нэ спляць, як чорты!
И в празднык годыцца
Горилкы напыцца;
Хочь яка беда, халэпа,
А горилкы выпыць трэба,
Як брат нэ круты!

* * *

Дэ прэстол бувае,
Нихто нэ взивае
У тим мисти побуваты
И з людьмы похрамуваты, —
Поспиша чутзь свит!
Поганяе сыву
И у хвист, и в грыву!
Трэба ж Богу помолыцца,
Та й горилочки напыцца,
Як будэ обид.

* * *

В храмовий трапэзи
Мало хто — твэрэзи;
А найпачэ всякэ пьянэ,
Нахромуеться й нэ встанэ, —
Справди захромав!
Иншый по обиди
Храма на обыдв;
Хто ж до чаркы нэ лэдачый,
Той хиба тилькэ лэжачый
До дому полав.

* * *

На святкы Риздвяни
Вси буваюць пьяни,
До горилочки хто ласый,
Щоб свынячи вси ковбасы
Пойисты у смак.
Хоч на Святу Паску
Диждуть Божу ласку,
Так горильци нэ вважають,
Дньом и ноччу всэ гуляють,
Начэ й трэба так.

* * *

Увэсь тыждэнь пьянство
Робыть хрыistianство!
У Вэлыкый Святый празднык,
Дэ-хто прямо безобразнык,
Хуже од свыни!
Тилькэ дэнь настанэ,
Дывысь — ужэ й пьянэ;
Тоди й ходэ скризь, ныкае,
Та паскудство вытворяе,
Як свыня в багни!

* * *

Як провид диждуться,
На гробкы збэруться;
Тут уси гирки пьяныци
Загивляють на горильци,
Бо кругом — дурняк!
Иншый як напьется,
Хоч на хрэст звэдэться, —
Крэндэли по стэжци пышэ;
А другый — лэжыть, нэ дышэ,
Справди як мэртвяк...

* * *

Всяк шука случаю
Выпыт для звычайо:
Чы за дилом, чы бэз дила,
Чы у празднык захотила
Душа погулять;
Усю жысть гуляе,
Душу вдовольняе;
Наливае свою пэльку,
Пока ляжэ у зэмэльку
На вик-вишный спать.

* * *

Кажуть: "пыты — вмэрты
И нэ пыты — вмэрты;
Як труны нэ мынуваты,
Вэсэлишэ смэрты ждаты,
Та горилку пыть".

Таки нэбыльци
Кажуть лыш пьяныци;
Йим здаецься, щастя маюць,
А воны того й нэ знаюць,
Як щаслыво жыць.

* * *

Щастя там бувае,
Хто його кохае,
Та здорoviaчко шануе;
В його ридко загальмуе
Колэсо жыття.
А в пьяныць погана
Для здорovia шана!
Хиба дурэнь зпорыць будэ,
Що твэрэзи тилькэ людэ
Жывуть до-пуття.

Глава V

Чым горилка мыла
И що в йий за сыла,
Що так ии полюбылы
И вси пьюць аж до могылы,
Покры сципыць рот?
Чы вона солодка?
Чы другим ловка?
Чы хворобу прогоняе,
Та здорovia прыбавляе
На увэсь народ?

* * *

Ни, вона вонюча,
Гирка и пэкуча!
Ни добра в ий, ни корысти!
Нэ прыбавыць вона й жысти,
Хоч скилькэ нэ пый!

Од нэи здоровый
Скоро стае хворый;
Як нэ в миру пэрэбачыць,
Вин на другый дэнь побачыць,
Що став нэ такый.
Выдно на похмилля,
Що чортовэ зилля!
Молотком у тимня стука,
Коло сэрця, мов гадюка,
Або жаба е!
Воняе из рота,
У пузи — гыдота;
И всэ б жлуктыв одну воду...
Хто ту чарку пье бэз щоту,
Добрэ зна про цэ.

* * *

То щэ б и ничего!
Тильке, окрим того,
Иншый дядько як устанэ,
Та на пыку свою глянэ,
Аж — зовсим чужа!
Щоки — як пампуха,
Тэчэ юшка з уха,
Одно око дужэ плачэ,
А другэ — зовсим нэ бачэ,
Чы цила ж душа?

* * *

Як нэ выйшла з тила,
Так душа щэ цила;
Тилькэ, мабуть, и ий трудно
И в гыдкому тили нудно
Од того пыття.
Учора бисылась,
Та пьяна казылась;
А тэпэр, добувши лыха, —
И вона робылась тыха, —
Прийшло каяття...

* * *

Що про тэ й пысаты!
Вси повинни знаты,

Що горилка виробляє
И якэ з нэи буває
                    Пьяному добро;
                    Як вин допадэться,
                    И так нажэрэться,
Що стае и сторч, и рака,
Мов рогатый той чортяка
                    Зализ у нутро!

* * *

Нэ в тим беда й горэ,
Що пьяному морэ,
Як скризь кажуть, по-колина.
Ни, нэ в тим лыха годына!
                    То щэ нэ беда!
                    Нэхай бы той пьяный
                    Для всех був поганный;
Хай бы добрэ показывся,
Та з кым нэбудь щэ й побывся,
                    Що то за нужда?

* * *

                    То була б наука,
                    Щоб знав, що за штука
Та горилочка лукава
И яка з нэи забава,
                    Та за ум узявсь;
                    Кажный раз, напившысь,
                    Та протвэрэзывшысь,
Добрэ бачыв бы з похмилля,
Що поганэ то бэздила,
                    Та й обэрэгавсь.

* * *

                    Бо выдно нэ даром
                    Бува нэ забаром
Тэ похмилля з пэрэпою,
Щоб тиею хоч нудьгою
                    Дурного навчыть,
                    Що страшна й погана
                    Та горилка пьяна:

Вона тилови — отрута,
Та й душу з ным заплута,
Як нэ бросыць пыць.

* * *

То було б за щастя,
(Нэхай йому трясця!),
Як бы людям тилькэ й дыва,
Що горилка та шкодыва
Всех валяе з ниг;
Тилькэ есть другая
Та напасть лыхая!
Хто попався ий у руки,
Нэ одын набрався муки
Покры в зэмялю лиг.

* * *

Найстрашниша сыла
В горилку засила
Та, що розум одбырае
И ту чарку пыць навчае,
Попэрвах хто пье;
Вын нэ бэрэжэцца,
Та зразу й напьэцца;
А як часто пьяный будэ,
Швыдко горэнька добудэ
На лыхо свое.

* * *

Бо чим дали пыты,
Всэ будэ кортиты;
Станэ чарка та за друга,
Та й зробывсь тоди пьянюга
Такий чоловик.
Покры стае мочи,
Гуля що дня й ночы;
А як стратыць усю сылу,
Так тоди — бух в могылу! —
Та й пропав на вик!

Апрэля 21 дня — июня 14-го 1911 р.
Станиця Нэзамаивка, Куб. обл.

КОЗАКИ НА КУБАНИ

I

Колысь давно
Отак було:
Вжэ сто сорок рокив
Оцэ пройшло,
Мов нэ було,
Од тых пэршых крокив,
Як з тиеи
Слободзэи
Кубань засэлялы,
Ричкы — куты,
Зэмлі — стэпы
Кругом занималы.
Из курэнив
Всих козаків
Сэлылы в станыци,
Ишли до их
З Украйны
Дивки й молодыци.
Вси бурлакы,
Гольтипакы,
Вси ти чупрындыри
Дружылыся,
Сэлылыся,
Сталы жыты в мыри.
Розплодылы
Овэц, конэй,

Всякой худобы
И помалу
Уси сталы
Добри хлиборобы.
Кордонамы,
Бэкэтамы
Свий край оснувалы,
Блыз Кубани,
В центри-стани,
Киш там збудувалы;
Та й назвалы
Ту цэнтралу
Катэрынодаром,
Хоч то й брэхня,
Бо им зэмля
Досталась нэ даром:
Скільки сылы
Вси служылы
Вражий Катэрыни,
А згадають,
То скризь лають
Царыцю й до-ныни,
Що забрала,
Сплюндрувала
Ридну Батькивщыну

И звэлила
Запорожцям
Кынуть Украину.
Та й тут здавна
Булы справни:
З наказу царьци
Тяжко дбалы,
Охранялы
Вэлыки гряньци;
Из нуждою,
Из бидою,
Пры лыхий годыни,
Усэ дали
Занималы
Горы и долины...
Колысь давно
В горах жыло
Чэркэса багато,
Тэпэр мисто
Вэрст на двести
Козаком заннято.
Спэрва козак
Був з ным кунак,
Жив як из сусидом,
И братався
Й подилявся
Всякым добром — хлебом;
А чым дали,
Жыты стало
Из чэркэсом гиршэ:
Колы сварка,
Колы бийка,
Що-року усэ бильшэ;
Дали война
Стала справжна,
На вэлыкэ горэ,
Обхопыла
Край наш мылый,
Як широкэ морэ!
И довго так
Чэркэс, козак
Нэ малы покою:
Лылася кров
Вночи и дньом,

Литом и зимою.
Про тэ усяк
Старый козак,
Та й чэркэс роскажэ,
Як воював,
Дэ лыхо мав,
Щэ й мисто покажэ.
Така була
Страшна и зла
Давняя годына...
Пройшлы лыха,
Стала тыха
Ридная крайна.
И став козак
Знов, як кунак,
Из чэркэсом жыты
И робыты
Й богатиты,
Хлеб та силь дилыты...
Такэ було,
Та й загуло
Отэ давне лыхо,
Пьять дэсяткив
Пройшло рокив,
Як жылося тыхо.
Пишло жыття
Всэ до — пуття
Кубанцям на славу:
Батькам — на жысть,
Сынам — в корысть,
Онукам — в забаву;
Хлиба рослы,
Садкы цвилы,
А в лисах опэнькы, —
Чэрэз дидив
Вси онуки
Бувалы й пьянэньки,
Всякый козак
Чэркэс-кунак
Жылы-поживалы,
Хлеб робылы,
Свит кормылы
Та щэ й гроши малы.

Отак жыла,
 Квитом цвила
 Наша Кубань-Маты;
 Ту нэзгоду,
 Войну й шкоду
 Стала забуваты.
 Дэ нэ взявся
 Та пиднявся
 Той нимэць з войною:
 Нэ год, нэ два
 Кров, як вода,
 Польшася рикою.
 А од войны
 В нашый земли
 Стала гирша втрата:
 Москаль-салдат,
 Мов супостат,
 Пишов брат на брата!
 Кращу долю,
 Зэмлю й волю
 Вин добуты взявся,
 Тилькы скоро
 Забув Бога,
 Розумом стерявся.
 Из нимцямы,
 Из туркамы
 Бросыв воюваты,
 Пишов назад
 Та всэ пидряд
 Став вин руйнуваты.
 Спэрва зламав
 Та скасував
 Оту дысцыплину,
 Та ворогив,
 Мов тых братив,
 Выпустыв из плину;
 Охвицерив,
 Командирив

Постриляв, повишав,
 Розправою
 Кривавою
 Свое сэрдцэ тишив,
 Був чоловик,
 Став большовык,—
 Мов з цэпу зирвався:
 Ризав людэй,
 Жинок, дитэй,
 Розбоем заннявся...
 Нэ знаю як
 И наш козак
 Спэрва його слухав,
 Писля того
 Дужэ довго
 Потылыцю чухав;
 Нэ дознався
 Та й попався
 Москалям у руки,—
 Ох, нэ мало
 Всим попало
 И лиха, и муки!
 Спэрва-такы
 Москалыкы
 Булы панибраты,
 А чым дали
 Выганялы
 Козака из хаты;
 Якэ було
 В його добро
 Нажытэ годамы,
 Однималы,
 Забыралы
 Цилымы возамы:
 Хлеб, коняку,
 Товаряку,
 И вивцю, и курку,
 Кинжал, шашку,
 Сидло, шапку,

Чэркэску и бурку.
Що хотилы,
Тэ й робылы,
Як ти злодякы,
Щэ й лаялысь
Та знуцалысь,
Мов бы замисць дякы!
Того мало,
Дали стало
Лыхо ище гирше,—
Москалыкы
Навыбрыкы
Пишлы ище бильшэ:
Чэрэз миру
Бога й виру
Сталы знэважаты,
Попив, цэрквы
И молитвы
Лаять, проклынаты.
Глузувалы,
Йиздыть стали
У цэрквах на конях,
Грабувалы,
Обдыралы
Вивтарь та иконы.
Отут усяк
Бачыв козак,
Що цэ вжэ нэ шутка,

Що большовык
Нэ чоловик,—
Поганиший турка;
Що вин дурив
Гирш од кнузив,
Аж зэмля стогнала;
Такэ робыв,
Що всим залыв
Вин за шкуру сала;
Що вжэ пора
Выгнать з двора
Нэчисту прояву,
Щоб нэ пустыв
На козакив
Дужэ важку славу.
Зажурылысь,
Засмутылысь
Козаки-Кубанци,
Сумувалы,
Горювалы
Звэчэра и вранци,
Та потроху,
Слава Богу,
Вси сылы зибралы,
Та трыклятых
"Паныбратив"
Из станыць прогналы.

Ш

Бижыть Кубань
Аж у лыман,
А з лыману в морэ,
Нэ зна того,
Якэ було
У козакив горэ;

Бижыть Кубань
По бэрэгам,
Як и раньшэ бигла,
Та й нэ гада,
Що вжэ беда
Дэсь од нас забигла;

Що вжэ занис
Рогатый бис
Лыхую годыну:
Пошлы, Боже,
Усе гождэ,
У нашу крайну.
Так гадалы
Й розмовлялы
Козаки-кубанци,—
Булы пэвни,
Що нэ вэрнуть
Назад ти поганци;
Що добулы
Тут москали
Добру халазию:
Всэ бросалы
Та тикалы
У свою Россию;
Бо й на Дону
Й на Тэрэку
И по всей Вкрайни,
Скризь их гналы,
Выганялы,
Та былы по спыни;
Бо й ти людэ
Скризь-усюдэ
Москви нэ вважалы:
Йи сынив —
Большэвыкив
З краю выганялы;
Щоб кацапив —
Комуныстив
Нэ було и духу,
Та нэ знала
Божа вира
Чортячого руху;
И щоб людэ,
Дэ хто будэ,
Жылы вси на воли,
Добрэ дбалы
И свое малы

У хати й на поли.
А вси Донци
Тэрци й горци,
Кубань и Вкрайна
Едналыся,
Браталыся,—
Була зэмля вильна.
Так гадалы
И миркувалы
Щыри патриоты,
Що на души
И на сэрци
Малы ти турботы,
Щоб ци зэмли
Од Росийи
Зовсим оддильгы
И в слободи
Та у згоди
По сусидськи жыты.
Тоди б було
Усим добро,
Тоди б нэ бросалы
Край ридни
Й на чужыни
Отут нэ блукалы;
А вси б жылы
В своей зэмли,
Як фины й естонци,
И латыши,
И волохы,
Полякы й лытовци...
Так гадалы,
Миркувалы,
Та снагы нэ малы,
А старшына
Була дурна,
Та щэ й гэнэралы
Тилькы Москви
Та Росийи
Тямылы службыты,

А нэ вмилы
Й нэ хотилы
Свий край бороныты;
Та й забралы
Гэнэралы
В свои руки сылу,
Рятувалы
Й боронылы
Од Москвы Росию...
Ой багато
Там пролыто
Козацькой крови,
А щэ бильшэ
Лягло трупу
У чистому поли!
Воювалы
Козачэньки,
Головы складалы,
А за кого,
За для чого,
Про тэ й нэ пыталы;
Зрозумилы,
Як побиглы
Из родного краю,
Та попали
В чужи зэмлі,

По той бик Дунаю...
Чы забудэм,
Чы знов будэм
Мы отак робыты?
Чы знов Москву
Од кацапив
Пидэм бороныты?
Чы забудэм,
Чы знов пидэм
В Росию войною,
Щоб там лягты
В чужий зэмлі
Усим головою?
Ни, вжэ того,
Що раз було,
Козак нэ забудэ,—
Дурну Москву
Од кацапив
Рятувать нэ будэ!
Ой нэ пидэ
Вин, нэ пидэ
В ворожу Росию,
Крацэ пидэ
Бороныты
Ридну Козакию!

30/III—1932 р.

ДО БУЛАВЫ ТРЭБА ГОЛОВЫ (Смих криз сльозы)

Ой нэ пьеться выно-пыво,
Нэ пьеться й вода:
Прылучылась на Кубани
Нэзгода-бида.
Нэ так бида, нэ так лыхо,
Як чортив розлад:
Розгубыло нашэ панство
Ввэсь козацкий лад.
Одын вэрнэ на Вкрайну,
Другый — на Москву,
Трэтий сподобав комуну,
Мов Хвэську криву.
Нэма добра в правыгэльстви,—
Вси чують биду,
Пидсковзнувся сам отаман,
Як чорт на льоду.
Ой нэ вдэржыть пан отаман
Довго булавы,
Бо до нэй, кажуть людэ,
Трэба головы.
Вин хоч голову и мае,—
Кэбэти чорт-ма,
Чэрэз тэ и в отаманстви
Всэ идэ дарма.
Трэба доброй кэбэты,
Щэ й козацький хыст,

Тоди був бы й отаман,
Мов який артыст.
А тэпэр усэ бэз толку
И усэ дурнэ,
Бо нихто тымы диламы
Добрэ нэ вкрутнэ.
Ой нэ вкрутыть пан отаман,
Нэ вкрутнэ и Быч,
А на дворци в отамана
Щось вищуе сич.
Дэ нэ взявся, видкиль вылиз
Якийсь пробый-свит:
Цэ отой, мовля, Покровський,
Мов из зэмли крит.
Покры вештавсь вин по свиту,
Був лыш капитан,
На Кубань же як прыбывся,
Став велькый пан.
Учэпывсь за ту прояву
Отаман-бидун:
"Чи нэ вырятуге всих нас
Капитан-литун?
Бачу в очах його храбристь,
Щэ й силу ума,
Повну голову кэбэты,
Що у нас кат-ма.
Нам давно вжэ таких трэба,
Та всэ нэ найду:
Бач, упав, нэначэ з нэба,
На оццо биду.
Гляньтэ бо, який бадьорый
И який юнак:
Хай же будэ вин миж намы,
Як справжний козак!"
Так мовляв наш пан отаман,
Бо дужэ зрадив,
А Покровський йому з маху
Мов на шыю сив.
Кажуть: "здуру, як из дубу",—
Так було и в нас:
Дужэ гидко нам нашкодыв

Оцэй чортопляс.
Вин у пана отамана
Став, як ридный брат,
А для цилой Кубани
Був мэрзэнный кат.
Скоро вин одяг чэркэску —
Козацький мундир,
Набрав тридцять партизанив,
Став йм командир.
А тоди той голодранэц,
Набрав тридцять партизанив,
Став йм командир.
А тоди той голодранэц,
Зайда-капитан,
Наказав сэбэ подручным
Зваты: "атаман".
Швыдко вин добув и грошэй
На свий обихид —
Щоб було за що гуляты,
Та горилку пыть;
Бо як ту Донську дружыну
Разбройты мав,
Так до рук своих скарбньщю
Добру запопав.
Так ишло всэ москалэви
Прямо на добро:
Дэ була для нас нэзгода,
Там йому вэзло;
И чым бильшэ на Кубани
Зростала беда,
Тым Покровський рис у гору,
Мов та лобода.
Вжэ Сорокын нахвалявся
На Катэрынодар:
Вин хотив до нас наскочыть
На той наш базар;
Та й посунув килькы тысяч
Пид отой Энэм,
Бо нэ знав, що мы найкращэ
Тут його побьем;
А покийник наш Галаев

Був герой справжны
И хоч мав всього шість сотень,
А пишов у бий;
Та й розбив комуну вражу,
Ще й назад погнав,
Хоч и сам тут, бидолаха,
Голову поклав.
Був у битви и Покровський —
Прыблуда-москаль,
Та оставсь жывый-здоровый,
На велький жаль;
И пишла йому дарэмно,
На добро й корысть,
Та Галаева победа
Й загублена жисть.
Дав йому за тэ отаман
Полковныка чын;
Отакого вин достукавсь —
Отой пэський сын!
Тилькы вражый авантюрык
Дужэ нэ зрадив:
Вин нэсытою душою
Бильшого хотив;
Та й зачав вин домагатысь
Статы на чоли
Над Кубанськымы вийскамы,
Що у нас булы,
Щоб Гулыгу-гэнэрала
З миста одипхнуть,
А самому замисць його
Командармом быть.
А розумный пан отаман —
Мудра голова —
Всэ боявся, що урвэться
Из рук булава;
На Покровського-поганця
Всю надию мав
Й од його порятунку
В ций пригоди ждав.

Та й змистив тоди Гулыгу,
Дида-пластуна,
А назначыв на тэ мисто
Зайду-литуна.
Та дурна була надия,
Щоб москаль-шахрай
Добрэ взявся рятуваты
Наш Кубанський край;
Бо чорт-малро в його хысту
Вийском кэрувать;
Вин у ставци тыльки й тямыв
Пыть що-дня й гулять;
Та як-раз и допылыся
Там усы гуртом,—
Большевыцка вража сыла
Обийшла кругом;
И зосталося — найкращэ:
У такий розгар
Выйты гэть и зальшыты
Катэрынодар.

10/III—1932 р.

РОССИЙСКИЙ АРШЫН

Глузують, кэпкують
Уси з козака,
Що вдача козача
Нэгарна, брыдка;
Козак-самостиный,
Козак — "грубиян",
Стоить — нэ рухнэться,
Як той "истукан";
Нэ зна, колы систы,
Колы трэба встать
И як трэба "пана"
Як-слид прывитать;

Забув, як и руки
Держаты "по-швам"
И як "kozyряты"
"Вэлыкым панам".
Нэ так вин и ходыть,
Нэ ривно й лэжыть;
По стэжци нэ прямо,
А криво бижыть;
И ростом нэвдатный,
И выдом гыдкый;
Одним вин нэлюбый,
Другим вин брыдкый.
Хытрують, мудрують
Уси, як одын,
Щоб змирать козацтво
На "вирный" аршын.
Колы хто высокый,
Уныз щоб прыгнувсь;
Колы хто нызэнькый,
Увэрх щоб попнувсь;
Дэ хочэ вин бигты,
Щоб рачкы там лиз;
Колы ж идэ тыхо,
Лэтив щоб, як бис;
Надумае спаты,
Щоб ривно лэжав
И ногы щоб прямо —
Аршыном дэржав.
Удача козача
Для всех нэ така, —
На свий хочуть змирать
Аршын козака;
Щоб був вин на миру
Одын у одын, —
На той "православный"
Росийськый аршын.
Козак нэ од того,
Нэхай будэ й так, —
На всякую миру
Удався козак.

Козак нэ злякався,
На всэ вин ришивсь,
Та лыхо, що вирный
Аршын загубывсь,
Шукалы аршын той
Росийськи паны:
И Дума й министры,
И всяки "чыны";
Шукалы, блукалы
И были у дзвин:
Дурна була праця,—
Пропав дэсь аршын!
Взялыся министры
Зробыты новы,
На всю щоб Росию
Був добрый — зручный;
Старалысь, хваталысь
Та — дэ правду дить?
За дило так бралысь,
Як мокрэ горыть.
А Кэрэнський кынувсь
Усим помагать,
Щоб дило тэ швыдчэ
Гуртом змахлювать;
Крычав, биснувавсь,
Та злазыв на вэрх,
(Бо вин жэ прэмьэр був,
Та щэ й главковэрх),
Та як нэ вовтузивсь,
Як дужэ нэ прив,
А тилькы аршын той
У их нэ вкыпив;
Вкинци заходывсь
Зробыть його сам,
Та щось пэрэбачив,—
Пишло всэ к чортам!
Обтяпав "товариш"
"Народный" аршын,—
Божывсь, выхвалявся,
Дьяволив сын,

Що тилькы у його
Та мира справжна,
Що правду й свободу
Усим дасть вона;
Що справди в аршыни
Шиснадцять вэршкив,
И будэ вин добрый
Для всех козакив;
Що всех вин провирыть
На миру свою,
И жыты вси будуть,
Нэначэ в раю.
Козак мов би й вирыть,
А думка своя:
"Чы цэй будэ вирный,
Чы — у буржуя?"
Колы ж стали мирять,
Всэ выйшло нэ так,
До чого издавна
Прывык наш козак;
Багато в тий мири
Нэправды й гриха,
Та щэ й на козацьке
Добро зазиха.
Ой дорого стоив
Козачэству вин —
Отой большэвыцькый
Прэвражый аршын!
Казать про тэ довго, —
Ввэсь свит добрэ зна,
Яка з того выйшла
Кривава война.
Аршын був на цурку
Козак поломав;
"Товарыша" в шыю
Далэко прогнав;
Та выдно судылась
Нэдоля гирка,
Бо лыха щэ бильшэ
Було в козака;

Взялысь коло його
Други мудрувать,—
Досталось багато
Щэ муки зазнать.
Побачыв вин дали
Щэ й других "старшын",
Що мирять хотилы
На свийськый аршын;
Що сылою бралысь
Зривнять козака,
Татарына, горця,
"Хохла" й мужыка;
А що з того выйшло,
Усим выдно нам:
Згубылы народ свий
В корысть ворогам!
Сказать бы всю правду,
Та нащо чипать?
Для чого козачи
Болячки довбать?
Одно сказать трэба:
Вэлыкый то грех,
Як мирять хто хочэ
По своему всих;
Колы хто мудруе,
Як той большэвык,
Що мучыть народ наш
Дванадцятый рик;
Нэ хочэ дать людям
Ни жыть, ни дыхнуть,
Щоб разом в комуну
Усих повэрнуть...
Тэпэр козак знае,
Побачыв давно,
Шо лыхо нэ в двэри,
А влизло в викно;
Дознавсь, розибрав вин,
Видкиль що взялось,
В козацькэ як тило
Тэ лыхо впылось;

А тут, в самотыни,
В чужому краю,
Заглянув вин в сэрдцэ
И в душу свою;
И сэрдцэ сказала
Из самых глыбын,
Що всим у напаску
Росийський аршын!

9/IV—1932 р.

ВАСИЛЬ ТА НАТАЛКА
(Нова козацька дума
на старый кобзарьський спив)

I.

Ой то ж нэ орэл сизокрылый
В ясном нэби литае,
По-над шыроким стэпом кругляе,
У трави звиря-птаха пидглядае,—
То козачэнько жвавый, молодэнький,
Мов той сокил быстрэнький,
Свий батькивський двир покыдае,
Из станыци у чыстэ полэ выизжае;
На-бакир шапочку заломывшы,
Головоньку на правый бик схылывшы,
У военный похид выступае,
До вийська славного козацького,
Ридного Кубанського
Йидэ — поспишае,
Пид ним добрый конычэнько,
Його вирный Дружко, гнидэнький,
Грае-выграе та бусае,
Бо далэку дорижэньку чуе.
Ой то ж нэ горлыця-голубонька
У зэлэному вышнэвому садочку
Жалибно стогнэ-туркочэ,
Начэ б то плачэ,
Що свого дружка-голубка нэ бачэ,—

То козакова любя-мылэнька,
Його вирна дружынонька,
Молодая молодыця,
Чорнява-билыця,
Свого чоловика за ворота выпроважае,
Гирко плачэ-рыдае.
Ручэнькы били угору здиймаючы,
Косы чорни з жалю роспускаючы,
За коньком бижыть-поспишае,
Ручэньками за сидэлэчко хватае,
Жалибно-голосно промовляе:
— "Соколыку мий мылый,
Васылэчку мий любый-коханий!
Та куды ж ты знову вийизжаеш?
На кого мэнэ, молоду, покидаеш,
З малымы диточкамы зоставляеш?
Ой вэрнысь, вэрнысь, Васылэчку,
Бо в тоби вся моя сылэчка,
Вся ж моя надиечка!
Годи вжэ тоби воюваты,
Годи чужу кров пролываты,
А свою вирну дружыноньку
Дома зоставляты!
Ой що ж то за вийна така,
Що нэма ий ни кинця, ни краю?
Та вона ж Богом и людьмы проклята,
Колы вы убываэтэ брат-брата;
Мабуть ты вже мэнэ нэ любыш,
Вирно нэ кохаеш,
Колы так часто покидаеш
Одну-однисиньку коло хаты
Дэнь и нич бэз тэбэ сумуваты.
Ой послухай мэнэ, Васылэчку, останься,
На гирки слёзы мои зглянься:
Больть, ох, больть, мое сэрдэнько,
Щось воно вищуе,—
Выдно лыху нэзгодоньку чуе!
Та й кинь пид тобою,
Ты глянь, аж два разы спиткнувся,
Хыба ж колы бувало,
Щоб козак писля того вэрнувся?"

Ой, Божэ ж мий, Божэ!
Знаю я тэпэр, добрэ знаю,
Що послідний раз тэбэ выпровожаю;
Чэрэз тэ оттак гирко й плачу,
Що николы вжэ, николы
Жывого тэбэ нэ побачу!" —
Плачэ молодыця, вбывається,
Дрибнымы сльозамы вмывається;
Тужно-гирко голосыть,
Слизно рыдае,
Та козацькэ сэрдэнько
Жалэм-болэм
На шматкы крае-розрывае.
Глянэ козак — поглянэ
На свою дружыну кохану,
Коничэнька тыхо спыняе,
Та, схылывшысь на-бик до нэи,
Щыро-прывитно одмовляе:
— "Дружынонько моя, Наталочко,
Сызокрыла моя галочко!
Ой нащо ж ты мэнэ докоряеш,
Колы сама добрэ знаеш,
Що я тэбэ люблю и кохаю,
Та волэнькы своей нэ маю!
Хиба ж ты николы нэ чула,
Нэ-вжэ ж ты и доси нэ знала,
Як наша козацька сыла
У ций вийни даром пропадала?
Цилых тры довгих роки,
За жывого щэ царя Мыколу,
Козакамы вийну зачыналы,
Козакамы йийи й кинчалы.
Дэ москаль од ворога тикае,
Дэ лапотнык пятами накывае,
Туды козаків посылають,
Та уси диркы нымы затуляють.
Цилых тры довгих роки
Козаки дэнь и нич воювалы,
За Москву та за Росию
Свои головы с' удалы;

Оддавалы усю свою сылу,
Свою зброю, кони и всю справу,
А для сэбэ тилькы й прыдбалы,
Що одну козацьку славу.
А тэпэр ось бэз царя трэтий рик воюем.
Та нияк вражых москалив нэ вгамуем.
Ой нэ думалы ж мы, нэ гадалы,
Щоб москали ворогами нам сталы,
Чэрэз тэ за свою нэньку ридну,
За нашу Кубань бидну
Ничогисинько йдоси нэ дбалы!
Трэба ж нам — козакам
У похид тэпэр выступаты,
Ридный край обороняты;
Трэба сокалив — лютых ворогив,
Отых "товарышив"-брэхунив,
У свою зэмлю нэ пускаты.
Чы ты ж забула, що воны робылы,
Як булы нас одурылы,
Та вси наши станыци заплинылы?
Здавалось нам, що воны наши другы-браты,
А тэпэр бачым, що лыхи супостаты;
Здавалось, що булы православни християнэ,
А тэпэр сталы гырши, ниж басурманэ!
Од Бога й всех святых одриклыся,
Анцыхрысту запрысяглыся:
Хочуть знову наш край заплиныты,
Козачэство из свита згубыты,
А усэ нажытэ нашымы трудамы,
Нашымы дидамы й батькамы,
У комуну опрыдильгы!
Та вже, що Бог призначыв,
Того нэ минуваты;
Одын раз матинка родыла,
Одын раз и помираты;
А тилькы прэвражый комуні
У козацький крайни
Во вики-вични нэ буваты!
Оставайся жыва-здорава,
Моя мыла-чорноброва:

Нэ плач, марно не вбывайся,
А мэнэ з козацького походу,
Як на тэ мылость Божа,
То й до дому сподивайся!" —
Ой як свыснув козак на конька,
Аж курява за ным встала,
А молодыця дэ стояла,
Мов нэжыва, там упала...

II.

Ой то ж нэ чорна страшна хмара
Яснэ нэбо обгортае,
Свит сонця затуляе;
То нэ вихор рэвэ-крутыть,
Пылом очи засыпае; —
То прэвража большовыцька комуна,
Бэзбожна, окаянна,
Мов татарська орда погана,
Сунэ-наступае,
Кубанський край козацький
Сылою прэвэлыкою облягае.

* * *

То Москва тая гаспидська-люта,
Що хочэ усэ козачэство
Закувать у вэлыки пута.
Вэдэ вона вийська добрэ змуштровани,
Вэзэ гарматы прэвэлыки-лаштовани,
Хочэ козачэство у-пэнь рубаты,
Жинок-дитэй у нэволю забыраты,
А станыци вэсэли козацьки,
Цэрквы Божи-хрыстьянськи
Нэщадно руйнуваты.

* * *

Ужэ всю Украину шыроку
И Дин козацький заплиныла;
Зосталося ий трохы, —
Зовсим нэбагато:

Одну тилькы Кубань добуты,
Щоб увэсь мыр хрещэный,
Увэсь люд православный
У анцыхрэстове царство повэрнуты!
Застогнала Кубань бидна,
Тяжко зажурылась,
Що така нэдолэнька ий случылась!
Досталосся ий нэмало
З нимцэм-турком воюваты,
Славы козацькой добуваты;
Ищэ бильшэ послы довэлося —
Чы так судылось, чы прыйшлося, —
Красну нэчысть быгы-рубаты,
Братам-козакам на помичь ставаты...
Та нэ думала Кубань,
Николы нэ гадала,
И у ви-сни того нэ выдала,
Щоб одна однисинька,
Як той палэць,
Против комуны тэпэр стала!
Ой нэгаразд, нэгаразд
Нашэ козацтво вчыныло,
Що пид Орэл на Москву ходыло.

* * *

Кращэ було б — спокийнишэ
У сэбэ дома сыднты,
Та свою козацьку зэмлю,
Ридный стэп шырокий,
Од вражого большовыка бороныты.
Ой трэба було козакам,
Трэба було б добрэ шануватысь,
И старым, и малым за вынтовкы взятись,
Та на своей козацький гряньци
Живою стиною статы,
Щоб того ворога-лыходия
У свий край нэ пускаты.
Сталы б добрэ, в одну спилку,
Дин, Кубань и вся Украина;
За руки, як ридни браты, побралысь,
Та мицно з'єдналысь.

И була б у их така снага,
Така прэвэлыка сыла,
На яку москаль нэ одважывсь бы ходыты,
А колы б и пишов,
То був бы тяжко и бэз миры бытый.
Ой, нэгаразд, нэдобрэ
Нашэ козацтво вчыныло,
Що даром свою сылу згубыдо;
Та нэ так виннэ козацтво,
Як ти владари-командиры,
Що спэрэду и ззаду воювалы,
Сами пид собою сук рубалы,
Покры сторч головою,
На вэлыкый глум та сором,
Додолу нэ впалы!
Багато було на их виры,
А щэ бильшэ було дано им сылы,
Та тилькы на вэлыкэ лихо,
Булы воны вовчой натуры,
Нэ жалилы чужой шкуры,
Що трэба, того нэ зробылы,
Та, з лихою головою,
Нэ чувшы гриха за собою,
Бидный народ занапастылы!..
Зажурылась Кубань бидна,
Тяжко застогнала,
Що за всех вона роспыналась,
Усим помочи давала,
А тэпэр одна-одынцэм
За всех у отвити стала!
Ой крипкого козацтво заводу,
Нэ боялось воно щэ зроду
Ни вийни, ни смэртного бою,
Ни страшной смэрты з косою,
А тилькы бачыть воно,
Сэрцэм своим чуе,
Що комуны зараз нэ звоюе,
А против ридного краю
Тилькы бильшэ роздратуе;
Бачыть козачэство, знае,

Що трэба Кубань бросаты,
Злым ворогам-супостатам
Бэз бою отдаваты...

* * *

Ой закувала та сива зозуленька
И в зэлэному садочку,
И в тэмним лисочку,—
Рано на-вэсни закувала,
Сумно-важко застогнала,
— "О чого ты, сыва зозулэнько,
Так рано закувала,
Чого жалибно застогнала?"
— "Ой того ж я рано закувала,
Того сэрцэм я засумувала,
Що мою нэньку ридну,
Мою Кубань бидну
Лиха нэзгодонька спиткала;
Що покидають ии ридни диты,
Наши козачэньки-квиты,
Зоставляють батькив старэньких,
Жинок, диточок малэньких;
Идут воны горама-лисамы,
Глыбокымы ярамы,
Идут — оглядаються,
А козацькэ сэрдэнько
З вэлыкого жалю
Кровью облываецься..."

III.

Чы то чаечка чубатэнька
Сызокрыла стэпова нэнька,
Над дорогой стогнэ-кыгычэ,
Своих диточок кличэ?
Ни — то Васылэва молодыця,
Його Наталочка билольця,
Одна з диточкама своїма,
Малэнькыма-дрибнымы,

Що-дня нудьгуе та голодае —
Гирки сльозы прольвае.
Як та рыбонька об лід, бьється,
Мов былыночка, гнэться,
Нияк свого Васылэчка
Додому нэ диждэться.
Ой сыдила раз Наталочка,
За столом сыдила,
Билый листочок пысала,
Та й на далэку чужыноньку,
До свого милэнького
Слизно промовляла:
— "Васылэчку мий мылый,
Голубчыку сызокрылый!
Чы ты на край свита полынув?
Чы ты мэнэ на-вики покынув?
А я ж тэбэ що-дня дожыдаю,
Мов та зозулэнька, гукаю:
Ой прылынь, вэрныся
З далэкого краю!
Ой, прылынь, прылынь,
Козачэньку мылый,
Голубчыком сызокрылым,
Улэты в мое виконэчко,
Та впады на мое сэрдэчко!
Осушы ты мой сльозы,
Прожэни наши злыдни:
Ты ж мий Васылэчко,
Моя ж ты сылэчка,—
Вся моя надиечка!
Ой нэ маю ж я бэз тэбэ
Ни мочэньки, ни сылы,
Бо дужэ нас вражи москалі обсілы;
Однялы всіх конэй,
Забралы худобу
И всю хазяйську справу:
Ничым мэни хліба обробляты,
Нэ знаю, чым диток годуваты,
Одно тількы й зосталось,
Що з голоду помыраты.

Усяк дэнь и всяку ничэньку
За тобою я плачу,
За дрибнымы слизонькамы
И свита білого нэ бачу;
Та нічого я тым не прыдбаю,
Нічого добраго нэ вдию:
Плачэм поля нэ выорю,
Сльозамы нывы нэ засію.
Ох, як бы я што почула,
Або ад кога дознала,
А хоч звисточку от тэбэ достала,
Що ты вэрнэшся
Жывый-здоровый,
Так и плакать бы пэрэстала!"
А Васыль лысточок той добувае,
Плачэ-читае,
Та до вирной дружынонькы
Такымы словамы адмовляе:
— "Наталочко мая мыла,
Лэбэдочко біла!
Ой рад бы я до тэбэ вэрнутысь,
До сэрдэнька твора прыгорнутысь;
Прывітаты тэбэ, мылуваты,
В рэчах душу выліваты,
А малых диточок
Тишыть-забавляты,—
Та далэко я дуже прожываю,
Аж у тому Сэрбському краю!
За шырокімы, глыбокімы морямы,
За высокімы до нэба горама,
За лисама тэмнэнькімы,
Та за ричэнькамы
Довгымы-быстрэнькімы!
Ой полэтив бы я до тэбэ
Дужым орлом быстрокрылым,
Та крылэць іщэ нэ маю;
Поихав бы коньком воронэнькым,
Та дорижэнькі нэ знаю;
Пэрэкінувся б я рыбкаю швыдэнько,
Та поплыв бы хвылэю-водаю,

Та завэлася скрызь щука зубата,
Що ловить-хватае нашого брата!
Ой як выростуть у нас на чужыни
Дужи крыла орлыни,
Як збэрэцца во-едино
Вся козача прэвэлыка сыла,
Отоди-то побачыць
Свого козачэнька
Моя Наталочка мыла!
Важко тоби, моэ сэрдэнько,
Жыты в обидраций хати;
Знаем мы, як вас катують
Ворогы наши кляти;
Багато ты тэрпила,
Потэрпы ж ищэ трохи;
Диждэмо мы Срэтэння,
Або святой Явдохы:
Тоди зустриваецца,
Кажуть, лито з зимою,
Чы нэ зустринэмоць, сэрдэнько,
И мы з тобою?
Есть у нас, моя лэбэдочко,
Нова козацька мрия;
Запала нам глыбоко в сэрцэ
Крипка, нэрушыма надия,
Що нэ будэ никола пэрэводу
Славному козачому роду,
Що добудэм мы
Для нэнькы-Кубани
Справжню козачу свободу!
Ой нэ даром мы воювалы,
Та свою кров прольвалы;
Нэ даром на чужий-чужыни
Скількы лит блукалы-пропадалы;
Научыла нас лыха нэдоля,
Пишла нам у руку;
Добуло нашэ козацтво
Найкращу од того науку:
Знаем мы тэпэр добрэ,
З ким трэба хлиб-силь дильты,

А кого трэба бэрэгтыся
Та, як ворага, быты!
Дэнь од дня стае мицниша
Наша козача сыла;
Одростають прыборкани
Орлыни козацьки крыла;
А там... добудэм мы пороху
Повни порохивныци,
Нагострымо шашкы, достанэм рушныци,—
Оттоди справди побачать
Нас козацьки станыци!
Нэ плач жэ, моя Наталочко,
Та марно нэ журыся,
А крацэ с малыми диткамы
Що-дня Богу молыся:
Бо як нэ будэ Його святой воли,
Нэ побачыш ты мэнэ николы!
Та я й сам усю надию
Тилькы на Господа складаю;
На Його святую волю
И днэм, и ноччу уповаю;
Та я ж нэбагато й просю,
Одного тильки й благаю:
Ой дай, Господы,
Та пошлы, мий Божэ,
Вэрнутысь до ридного свабодного краю!"

12/XI-1928 г.

ЧЕРНООКАЯ КАТРУНЯ

(Отрывок из незаконченной повести)

Розплэлася густа коса
Аж до пояса,
Розкрылыся пэрсы-горы —
Хвыли сэрэд моря;
Засіялы карі очі —
Зорі сэрэд ночі...

Т. Шевченко.

Нет, то не змея черная, страшная, то вьется-извивается, то уродливо перегибается, сверкая темным блеском своего тела, то чудная коса девичья, длинная-предлинная, как вороново крыло — черная, разлеглась вдоль стройной спины дивчины Катруни и при каждом ее движении, от быстрой походки, то вьется-перегибается, то как змея извивается.

Дивчина с такой дивной косой, по всему видно, куда-то очень спешит и чем-то сильно встревожена. Она иногда быстро перебегает улицу, озираясь по сторонам, и, пользуясь наступающими вечерними сумерками, старается все время держаться в тени деревьев, чтобы пройти, по возможности, мало замеченной.

А как причудливо, как интересно оттопырилась на груди рубаха у девушки! Похоже на то, что Катруня поймала где-то двух молодых зайчиков, спрятала их в свою пазуху и спешит с ними домой, все время придерживая их одной рукою. И вот они возятся там, тыкаются своими острыми мордочками, стараясь выпрыг-

нуть на волю... Впрочем, нет, какие там зайчики? То роскошные девичьи груди так нескромно оттопырились под рубахой и так смешно колышутся от каждого ее шага и прыгают, как два живых зайчика... Ах, пышные персигруды, чудная коса — видно, в вас вся девичья краса!

Но вы никогда не видели, нет, вы не могли ни встретить, ни увидеть где-либо таких других глаз, как у Катруни! Черные, как две зрелые терновые ягодки, и в то же время ясные, как майский день, они высматривают из-под темных бархатных бровей: то шаловливо-лукаво, с бесенками в зрачках; то застенчиво и стыдливо, закрываясь длинными шелковистыми ресницами; то вдруг смело и гордо, как глаза степной красавицы-казачки... Так не в вас ли, дивные глаза, все чары, вся девичья краса?

Но ведь и ротик у Катруни, его пухлые, цвета зрелой вишни, губки и сверкающие из-под них белые остренькие зубки — одно загляденье. И подлинно в нем вся девичья краса и очарование.. И по всему видно, что этот ротик давно уже созрел, и что давно уже хочется ему кого-либо целовать, да и самому подставлять губки для поцелуя, но попробуй: который-либо парубок сделать это: так и сверкнет в воздухе белая рука Катруни! О, уже все парубки, охочие до объятий и поцелуев, хорошо знают, что Катруня не только красавица на всю станицу, но и настоящая бой-дивчина; и еще не было такого смельчака-парубка, который бы отважился насильно поцеловать ее.

Да, Катруня знает себе цену, она не любит таких вольностей и никому не дает на то повадки; и однако нашелся все-таки в станице такой герой-парубок, на которого и у Катруни не поднимается рука. Впрочем, если говорить правду, то изредка и на него поднимается, но разве только для того, чтобы обвить его шею и подставить затем свой пухлый ротик для горячих, жарких поцелуев.

Но кто же такой этот избранник Катруни? И чем мог пленить он неприступное сердечко этой бойкой и красивой девушки? О, это не обычный парубок, каких бывает много везде и всюду: это орел-казак, сумевший в девятнадцать лет стать известным на всю станицу. И вот эта чистая сердцем девушка, еще не знавшая, что такое

любовь, не могла потом оставаться спокойной и равнодушной, увидевши такого статного молодца, с богатырской грудью, со взглядом сокола, о котором так много стали говорить в последнее время все ее подруги. Но он живет далеко, на другом конце станицы, и она его прежде совсем не знала; и только в минувшем году увидела первый раз на станичных скачках.

Но кто он такой? Это молодой Василько Паливода, силач и неустрашимый джигит и наездник, взявший на станичных скачках уже два первых приза.

Давно уже повелось так на Кубани и вошло повсеместно в обычай, что каждую весну в станицах устраиваются скачки для казаков-малолетков*, и всякая станица очень гордится своими лучшими джигитами и наездниками. Когда же происходят самые скачки и все жители станицы выйдут на них смотреть, то это зрелище чрезвычайно всех захватывает, приводит в восторг и возбуждение: ни один старик, глядя на молодецкую удасть джигитов, не может устоять спокойно на месте, и с каждой минутой все более, все сильнее разгорается старое казачье сердце, а острая память живо рисует и напоминает былые картины его собственной лихости и молодечества; ни одна женщина, старая она или молодца, не может также быть спокойной зрительницей этой пролетающей мимо нее на конях орлиной молодежи, ясно припоминает лучшее время своей жизни и казака-героя, покорившего когда-то ее сердце. А дивчата — о, эти дивчата! Нужно быть очевидцем, чтобы наблюдать, как они на скачках ведут себя: не отрываясь, ничем не отвлекаясь они смотрят во все глаза и не могут вдоволь наглядеться на эту так захватывающую картину, тогда как девичье сердечко словно пойманный воробушек, колотится у каждой в груди, готовое совсем оттуда выпрыгнуть.

И, наверное, есть на что здесь посмотреть. Ведь все эти станичные дивчата не какие-нибудь изнеженные городские девицы, никогда не видавшие лихой казачьей езды. Каждая из них всегда способна, когда нужно, вскочить на любую неоседланную лошадь и пронестись

---

* Казаки-подростки (парубки) от 17 до 19 лет.

вскачь не одну версту по широкой степи, держась только за лошадиную гриву. Да и здесь на самых скачках, многие из них не побоялись бы сесть в седло и, взявши повод в крепкую, умелую руку, не хуже казака пронеслись бы в карьер перед этой многочисленной толпою зрителей. Однако, лететь на всем скаку через эти непреодолимые, казалось бы, препятствия, соскакивать с коня и опять на него взлетать, падать вниз головой, становиться вверх ногами и проделывать другие еще более удивительные номера казачьей джигитовки — нет, все это даже крепких нервами и сильных телом дивчат приводит иногда в испуг и забирает часто вскрикнуть.

Вот здесь то, на этих скачках, куда обычно съезжаются лучшие джигиты, избранные от трех соседних станиц, на доморослых, особо воспитанных и выученных кровных лошадях, и куда сходится посмотреть решительно вся станичная молодежь, именно здесь, больше чем где-либо, окончательно покоряется сердце молоденькой дивчины-казачки.

Так точно и сердечко черноокой Катруни, бывшее дотоле спокойным и для всех неприступным, было внезапно покорено и завоевано на таких скачках, а случилось это в минувшем году, на пятый день Пасхи.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО В НАРОДНЫХ ОБЫЧАЯХ НА КУБАНИ

"Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение".

Как радостны были для каждого из нас эти слова ангельской песни в день праздника Рождества Христова, когда мы были у себя на Родине! Но вот уже десятый раз мы вынуждены провести этот великий христианский праздник на чужбине, и та же радостная песнь не несет нам ни покоя, ни радости; даже более того: в дни великих праздников особенно глубоко чувствуется утрата мирной и спокойной жизни, какую мы имели в родном краю, а все окружающее нас становится чуждым и неприветливым.

И каждого эмигранта в эти дни преследует неотвязная, горькая мысль: "Зачем я здесь? Почему не дома? И до каких пор я буду, как отверженный, скитаться в чужих краях, не имея пристанища и спокойной, человеческой жизни?" — Сожмется у него сердце от таких жгучих вопросов, посмотрит он вокруг себя и, чтобы забыть на время горькую действительность, перенесется мысленно в родную сторонку, в те дорогие сердцу места, где жилось хорошо и привольно и где в этот великий праздник было так много веселья и тихой, светлой радости.

Так точно и я, скитаясь в чужих краях, с невыразимой болью встречаю всякий раз день Рождества Христова и всегда в этот день вспоминаю о том, как проводили этот

праздник у нас на Кубани. С большой сердечной отрадой припоминаю я дни моего детства, проведенные в родной станице, и каждый раз предо мной встают с особенной теплотой и яркостью картины бывшего тогда праздничного веселья, сопровождавшиеся прекрасными народными обычаями.

Это было давно. С тех пор прошло уже более пятидесяти лет, как я был малышом-подростком; и все таки я и сейчас очень ясно и живо представляю себе ту жизнь, какая происходила тогда в наших станицах. Наш казачий народ отличался в то время простотою жизни и удивительной прелестью народных обычаев. Это было такое время, когда всякий обман и бесчестный поступок человека становились известны на другой день по всей станице и карались всеобщим презрением, когда почти не было случаев воровства, и выпущенная со двора на толоку лошадь целый день паслась без всякого присмотра. Если же случалось в редкие годы убийство человека, где-либо в степи, на проезжей дороге (в станицах таких случаев я не помню), то весть об этом без газет, без телеграфа и телефонов, быстро облетала чуть не всю область, и долго потом печальный об этом рассказ переходил из уст в уста, вызывая у слушателей ужас и негодование. Народ дивился тому, как может человек решиться на такое страшное, безбожное дело.

В то время еще мало было в станицах грамотных людей, но не взирая на это, народ славился особенной чистотою нравов, и потому напрасно теперь так много восхваляют современное просвещение и с большим порицанием отзываются о темноте и грубости старого времени.

Когда я вспоминаю теперь до мельчайших подробностей всю обстановку праздничных дней Рождества Христова и Нового года, я горжусь старым временем, которому я был свидетель; я удивляюсь мудрости неграмотного народа, который мог создать такую красоту народных обычаев, вполне соответствующих праздничному времени и духу христианской религии.

Вне всякого сомнения, наш народ ясно представлял себе, что рождение Христа-Спасителя есть величайшее в жизни людей мировое событие и что родившийся

"Отроча Младо-Предвечный Бог" должен, поэтому, услышать в этот праздник наибольшую хвалу из чистых сердец и уст детей; и потому народ создал такие праздничные обычаи, в которых главную роль исполняли дети и своими звонкими голосами беспрестанно восхваляли и славословили Божественного Младенца.

Еще накануне праздника, на "богату кутю", детям поручают, бывало, набрать и принести в хату самого чистого и душистого сена, со всякими зелеными листиками, цветами и "разнотравием", которые дети же укладывали "на покути", под образами. Это место, очевидно, должно было напоминать собою вертеп и ясли, в которых родился Христос-Младенец. На это сено затем торжественно переносили, при участии детей, кутю и узвар — традиционное кушанье, установленное православным обычаем.

"Богата вечеря" начиналась рано, еще до сумерек, с появлением на небе первой звезды. Вокруг большого стола, стоявшего здесь же, возле "покути", торжественно усаживалась вся семья, со всеми детьми и домочадцами, и "вечеряла" чинно и спокойно, строго сохраняя молчание. Был старинный обычай, что если во время этой "вечери" кто чихнет, то глава семьи объявлял такому счастливцу в подарок первого телка или жеребенка, рождение которого скоро ожидалось.

После "богатой вечери" все малые дети, в возрасте отроков (до 7 лет), разносили "вечерю" своему крестному отцу и матери, в сопровождении взрослых; и вся станица, уже в сумерки, наполнялась детьми, снующими по всем улицам, и почти в каждый дом приходил малый ребенок и, после приветствия, поцеловав отцу или матери руку, чистым детским голоском объявлял, что "батько и мати прислали вам вечерю — ижте наздоровья".

Следует отметить, что кроме указанного обычая — разносить вечерю, канун праздника проходил всегда особенно тихо, в торжественном спокойствии, которое никем не нарушалось. Каждая семья находилась дома в полном составе и после вечери сейчас же укладывалась спать, т. к. большинство членов ее на первый день праздника старалось побывать в церкви. Никакого пения колядок, шумного веселья молодежи и всякого дурачества

в этот святой вечер нигде в наших станицах не бывало; православный народ и не мог допустить в канун великого праздника ничего подобного. А так как на Кубань (Черноморию), вместе с поселенцами из Запорожья и Украины, перешли целиком и все украинские народные обычаи, то из этого следует, что великий писатель Н. В. Гоголь, описывая жизнь и обычаи украинского народа, допустил в своей повести "Ночь под Рождество" крупную неточность: такой слишком веселой ночи под Рождество Христово нигде не бывало, да и быть не могло; она могла существовать только в веселой фантазии писателя.

В самый день праздника, рано утром, еще до рассвета, на улицах станицы всюду появлялись кучки детей-подростков, которые усердно перебежали со двора во двор и "славили Христа", а вечером молодые парни носили по станице "звезду", заходя с нею в каждую хату, где пели церковные песни. В это же время, еще до наступления сумерек, по улицам начинали ходить и "дивчата", составивши отдельные от хлопцев группы, подходили к окнам хат, и всюду слышалось громкое: "благословить колядовать!", а из хаты ответное: "Бог благословить", после чего в звонком морозном воздухе раздавалось пение колядки:

"Та спородила Иисуса Христа
Дива Мария.
Алеуя, алеуя,
Дива Мария"...

Ношение звезды и пение колядок продолжалось три вечера, а иногда и больше, но наряду с этим обычаем религиозного свойства, часто можно было услышать и колядки шуточные, исполняемые подростками-детьми для праздничного веселья, вроде следующей:

"Коляд-коляд, колядныця,
Добра з маком паляныця,
А писна нэ така —
Дай, дядьку, пятака!
А не дасы пятака,
Визьму вола за рога,
Хоч нэ вола, так тэлыцю,
Та й повэду у крамныцю".

Если поющим ничего за такую колядку не давали, что случалось довольно редко, то далее слышалось и такое пение:

"А в дядька-дядька
Дядына гладка:
Нэ хочэ встаты
Ковбасы даты".

Накануне Нового года, в день "Миланки", дивчата ходили под окнами хат "щэдрувать", т. е. петь песни в честь новолетия, которые назывались "щэдривками". Вечер "Миланки" считался по народному обычаю исключительно девичьим вечером, и потому молодые парни на улицы в этот вечер не допускались. Чувствуя себя вполне свободными, девушки занимались в это время ворожкой или подслушивали под окнами хат разговоры и по отрывочным словам и фразам старались истолковать свою судьбу. Но больше всего ходили небольшими группами для пения щэдривок. И снова слышались всюду по станице возгласы: "Благословить щэдрувать!" — "Бог благословить!" — После чего хор девушек пел щэдривку хотя бы такого содержания:

"А в Ерусалимэ рано задзвонилы.
Щэдрый вэчир, добрый вэчир,
Добрым людям на здоровья!
Там Дива-Мария по раю ходыла.
Щэдрый вэчир, добрый вэчир,
Добрым людям на здоровья!.."

Здесь нужно заметить, что ни одна колядка или щэдривка не заключала в себе, как обычно думают, ничего языческого — нехристианского, но по своему замыслу и содержанию почти всегда представляла прелестное поэтическое произведение народного творчества. Например, в этой щэдривке говорится далее о том, как Дева-Мария, гуляя по райскому саду, вспомнила о мучениях грешников и, соболезнуя об их участи, пришла к своему Божественному Сыну и стала просить Его ради праздничного торжества и наступающего новолетия помиловать их. Христос выдал ей золотые ключи от мест заключения и Божия Матерь выпустила грешные души

на свободу и привела их к дверям рая. Далее щедривка заканчивается словами:

"А райськия врата отворылыся.
Щэдрый вэчир, добрый вэчир,
Добрым людям на здоровья.
Уси там святии звэсэлылыся.
Щэдрый вэчир, добрый вэчир...
Та Матэри Божий поклонылыся.
Щэдрый вэчир, добрый вэчир"...

Ходили также щедровать под окнами подростки и малые дети, но у них щедровики были чисто детского, большей части практического содержания, как например:

"Щэдрык-вэдрык,
Дайте варэнык,
Грудочку кашкы,
Кильцэ ковбаскы!
Щэ й того мало:
Дайтэ кусок сала,
А як дастэ порося,
То й щэдрывка буде вся!"

Рано утром в день Нового года, еще в сумерки, все улицы станицы буквально заполнялись малыми детьми, в возрасте до 10 лет, которые настойчиво стучались во всякую хату, так как были убеждены, согласно народному верованию и обычаю, что они несут с собою счастье и что всюду их пустят. Каждый ребенок имел с собой сумку или "торбу", наполненную зерном пшеницы, ячменя, проса, гороха и проч., которую ему еще с вечера приготовила мать или бабка; а отец, вручая ему утром эту торбу, наказывал: "Иды, сынок, посыпай, щоб Бог послав урожай". Войдя в каждую хату с самым серьезным и деловитым видом, этот маленький вестник народного благополучия без разговоров запускал руку в торбу и рассыпал зерна по комнате, приговаривая:

"На щастя! На здоровья!
Роды, Божэ, жыто, пшэныцю
И всяку пашныцю!
З празныком! З Новым годом!
З новым щастям! З Васылием!"

Этих "посыпальныкив" было так много и они с таким усердием выполняли свое дело, что в каждой хате чистая для гостей комната за какой-нибудь час была вся густо усыпана зернами. С наступлением дня эти зерна старательно подметали и собирали, как особую драгоценность, а затем половину их отдавали домашним животным и птице, приговаривая: "на добрэ вам здоровья та на възлыкый плыд", а другую половину разбирали по сортам и примешивали к посевному зерну, со словами: "пошлы, Божэ, урожай на всих людэй, на увэсь край".

Вечером на Новый год ходили ряженые и пели всякие веселые песни, но чаще всего молодые парни водили по станице "козу", которая танцевала и отгадывала всякие загадки. Козою был какой-нибудь ловкий и вертлявый парень, в вывороченном "кожухе", но весь наружный вид ее был так искусно устроен, и она делала такие ловкие, натуральные телодвижения, а также танцевала, кланялась, прыгала и топала ногами, что получалось полное впечатление, что это живая коза.

Но кто-нибудь спросит, почему именно придумал народ "водить козу", а не другое какое животное? Да просто потому, что коза самая смелая, подвижная и любопытная из всех домашних животных; а всем известно, что куда бы ни выпустили козу на свободу, она непременно обходит все места, заглянет и побывает во всех уголках и закоулках; а из этого ее свойства исходил и самый замысел, для чего ее водили по хатам на Новый год: когда она танцевала, то вожатые припевали:

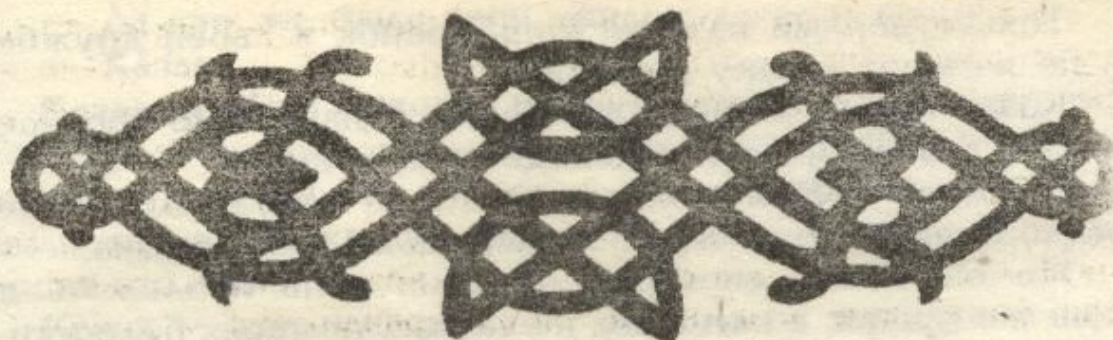
"Дэ коза ходэ,
Там жыто родэ;
Дэ коза туп-туп,
Там жыта симь куп"...

Много вспоминается мне еще и других праздничных обычаев, какими наш казачий народ украшал Рождественские и новогодние праздничные дни, но если вспомнить все и описать более подробно, то получится большой этнографический очерк, а такая работа в данный момент не входила в мою задачу.

Так проводили эти праздники у нас на Кубани в доброе старое время, и когда вспомнишь об этом здесь, в эмиграции, станет легче на душе и хоть немного отойдет тоска от сердца.

И хоть народ наш терпит сейчас у себя в родном краю тяжкое рабство, из которого как будто нет выхода, а мы скитаемся по чужим странам и не видим этому конца, — мы должны в эти дни великих праздников укрепиться надеждой, что всему этому скоро будет конец, что наши враги-супостаты, силою обстоятельств сойдут со сцены, и в родном освобожденном краю, по словам ангельской песни, воцарится "на земле мир, в человецех благоволение".

КТО ТАКИЕ КАЗАКИ?

1

Казачество... Казаки... не колеблюсь сказать:
на мой слух это звучит гордо.

Н. М. Мельников ("Казачество").

Казак — удаляя, отважная, неустрашимая голова.

Казак — лихой, смелый, неутомимый наездник.

Это воин с головы до ног, от рождения до смерти.

По первому зову бросает казак свои мирные занятия, в два-три дня собрался в поход, а на четвертый уже несетя на своем степном коне-скакуне и первым является на бранное поле.

В походе и на фронте он терпелив, вынослив и неприхотлив: на ходу, скоро ест, очень мало спит; всегда начеку, постоянно готов броситься на врага.

Но чем казак силен и крепок?

Он крепок своей вековой, неизменной дружбой с конем.

Сильнее этой дружбы на всем свете дружбы нет.

Верная казачья жена — драгоценный друг в семье: она содержит целый дом и скрашивает всю беспокойную жизнь казачью.

Однако, бывает, что иногда и такая жена изменит.

Только верный казачий конь крепок в своей дружбе и не изменит казаку никогда.

Казак и конь — это одно целое, удивительно прочное целое, в особенности в походе и на войне.

И поэтому казак может провести на коне бесконечное число дней, не чувствуя утомления, не зная отдыха.

Но он также способен не один день пролежать с конем в кустах, в камышах, не скучая, не теряя бодрости, и зорко следить за врагом.

А посмотрите, каков казак верхом на коне: сидит — не качнется, как прирос, будто родился вместе с конем.

Посадка бодрая, живая, без конца удалая: грудь вперед — колесом, плечи назад, голова запрокинута, шапка на самом затылке.

Но он и без коня скор и подвижен, как выюн, гибок, как молодой стебель, как прибрежный тростник.

Ходит скоро, вприпрыжку, сидит мало, но очень любит лежать на земле или на зеленой травке.

Глядит смело, открыто: глаза смеются, а на лице бойкая, но очень добрая улыбка.

2

И пойдет дыбом по свету о них слава,
и все узнают, кто такие казаки.

Гоголь. "Тарас Бульба".

Не знатен казак своим родом, происхождением, а прославился на весь свет.

Но кто же такой казак? Откуда он? Какого роду и племени?

Не спрашивайте об этом казака; на такие вопросы вы услышите все один и тот же ответ.

— Кто ты такой?

— Казак.

— Какого происхождения: роду и племени?

— Казачьего.

— Да кто же были твои предки: отцы и деды?

— Казаки.

Казак вообще никогда не занимался и слабо интересовался своим родом или происхождением. Только одно знает он твердо: что сам он — казак, что отцы и деды были такие же казаки, и с гордостью и достоинством носит это имя.

Казак — вольный человек, никогда не терпевший над собою чужого владычества и не знавший крепостного или другого рабства.

Свободный телом и душою воинственный отпрыск древнего славянского народа.

Это сын бесконечных южных степей, вольный, как воздух, свободный, как ветер.

Широкая, свободная степь его воспитала, взрастила; казачья земля, как мать родная, поставила на ноги, вскормила.

И потому в деле ратном казак надоедлив, как ветер, беспокоен, как вихрь; является там, где его не ждут, врывается туда, где его не просят.

Опасен казак на войне, страшен в битве и схватке: стреляет в самую точку, колет насквозь, рубит со всего плеча — надвое.

От него не спасешься, не укроешься: бегущего настигнет, приколет, лежащего в полон возьмет.

Таков казак на поле ратном и своей доблестью и удачью прославился на весь свет.

3

Казак никогда не унывает:
он и на войне и в походе песни играет.

Казачья поговорка.

Но правду ли говорят, что казак лют и кровожаден, что он дик и жесток, как зверь лесной?

Нет, неправда.

Так говорили и говорят только недруги казачьи, да еще те, кто казаков не видел и не знает.

Такие рассказы — сущая неправда и злостная выдумка. Совсем наоборот, казак — душа-человек: простой, сердечный и обходительный.

Никого без нужды не обидит, а со всяким обойдется по-братски, по-человечески. Мало того: у него всегда можно найти помощь и защиту, он горой станет за всякого слабого и обиженного.

Только в битве и схватке он ловок, как бес, и страшен врагу-противнику; но на бивуаке, во время отдыха, он весел и добр, как дитя, а всякого пленного накормит и напоит, — последним поделится.

Казак не только отличный воин, но он всегда надежный и хороший товарищ и друг. На него во всем можно положиться, как на самого себя. Уж он не выдаст и не изменит, а случится кому беда, так без зова кинется на выручку.

Казак каждому друг и приятель, со всеми веселый собеседник. Веселость и приветливость вошли у него в привычку, бодрый и шуточный тон редко сходит с его уст.

Ради этого не любит казак молчать и серьезничать: когда он в компании — шутит и беседует, когда сам — песни поет. Ох и большой он мастер песни петь! Видно, что от самой природы соловьиной породы. Как среди птиц соловей наилучший певец, так среди людей казак — первый песенник.

От колыбели до глубокой старости не расстаётся казак с песней: она постоянная спутница его беспокойной казачьей жизни.

И если нет у него супротивников на коне да в седле, в битве и схватке, то нет и соперников в хорошей песне. Доказал это казак и на деле: дома он пел, только своих веселил, а за границей запел — все рекорды побил.

И прославился казак даже в изгнании, в тяжелой эмигрантской жизни: не ратным искусством, не военно-боевой удачью, а дивной, чарующей песней, да лихой казачьей джигитовкой, гопаком и лезгинкой.

Таков был казак в старые годы, за дедов-прадедов, таким он остался и по сей день, а потому можно с уверенностью сказать, что славному казачьему роду никогда не быть переводу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виталий Бардадым. Жизнь и творчество	5
кубанского кобзаря Александра Пивня	5
Смиховынки	15
Яки на Чорномории заробиткы	15
Козаки в лагерях	16
Як козаки пьють горилку	19
Хытра розмова	20
Як солдат за обидом командував	22
Чы курыш, то й куры	22
Звукоподражание	23
Дрибязок	24
Прыказкы козацьки	30
Прыказкы на прыклад до имен	32
Прыспивы до козачка	34
Дрибязок	43
Прыспивы до гопака	49
Прыспивы до горилкы	50
Смиховынки	51
Старынна служба	51
Хивря та Хымка	52
Слипци	53
Чудна розмова	54
Яка робота, така й плата	54
Брехенька	55
Тэща та зять	58
Паниболотський кордон	63
Дид та школяр	64
Дурни люды	67
Нисенитныця	69
Коротун-Нэбида	74
Чы корабли йидять, чы-ни?	75
На ридний Кубани	76
Пьяному, як дурному...	83
Дыво — не горилка!	86
Нич	87
Старынна письня	89
Старынна запорожська письня	93
Добра казацька вдова	97

Судди слобидські	101
Чи допомагає горилка у доброму дили?	105
Як горилку добре пити	117
Горилочка — лукава: страшна з нєю забава!	121
Вэсэла мишаньця — або попури з байок	124
Як горилка забывае людям памороки	130
Брехенька	134
Живий мэртвяк	143
Горилка, як та гарна дивка	162
Козаки на Кубани	179
До булавы трэба головы	185
Российский аршын	189
Василь та Наталка	195
Черноокая Катруня	207
Рожество Христово в народных обычаях на Кубани	211
Кто такие казаки?	219

Александр Пивень

ТОРБА СМЕХА И МЕШОК ХОХОТА

Редактор *А. И. Заричнюк*

Оформление художника *С. В. Тараника*

Технический редактор *Р. И. Глова*

Корректор *В. А. Рубцова*

ЛР № 010194 выдана 19.02.92 г. Сдано в набор 15.08.94 г.
Подписано к печати 17.04.95 г. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага
офсетная. Гарнитура шрифта тип. "Балтика". Печать офсетная. Усл.
печ. л. 11,8. Учетно-изд. л. 12,2. Тираж 10 000. Заказ № 111. "С"—118.

Типография издательства "Советская Кубань".
350680, ГСП, г. Краснодар, ул. им. Шаумяна, 106.